https://srtmr.ru

Scientific Research:

Theory, Methods and Results

Сетевой научный журнал

№ 1 / 2026

Главный редактор журнала:
Фролова Елена Викторовна, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии, Российский государственный социальный университет, Россия, Москва.

Заместитель главного редактора: Куровская Наталья Анатольевна, генеральный директор ООО «Академия Науки и Образования», Донецк, Российская Федерация.

Члены редакционной коллегии:

Барков Сергей Александрович, доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой экономической социологии и менеджмента социологического факультета, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия, Москва.

Бобкова Елена Михайловна, доктор социологических наук, заведующая кафедрой социологии и социальных технологий, Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко, Приднестровская Молдавская Республика, Тирасполь.

Боброва Дарья Николаевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры государственного, муниципального и социального управления, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Россия, Санкт-Петербург.

Верещагина Анна Владимировна, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии, политологии и права Института по переподготовке и повышению квалификации преподавателей гуманитарных и социальных наук, Южный федеральный университет, Россия, Ростов-на-Дону.

Журавская Татьяна Николаевна, кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник, Дальневосточный федеральный университет, Россия, Владивосток.

Каменева Татьяна Николаевна, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии, Финансовый университет при Правительстве РФ, Россия, Москва.

Ковалев Виталий Владимирович, доктор социологических наук, профессор кафедры отраслевой и прикладной социологии, Южный федеральный университет, Россия, Ростов-на-Дону.

Леднева Виктория Юрьевна, доктор социологических наук, главный научный сотрудник, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Россия, Москва.

Мареева Светлана Владимировна, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия, Москва.

Наберушкина Эльмира Кямаловна, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве РФ, Россия, Москва.

Новоселова Елена Николаевна, кандидат социологических наук, доцент, зам. зав. кафедрой социологии семьи и демографии по научной работе социологического факультета, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия, Москва.

Певная Мария Владимировна, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и технологий государственного и муниципального управления, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Россия, Екатеринбург.

Погосян Геворк Арамович, доктор социологических наук, директор института, Институт философии, социологии и права НАН Республики Армении, Армения, Ереван.

Проказина Наталья Васильевна, доктор социологических наук, профессор кафедры

социологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве РФ, Россия, Орел.

Пьянкова Анастасия Ивановна, кандидат социологических наук, доцент кафедры демографии, Институт демографии имени А.Г. Вишневского, Россия, Москва.

Ростовская Тамара Керимовна, доктор социологических наук, директор, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Россия, Москва.

Сергиенко Алие Мустафаевна, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Россия, Барнаул.

Судьин Сергей Александрович, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей социологии и социальной работы, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Россия, Нижний Новгород.

Тихонова Елена Викторовна, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и рекламных коммуникаций, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина, Россия, Москва.

Чевтаева Наталия Геннадьевна, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой управления персоналом и социологии, Уральский институт управления – филиал РАНХиГС, Россия, Екатеринбург.

Черкашина Татьяна Юрьевна, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Россия, Новосибирск.

Учредитель и издатель:

ООО «АКАДЕМИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ»

Адрес учредителя: 283086, Донецкая Народная Республика, г. о. Донецк, г. Донецк, ул. Артема, д. 41, ком. 306в.

ИНН: 9303040432

КПП: 930301001

ОГРН: 1259300002103

Телефон: +7(909)679-60-04

Сайт: https://srtmr.ru/

Регистрационный номер СМИ: Эл № ФС77-92136 выдан 25.08.2026 г. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Издатель: Куровская Наталья Анатольевна, Генеральный директор ООО «АНО».

Адрес издателя: г. Москва

© Scientific Research: Theory, Methods and Results, 2026 г.

Периодичность 4 раза в год.

В ЖУРНАЛЕ ПУБЛИКУЮТСЯ СТАТЬИ ПО СЛЕДУЮЩИМ НАУЧНЫМ СПЕЦИАЛЬНОСТЯМ:

5.2.7. «Государственное и муниципальное управление (социологические науки)»

5.4.3. «Демография (социологические науки)»

5.4.2. «Экономическая социология (социологические науки)»

ПОРЯДОК РАССМОТРЕНИЯ СТАТЕЙ

Все представленные рукописи первоначально проверяются редакцией на соответствие тематике журнала и проводят проверку на оригинальность (с использованием соответствующих программно-аппаратных комплексов). Прошедшие этот этап статьи передаются на анонимное рецензирование членам редакционной коллегии или привлеченным внешним экспертам. При условии получения положительных рецензий без замечаний по

существу исследования статья принимается к публикации, включается в редакционный портфель и размещается в очередном номере журнала.

Научный журнал «Scientific Research: Theory, Methods and Results» занимается публикацией научно-практических исследований в соответствии с номенклатурой научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени.

Наш журнал стремится сделать процесс публикации максимально удобным для авторов, поэтому допускает различные варианты оформления библиографических ссылок и списка литературы.

Список источников оформляется по ГОСТ 7.0.5-2008 и приводится в конце статьи под заголовком «Список источников». При этом допускаются следующие форматы библиографических ссылок:

- Внутритекстовые ссылки (по стандарту APA)
- Подстрочные ссылки (по ГОСТ 7.0.5-2008)
- Затекстовые ссылки (по ГОСТ 7.0.5-2008)

Мы предоставляем авторам гибкость в оформлении, чтобы минимизировать бюрократические барьеры и сосредоточиться на содержании научного исследования. Главное — единообразие внутри самой статьи.

ПЛАТА ЗА ПУБЛИКАЦИЮ

Редакция не взимает с авторов плату за подготовку, размещение или печать материалов.

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на «Scientific Research: Theory, Methods and Results» обязательна.

Полная или частичная перепечатка материалов допускается только по письменному разрешению авторов статей или редакции.

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций.

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

Chief Editor:
Frolova Elena Viktorovna, Doctor of Sociology, Professor of the Department of Sociology, Russian State Social University, Moscow, Russia.

Deputy Chief Editor: Kurovskaya Natalia Anatolyevna, General Director of "Academy of Science and Education" LLC, Donetsk, Russian Federation

Editorial Board:

Barkov Sergei Aleksandrovich, Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Economic Sociology and Management, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Bobkova Elena Mikhailovna, Doctor of Sociology, Head of the Department of Sociology and Social Technologies, Pridnestrovian State University named after T.G. Shevchenko, Tiraspol, Pridnestrovian Moldavian Republic.

Bobrova Daria Nikolaevna, PhD in Sociology, Associate Professor of the Department of State, Municipal and Social Administration, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia.

Vereshchagina Anna Vladimirovna, Doctor of Sociology, Professor of the Department of Sociology, Political Science and Law, Institute for Retraining and Advanced Training of Teachers of Humanities and Social Sciences, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia.

Zhuravskaia Tatiana Nikolaevna, PhD in Sociology, Associate Professor, Senior Research Fellow, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

Kameneva Tatiana Nikolaevna, Doctor of Sociology, Professor of the Department of Sociology, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Kovalev Vitalii Vladimirovich, Doctor of Sociology, Professor of the Department of Sectoral and Applied Sociology, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia.

Ledneva Viktoriia Iurevna, Doctor of Sociology, Chief Research Fellow, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Mareeva Svetlana Vladimirovna, PhD in Sociology, Leading Research Fellow, Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, HSE University, Moscow, Russia.

Naberushkina Elmira Kiamalovna, Doctor of Sociology, Associate Professor, Professor of the Department of Sociology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Novoselova Elena Nikolaevna, PhD in Sociology, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Sociology of Family and Demography for Research, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Pevnaia Mariia Vladimirovna, Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Sociology and Technologies of State and Municipal Administration, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia.

Pogosian Gevork Aramovich, Doctor of Sociology, Director of the Institute, Institute of Philosophy, Sociology and Law of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, Yerevan, Armenia.

Prokazina Natalia Vasilevna, Doctor of Sociology, Professor of the Department of Sociology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Orel, Russia.

Piankova Anastasiia Ivanovna, PhD in Sociology, Associate Professor of the Department of Demography, Vishnevsky Institute of Demography, Moscow, Russia.

Rostovskaia Tamara Kerimovna, Doctor of Sociology, Director, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Sergienko Alie Mustafaevna, Doctor of Sociology, Leading Research Fellow, Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Barnaul, Russia.

Sudin Sergei Aleksandrovich, Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of General Sociology and Social Work, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia.

Tikhonova Elena Viktorovna, Doctor of Sociology, Professor of the Department of Sociology and Advertising Communications, Kosygin Russian State University, Moscow, Russia.

Chevtaeva Nataliia Gennadevna, Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Personnel Management and Sociology, Ural Institute of Management – Branch of RANEPA, Yekaterinburg, Russia.

Cherkashina Tatiana Iurevna, PhD in Sociology, Leading Research Fellow, Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia.

Founder and publisher:
LLC "ACADEMY OF SCIENCE AND EDUCATION"
Founder's address: 41 Artem str., room 306b, Donetsk city, Donetsk People's Republic, 283086.
INN: 9303040432
KPP: 930301001
OGRN: 1259300002103
Phone: +7 (909)679-60-04
Website: https://srtmr.ru/

Media registration number: El No. FS77-92136 issued on 25.08.2026 by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)

Publisher: Kurovskaya Natalia Anatolyevna, CEO of ANO LLC.
Publisher's address: Moscow

© Scientific Research: Theory, Methods and Results, 2026 г.
The frequency is 4 times a year.

THE JOURNAL PUBLISHES ARTICLES ON THE FOLLOWING SCIENTIFIC SPECIALTIES:
5.2.7. "State and Municipal Administration (Sociological sciences)"
5.4.3. "Demography (Sociological Sciences)"
5.4.2. "Economic Sociology (Sociological Sciences)"

PROCEDURE FOR REVIEWING ARTICLES

All submitted manuscripts are initially checked by the editorial staff for compliance with the journal's subject matter and checked for originality (using appropriate software and hardware systems). Articles that have passed this stage are submitted for anonymous review to members of the editorial board or external experts involved. Subject to receiving positive reviews without comments on the research substance, the article is accepted for publication, included in the editorial portfolio and placed in the next issue of the journal.

The scientific journal "Scientific Research: Theory, Methods and Results" publishes scientific and practical research in accordance with the nomenclature of scientific specialties for which academic degrees are awarded.

Our journal strives to make the publication process as convenient as possible for authors, so it allows for various design options for bibliographic references and references.

The list of sources is drawn up in accordance with GOST 7.0.5-2008 and is given at the end of the article under the heading "List of sources". The following formats of bibliographic references are allowed:

- Intra-text links (according to the APA standard)
- Footnotes (according to GOST 7.0.5-2008)
- Non-text links (according to GOST 7.0.5-2008)

We provide authors with flexibility in design to minimize red tape and focus on the content of their research. The main thing is uniformity within the article itself.

PUBLICATION FEE

The editorial board does not charge authors a fee for the preparation, placement or printing of materials.

When using published journal materials, a link to "Scientific Research: Theory, Methods and Results" is required.

Full or partial reprint of materials is allowed only with the written permission of the authors of the articles or the editorial board.

The editors 'point of view does not always coincide with the authors' point of view.

ОГЛАВЛЕНИЕ

5.2.7. Государственное и муниципальное управление 11

Смирнов Н.Н. ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ СТРУКТУРЫ ГОРОДА ПОД ВЛИЯНИЕМ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА МЕХАНИЗМЫ МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ 11

Котельникова Е.А., Мотькин Р.В. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОССЛУЖБЫ В УСЛОВИЯХ ИЗМЕНЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ 29

Щемелева И.И. ВЛИЯНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ И КУЛЬТУРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ НА ПРОЦЕСС ПРИНЯТИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ НА МУНИЦИПАЛЬНОМ УРОВНЕ 49

Бобошко А.А. ТРАНСФОРМАЦИЯ АВТОНОМИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ПРИ ПЕРЕДАЧЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ 69

Литвинцева С.А. ОТКЛОНЕНИЯ В РАБОТЕ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОГРАММ 90

Зязин С.Ю. ИНТЕГРАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В СИСТЕМУ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕГИОНАЛЬНЫХ МИНИСТЕРСТВ И ВЕДОМСТВ 112

5.4.2. Экономическая социология 133

Кифичак Т.Ю. СОЦИОЛОГИЯ ПЛАТФОРМЕННОЙ ЗАНЯТОСТИ: АЛГОРИТМИЧЕСКИЙ КОНТРОЛЬ, ПОТЕРЯ АВТОНОМИИ И ФОРМИРОВАНИЕ ЦИФРОВОГО ПРЕКАРИАТА 133

Смирнова Ю.А. НЕФОРМАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СДЕЛОК НА ЛОКАЛЬНЫХ РЫНКАХ: РОЛЬ ДОВЕРИЯ, РЕПУТАЦИИ И СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ 153

Филиппова К.В. ЭТИЧНОЕ И СТАТУСНОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ В СТРАТЕГИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ ДИСТИНКЦИИ РОССИЙСКОГО ГОРОДСКОГО СРЕДНЕГО КЛАССА 171

Шекунова Ю.О. СОЦИОЛОГИЯ БЫТОВОГО ДОЛГА: МОРАЛЬНЫЕ ЭКОНОМИКИ ЗАИМСТВОВАНИЯ И СТИГМАТИЗАЦИЯ БАНКРОТСТВА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ 188

5.4.3. Демография 206

Передумов М.А. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ЛОВУШКИ ВТОРОГО ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПЕРЕХОДА: РАЗРЫВ МЕЖДУ ЭГАЛИТАРНЫМИ УСТАНОВКАМИ И РЕПРОДУКТИВНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ 206

Лебедева Л.Г. СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ МИГРАЦИОННЫХ СЕТЕЙ И ЕГО РОЛЬ В ТРУДОВОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ В РОССИЙСКИХ АГЛОМЕРАЦИЯХ 229

5.2.7. Государственное и муниципальное управление

Научная статья
УДК 316.334.56:314.7:352

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ СТРУКТУРЫ ГОРОДА ПОД ВЛИЯНИЕМ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА МЕХАНИЗМЫ МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Смирнов Никита Николаевич, кандидат социологических наук, Военный университет им. князя Александра Невского МО РФ, Россия, Москва, nikita-smirnov@mail.ru

В статье рассматривается трансформация пространственной структуры города под влиянием миграционных процессов и анализируются её последствия для муниципального управления. Цель исследования заключается в систематизации подходов к оценке территориальной локализации мигрантов и разработке аналитической модели адаптации муниципальных управленческих механизмов. Методологическую основу составляют сравнительный анализ научных подходов, институциональная интерпретация миграционных процессов и типологизация пространственных конфигураций расселения. Выделены три основные модели территориальной локализации, различающиеся доступностью социальной инфраструктуры, характером межгруппового взаимодействия и условиями социальной интеграции. Предложена матрица муниципального реагирования, предусматривающая развитие территориального мониторинга, согласование инфраструктурного планирования с изменением состава населения и расширение механизмов участия жителей в принятии локальных решений. Показано, что пространственная концентрация мигрантов не является самостоятельным свидетельством социальной изоляции или конфликтности. Полученные результаты имеют аналитико-типологический характер и могут использоваться при разработке дифференцированных подходов к

муниципальному управлению.

Ключевые слова: пространственная структура города; миграционная мобильность; муниципальное управление; социальная интеграция; территориальное планирование; локальные сообщества.

Original article

TRANSFORMATION OF THE CITY'S SPATIAL STRUCTURE UNDER THE INFLUENCE OF MIGRATION PROCESSES AND ITS IMPACT ON MUNICIPAL GOVERNANCE MECHANISMS

Smirnov Nikita Nikolaevich, Candidate of Sociological Sciences, Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation, Moscow, Russia, nikita-smirnov@mail.ru

This article examines the transformation of the city's spatial structure under the influence of migration processes and analyzes its implications for municipal governance. The aim of the study is to systematize approaches to assessing the territorial localization of migrants and develop an analytical model for adapting municipal governance mechanisms. The methodological basis is a comparative analysis of scientific approaches, an institutional interpretation of migration processes, and a typology of spatial settlement configurations. Three main models of territorial localization are identified, differing in the availability of social infrastructure, the nature of intergroup interaction, and the conditions of social integration. A municipal response matrix is proposed, envisaging the development of territorial monitoring, the alignment of infrastructure planning with changes in population composition, and the expansion of mechanisms for resident participation in local decision-making. It is shown that the spatial concentration of migrants does not independently indicate social isolation or conflict. The obtained results are analytical and typological in nature and can be used in the development of differentiated approaches to municipal governance.

Keywords: urban spatial structure; migration mobility; municipal governance;

social integration; territorial planning; local communities.

Введение. Развитие урбанизированной территории в настоящее время связано с концепцией социопространственного организма. В рамках данной парадигмы городская среда рассматривается как динамическая система, в которой морфология застройки и функциональное зонирование взаимосвязаны с демографическими изменениями. Миграционная мобильность в настоящее время выступает одним из ключевых факторов подобных трансформаций, изменяя сложившиеся характеристики городской среды. Приток новых социальных групп инициирует цепные реакции в инфраструктурном каркасе, заставляя традиционные центры притяжения уступать место новым, зачастую стихийно формирующимся узлам социальной активности, что подразумевает совершенствование представлений о природе урбанистического пространства [1].

Формирование под воздействием внешних и внутренних перемещений территориальных анклавов, зон джентрификации или маргинализированных периферий, ведет к усложнению карты социальной стратификации. Миграционные потоки, обладая собственным вектором и культурно-поведенческими паттернами, накладываются на существующую планировочную структуру, порождая феномены пространственной сегрегации и фрагментации. Социальные группы, различающиеся по уровню экономического капитала и адаптационным стратегиям, начинают осваивать городское пространство избирательно при создании коммуникативных сред и альтернативных систем квартальных связей. Атомизация и одновременная кластеризация сообществ внутри муниципального образования ослабляют локальную солидарность и превращают территорию в пространство проявления социальных противоречий и конфликтов за ресурсы [2].

Обнаруживается противоречие между текучестью описанных демографических процессов и ригидностью нормативно-правовых конструкций,

на которых базируется местная публичная власть. Классические инструменты муниципального управления, ориентированные на работу с относительно однородным и территориально закреплённым населением, показывают свою несостоятельность в условиях новой пространственной реальности. Административные границы, схемы бюджетного выравнивания и маршрутизация социальных услуг по-прежнему опираются на устаревшие данные регистрационного учета, игнорируя фактическую плотность и специфические запросы мигрирующих сообществ. Институциональная инерция органов местного самоуправления приводит к тому, что управленческие решения принимаются в отрыве от реальной социальной и культурной среды города, что снижает эффективность расходования бюджетных средств и уровень доверия со стороны новых жителей.

Необходимость преодоления данного институционального запаздывания обусловливает актуальность исследования, направленного на синтез социологического знания о природе городского пространства и прикладных задач государственного и муниципального управления. Целью работы выступает выявление механизмов, посредством которых миграционная мобильность трансформирует территориальную организацию социума, и последующая концептуализация адаптивных моделей местного самоуправления. В рамках статьи последовательно решаются задачи по социологической интерпретации урбанизированной среды как открытой системы, анализируется специфика пространственного распределения мигрантских групп и разрабатываются предложения по модернизации управленческого инструментария. Предлагаемый подход позволяет рассматривать проблему миграции в контексте пространственного планирования и территориального маркетинга и совершенствовать механизмы муниципального управления в условиях современной социальной динамики.

Обзор литературы. Современное научное понимание урбанизированного пространства изменилось: территория всё реже рассматривается исключительно

как место размещения инфраструктурных объектов. Согласно процессуальной парадигме город - непрерывно воспроизводящийся социокультурный процесс [3]. В работе Д.И. Олифира обосновывается тезис о том, что городская среда обладает собственной субъектностью, формируя специфические паттерны поведения и коммуникативные связи, которые, в свою очередь, детерминируют физическую морфологию районов [4]. В рамках данного подхода можно проследить, как внешние демографические изменения приводят к внутренним структурным изменениям городской среды.

Пространственная социология, развиваемая Г.Ф. Ахметовой, Р.Н. Комлевой, А.А. Прямицыным [5], [6], акцентирует внимание на том, что динамизм городской системы коррелирует с интенсивностью миграционных перемещений. Авторы показывают, что мобильность населения выступает фактором преобразования городского пространства. Мигранты, принося с собой гетерогенные культурные коды и экономические стратегии, вступают в коллизию с устоявшимися нормами освоения территории. Это приводит к конкуренции социальных групп за размещение и освоение городского пространства, который Н.Л. Смакотина описывает через призму перераспределения символических и материальных ресурсов в масштабах локальных сообществ [7]. В результате городское пространство становится объектом постоянного согласования интересов различных социальных групп, что подразумевает исследование латентных механизмов территориальной стратификации.

Интеграция социологических концепций пространства с проблематикой публичной власти составляет отдельный вектор современных научно-исследовательских работ. И.В. Манаева, Д.М. Журавлев и В.В. Мельников указывают на то, что модели муниципального управления, опирающиеся на административно-территориальное деление, оказываются недостаточно эффективными для учёта изменчивости социальных сетей и миграционных траекторий [8]. Чтобы систематизировать существующие подходы к этой

коллизии и выявить эволюцию взглядов на взаимосвязь пространственной динамики и управленческих практик, нами была разработана аналитическая матрица (таблица 1).

Таблица 1 - Эволюция теоретико-социологических подходов к анализу городской среды в контексте муниципального управления

Теоретическая парадигма	Ключевые фокусы анализа	Роль миграционных процессов	Императивы для муниципального управления
Неопозитивистская (экологическая)	Физическая инфраструктура	Внешний шок, требующий адаптации ресурсов	Корректировка нормативов обеспечения и бюджетного выравнивания
	Функциональное зонирование		
Реляционистская (пространственная социология)	Социальные практики	Внутренний агент трансформации смыслов и границ	Инклюзивное планирование
	Сети		Работа с локальными идентичностями
	Символические границы		
Институционально-сетевая	Взаимодействие акторов	Фактор усложнения сети стейкхолдеров	Партисипаторные механизмы
	Когнитивные карты территории		Соуправление территорией

Источник: составлено автором на основе обзора источников литературы.

Если ранние концепции, сохраняющие влияние в нормотворческой практике, рассматривали приток нового населения как нагрузку на инженерные и социальные мощности, то современные реляционистские и сетевые подходы видят в миграции детерминанту обновления социального контракта на локальном уровне. Как следует из сопоставления парадигм (таблица 1), их смена влечет за собой корректировку задач органов местного самоуправления в направлении формирования гибких механизмов медиации между различными группами жителей. Данная эволюция взглядов подтверждает необходимость поиска гибких форматов территориального управления, способных опережать стихийные процессы пространственной сегрегации [9].

Дополнительный ракурс к анализу взаимосвязи миграции и пространственного развития дает факторный подход Р.В. Фаттахова, М.М. Низамутдинова и В.В. Орешникова. Авторы показывают, что направленность миграционных потоков формируется не отдельным

показателем, а совокупным воздействием пространственных, экономических, социальных и демографических условий. При этом агрегированный уровень экономического развития или урбанизированности сам по себе не гарантирует миграционной привлекательности: значимыми становятся конкретные параметры повседневной жизни - доступность занятости и оплаты труда, социальных благ, медицинской инфраструктуры, безопасность и издержки территориальной мобильности. Применительно к городской среде это означает целесообразность перехода от универсального показателя «миграционной нагрузки» к многомерному профилю территориальной привлекательности, способному объяснять различия между районами с сопоставимой формальной обеспеченностью инфраструктурой [11].

Муниципальное измерение данной проблемы детализировано Л.А. Глазковой, которая связывает эффективность регулирования внутренней миграции с учетом особенностей ее проявления одновременно на региональном и муниципальном уровнях и с координацией муниципальной системы с федеральными и региональными контурами управления. В предлагаемом ею понимании муниципальное регулирование затрагивает не только численность и направления перемещений, но также расселение, интеграцию мигрантов и их включение в новую социальную среду. Для настоящего исследования этот подход принципиален, поскольку позволяет рассматривать пространственную кластеризацию не как побочный результат миграции, а как непосредственный объект управленческого воздействия, связанный с адресностью услуг, инфраструктурной обеспеченностью и качеством взаимодействия органов власти с локальными сообществами [12].

Но большинство исследований фокусируются на микроуровне повседневных практик мигрантов либо отражают результаты макроэкономического анализа региональных рынков труда. При этом прикладной инструментарий, позволяющий муниципальным образованиям учитывать социологические данные о пространственных изменениях в процессе

стратегического планирования, имеет ограниченную практическую результативность. Преодоление этого противоречия обусловливает синтез концепций пространственной социологии с конкретными механизмами муниципального администрирования, что и составляет методологическую основу для аргументации в основной части настоящего исследования.

Материалы и методы исследования. Исследование выполнено с использованием сравнительно-аналитического и институционального подходов к изучению миграционной мобильности и пространственной организации городских сообществ. Информационную основу составляют научные публикации, посвящённые социальной сегрегации, территориальной концентрации населения и механизмам муниципального управления. Для систематизации материала применены методы сравнительной типологизации, структурно-функционального анализа и концептуального моделирования. Основными аналитическими признаками выступают экономическая доступность жилья, территориальная концентрация мигрантов, состояние социальной инфраструктуры, особенности трудовой занятости и характер взаимодействия с принимающим сообществом. На основании сочетания указанных признаков сформирована типология пространственной локализации мигрантов и предложена матрица адаптивных муниципальных решений.

Результаты исследования и их обсуждение. Сравнительный анализ подходов к изучению миграционной мобильности позволяет выделить несколько типов пространственной локализации мигрантов. На формирование территориальных конфигураций могут влиять доступность жилья, расположение рабочих мест, транспортная связность, наличие родственных и профессиональных контактов, а также особенности сложившейся городской застройки. Сочетание указанных факторов создаёт предпосылки для формирования территорий с различной интенсивностью межгруппового взаимодействия. При этом пространственная концентрация населения, объединённого общими социальными или этнокультурными характеристиками,

сама по себе не свидетельствует о формировании замкнутого сообщества. Риски ограниченной социальной интеграции могут возникать при сочетании территориальной концентрации с недостаточной доступностью инфраструктуры, ограниченными возможностями трудовой мобильности и устойчивыми институциональными барьерами. Предложенная типология отражает возможные конфигурации пространственной организации и основания для дифференцированной оценки со стороны муниципального управления (таблица 2).

Таблица 2 - Типология пространственной локализации мигрантов и ее социальные и управленческие импликации

Тип территориальной конфигурации	Характеристика пространственного паттерна	Социокультурная динамика внутри кластера	Императивы для муниципального реагирования
Компактные этносоциальные анклавы	Высокая плотность застройки	Формирование замкнутых коммуникационных сред	Развитие межкультурной медиации
	Концентрация в историческом центре или ветхом фонде	Воспроизводство культурных норм страны исхода	Профилактика межэтнической напряженности
			Адаптация социальной инфраструктуры
Арендная периферия спальных районов	Расселенное проживание в типовых многоквартирных домах на окраинах	Атомизация индивидов	Точечное усиление участковых служб
		Низкий уровень локальной солидарности	Создание центров первичной адаптации
		Высокая латентность социальных проблем	Вовлечение в местные инициативы
Транзитные трудовые узлы	Временная концентрация вблизи транспортных хабов и коммерческих зон	Ситуативная мобильность	Оптимизация логистики
		Преобладание утилитарных связей	Регулирование стихийной торговли
		Высокая текучесть контингента	Обеспечение базовых санитарно-гигиенических стандартов

Источник: разработано автором.

Содержательно представленную типологию территориальной локализации

целесообразно дополнить факторным профилированием адаптации мигрантов. В исследовании Л.А. Глазковой такие факторы сгруппированы в экономический, безопасностный, мотивационный, коммуникативный, образовательный блоки, блок самореализации и факторы общего характера. К ним относятся обеспеченность жильем и занятостью, материальное положение, состояние правопорядка и здравоохранения, чувство защищенности, установки и мотивы миграции, отношение принимающего сообщества, степень культурной интеграции, доступность образовательных услуг, возможности профессиональной самореализации, родственные связи и длительность проживания на территории вселения [12]. Включение подобного набора переменных в анализ пространственных кластеров позволяет объяснять, почему внешне сходные по типу застройки территории демонстрируют различную скорость социальной адаптации и неодинаковую степень локальной напряженности.

Такой подход согласуется с выводом Р.В. Фаттахова, М.М. Низамутдинова и В.В. Орешникова о необходимости типологизации не только территорий, но и групп мигрантов с последующим выявлением специфичных для каждой группы факторов и инструментов управления [11]. Для компактных анклавов приоритетными становятся коммуникативные и интеграционные параметры, для арендной периферии — доступность занятости, жилья и базовых социальных сервисов, для транзитных трудовых узлов - транспортная доступность, безопасность и устойчивость сервисной инфраструктуры. Тем самым дифференцированное муниципальное реагирование получает не только пространственное, но и факторное обоснование.

Выявленная трансформация пространственной структуры свидетельствует о кризисе традиционного муниципального инструментария, рассчитанного на условия территориальной стабильности и относительной однородности населения. Действующие правила землепользования и застройки, а также нормативы обеспечения объектами социальной инфраструктуры, опираются на

данные постоянного регистрационного учета, не учитывая фактическую численность временно проживающего населения [10]. Это приводит к перегрузке существующих мощностей в одних районах и их недозагрузке в других, создавая социальное напряжение. Чтобы сократить эти диспропорции, органам муниципального управления необходимо перейти к гибкой сетевой модели управления, учитывающей мобильность современного городского населения.

Перевод выявленных пространственных паттернов в управленческие решения требует отказа от статической диагностики миграционной ситуации. Л.А. Глазкова предлагает дифференцировать диагностический контур на качественную диагностику текущего состояния, количественную оценку параметров миграционных процессов, динамическое наблюдение за их изменением, причинную диагностику и функциональную оценку социальных последствий [12]. Для муниципального управления такая схема особенно значима в условиях высокой доли временно проживающего населения, когда регистрационные данные запаздывают относительно фактического использования городской инфраструктуры. Она позволяет последовательно фиксировать не только масштаб концентрации новых резидентов, но и траекторию ее изменения, причины формирования конкретного кластера и последствия для локального сообщества.

В организационном отношении такой диагностический контур может быть встроен в непрерывный цикл управления: сбор и сопоставление социологических, пространственных и инфраструктурных данных; выявление отклонений; типологизация территории и соответствующих групп резидентов; выбор набора мер; последующий мониторинг и корректировка решений. Циклический характер миграционной политики подчеркивается также Р.В. Фаттаховым, М.М. Низамутдиновым и В.В. Орешниковым [11]. В результате мониторинг перестает быть исключительно описательной процедурой и становится механизмом обратной связи между изменением городской среды и

муниципальным администрированием.

Данный переход представлен в разработанной нами матрице трансформации управленческих практик (таблица 3), которая сопоставляет устаревающие административные подходы с адаптивными механизмами.

Таблица 3 - Парадигмальный сдвиг в инструментарии муниципального управления в условиях миграционной мобильности

Направление муниципального регулирования	Традиционный инструментарий	Адаптивный (гибкий) инструментарий
Территориальное планирование и благоустройство	Жесткое функциональное зонирование	Функциональное смешивание
	Нормативное благоустройство по единому стандарту	Тактический урбанизм
		Адаптация общественных пространств под запросы новых групп
Бюджетирование и социальное обеспечение	Подушевое финансирование на основе данных паспортного учета	Проектное финансирование, ориентированное на фактическую плотность и специфические нужды территориальных кластеров
Коммуникация и участие населения	Формальные публичные слушания	Цифровые партисипаторные платформы
	Работа только с зарегистрированными собственниками	Создание локальных центров интеграции
		Привлечение представителей групп мигрантов

Источник: разработано автором.

Представленную в таблице 3 адаптивную модель целесообразно дополнить внутренней архитектурой муниципальной стратегии. В работе Л.А. Глазковой такая стратегия включает пять взаимосвязанных компонентов: концептуальный, диагностический, технологический, ресурсный и организационный [12]. Концептуальный компонент задает направление и характер регулирования, диагностический обеспечивает постоянную оценку миграционной ситуации, технологический определяет набор способов воздействия, ресурсный фиксирует необходимые институциональные, нормативные, информационные, научно-методические и кадровые возможности, а организационный формирует устойчивый контур координации участников.

Особое значение имеет технологический компонент, в рамках которого

предлагается балансировать экономические, административные и социальные способы воздействия, не сводя регулирование к одному типу инструментария [12]. Организационный контур, в свою очередь, должен обеспечивать согласованное участие муниципальных органов, государственных структур, бизнеса, научного сообщества, общественных организаций, диаспор, местных жителей и самих мигрантов. Для рассматриваемой модели пространственного соуправления это означает переход от фрагментарного ведомственного реагирования к сетевой координации, где каждый участник обладает собственной зоной ответственности, а муниципалитет выполняет функцию интегратора.

Процессуальные требования к такой системе дополняются выводами Р.В. Фаттахова, М.М. Низамутдинова и В.В. Орешникова. Авторы обосновывают необходимость единства методической и методологической базы, взаимосвязи этапов миграционной политики, применения современных информационно-коммуникационных технологий, типологизации территорий и групп мигрантов, а также ориентации на комплексное развитие территорий [11]. Существенным элементом становится формирование единого информационного пространства и межведомственного обмена данными, позволяющих оперативно выявлять проблемные ситуации и корректировать решения по результатам мониторинга. На муниципальном уровне данный принцип может быть реализован в форме постоянно действующего ситуационно-аналитического контура, объединяющего социальный мониторинг, пространственные данные и сведения об инфраструктурном потреблении.

Пространственная трансформация города под влиянием миграции представляет собой объективный процесс, требующий от муниципального управления выполнения интегрирующей функции. Эффективность органов местной власти в современных условиях будет определяться способностью своевременно выявлять изменения городской социальной среды и адаптировать к ним институциональные механизмы.

Выводы. На смену прежней парадигме приходит понимание локального пространства как динамически изменяющейся социальной среды, одной из ключевых характеристик которой являются интенсивность и направления перемещений населения.

В социологическом измерении выявленные пространственные трансформации свидетельствуют о кризисе классического муниципального социального контракта. Сложившаяся модель взаимных обязательств между муниципалитетом и мигрантами, базировавшаяся на презумпции долгосрочной территориальной привязки и гомогенности сообщества, стремительно размывается под воздействием миграционной мобильности. Формирование новых территориальных конфигураций обусловливает проработку совершенно иных механизмов легитимации местного самоуправления. Признание за временно пребывающими и мигрирующими группами статуса полноправных стейкхолдеров, чьи повседневные практики напрямую влияют на социально-экологический баланс, обозначает основополагающее условие общественной стабильности. Интеграция этих групп в городское пространство становится стратегической задачей пространственного планирования.

Выявленные изменения указывают на необходимость разработки аналитического инструментария, соответствующего современным урбанистическим процессам. Системы оценки эффективности органов местного самоуправления, основанные на устаревающих данных регистрационного учёта, приводят к управленческим ошибкам, скрывая реальные диспропорции в потреблении территориальных благ. Назревает концепция динамического картографирования социальных практик, где фокус смещается на анализ реального участия в коммуникациях и инфраструктурном потреблении городов.

Перспективы дальнейшего развития урбанизированных территорий будут определяться способностью институтов местного самоуправления гибко адаптироваться к изменениям миграционной ситуации. Город, способный институционализировать разнообразие и превратить стихийную

территориальную самоорганизацию новых резидентских групп в ресурс развития, получает конкурентное преимущество на этапе глобальной мобильности. Резюмируя вышеизложенное, преодоление разрыва между изменчивостью социального пространства и устойчивостью административных структур выступает одним из условий устойчивого развития городского сообщества.

Список литературы

1. Бабкин Р. А., Бадина С. В., Березняцкий А. Н. Влияние нового жилищного строительства на структурные трансформации населения Московской агломерации в контексте миграционных процессов // Экономика региона. – 2025. – Т. 21. – №. 2. – С. 318-331.
2. Агафошин М. М., Горохов С. А., Дмитриев Р. В. Пространственная трансформация миграционной системы в период кризиса // Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле. – 2023. – Т. 68. – №. 1. – С. 29-43.
3. Лачининский С. С., Сорокин И. С. Факторы, влияющие на трансформацию функциональной и пространственной структуры Санкт-петербургской агломерации в 2020-е годы // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Естественные и медицинские науки. – 2024. – №. 3. – С. 5-22.
4. Олифир Д. И. Сравнительный анализ пространственных структур Московской и Санкт-Петербургской агломераций // Пространственная экономика. – 2022. – Т. 18. – №. 1. – С. 73-100.
5. Ахметова Г. Ф., Комлева Р. Н. Влияние неравномерного пространственного развития региона на миграционные процессы (на примере Республики Башкортостан) // Демографическое обозрение. – 2025. – Т. 12. – №. 1. – С. 126-150.
6. Прямицын А. А. Территориальные особенности современных миграционных процессов в Краснодарском крае и Республике Адыгея // Вестник Московского университета. Серия 5. География. – 2026. – №. 2. – С. 107-121.

7. Смакотина Н. Л. Глобальные социальные трансформации в контексте демографических изменений и урбанизации // Acta biomedica scientifica. – 2022. – Т. 7. – №. 3. – С. 47-56.

8. Манаева И. В., Журавлев Д. М., Мельников В. В. Методический подход к идентификации агломерационных процессов в пространственной экономике // Проблемы развития территории. – 2025. – Т. 29. – №. 4. – С. 9-32.

9. Соловьев И. А., Зольникова Ю. Ф., Акинин Д. Г. Новейшие региональные особенности миграции населения в городской местности России // Наука. Инновации. Технологии. – 2025. – №. 3. – С. 97-122.

10. Кузнецова О. В. Миграционные процессы в современной России и их учет в стратегическом планировании пространственного развития // Экономические и социальные проблемы России. – 2024. – №. 4 (60). – С. 150-167.

11. Фаттахов Р. В., Низамутдинов М. М., Орешников В. В. Анализ пространственной мобильности населения регионов России: тенденции и механизмы регулирования // Экономика в промышленности. – 2017. – Т. 10. – № 2. – С. 162-171. DOI: 10.17073/2072-1633-2017-2-162-171.

12. Глазкова Л. А. Регулирование миграционных процессов на территории городских муниципальных образований: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.08. – Белгород, 2014. – 19 с.

13.

References

1. Babkin R. A., Badina S. V., Bereznyatskii A. N. Vliyanie novogo zhilishchnogo stroitel'stva na strukturnye transformatsii naseleniya Moskovskoi aglomeratsii v kontekste migratsionnykh protsessov // Ekonomika regiona. – 2025. – T. 21. – №. 2. – S. 318-331.

2. Agafoshin M. M., Gorokhov S. A., Dmitriev R. V. Prostranstvennaya transformatsiya migratsionnoi sistemy v period krizisa // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Nauki o Zemle. – 2023. – T. 68. – №. 1. – S. 29-43.

3. Lachininskii S. S., Sorokin I. S. Faktory, vliyayushchie na transformatsiyu

funktsional'noi i prostranstvennoi struktury Sankt-peterburgskoi aglomeratsii v 2020-e gody // Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Estestvennye i meditsinskie nauki. – 2024. – №. 3. – S. 5-22.

4. Olifir D. I. Sravnitel'nyi analiz prostranstvennykh struktur Moskovskoi i Sankt-Peterburgskoi aglomeratsii // Prostranstvennaya ekonomika. – 2022. – T. 18. – №. 1. – S. 73-100.

5. Akhmetova G. F., Komleva R. N. Vliyanie neravnomernogo prostranstvennogo razvitiya regiona na migratsionnye protsessy (na primere Respubliki Bashkortostan) // Demograficheskoe obozrenie. – 2025. – T. 12. – №. 1. – S. 126-150.

6. Pryamitsyn A. A. Territorial'nye osobennosti sovremennykh migratsionnykh protsessov v Krasnodarskom krae i Respublike Adygeya // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5. Geografiya. – 2026. – №. 2. – S. 107-121.

7. Smakotina N. L. Global'nye sotsial'nye transformatsii v kontekste demograficheskikh izmenenii i urbanizatsii // Acta biomedica scientifica. – 2022. – T. 7. – №. 3. – S. 47-56.

8. Manaeva I. V., Zhuravlev D. M., Mel'nikov V. V. Metodicheskii podkhod k identifikatsii aglomeratsionnykh protsessov v prostranstvennoi ekonomike // Problemy razvitiya territorii. – 2025. – T. 29. – №. 4. – S. 9-32.

9. Solov'ev I. A., Zol'nikova Yu. F., Akinin D. G. Noveishie regional'nye osobennosti migratsii naseleniya v gorodskoi mestnosti Rossii // Nauka. Innovatsii. Tekhnologii. – 2025. – №. 3. – S. 97-122.

10. Kuznetsova O. V. Migratsionnye protsessy v sovremennoi Rossii i ikh uchet v strategicheskom planirovanii prostranstvennogo razvitiya // Ekonomicheskie i sotsial'nye problemy Rossii. – 2024. – №. 4 (60). – S. 150-167.

11. Fattakhov R. V., Nizamutdinov M. M., Oreshnikov V. V. Analiz prostranstvennoi mobil'nosti naseleniya regionov Rossii: tendentsii i mekhanizmy regulirovaniya // Ekonomika v promyshlennosti. – 2017. – T. 10. – № 2. – S. 162-171. DOI: 10.17073/2072-1633-2017-2-162-171.

12. Glazkova L. A. Regulirovanie migratsionnykh protsessov na territorii gorodskikh

munitsipal'nykh obrazovanii: avtoref. dis. ... kand. sotsiol. nauk: 22.00.08. – Belgorod, 2014. – 19 s.

Статья поступила в редакцию 24.03.2026; одобрена после рецензирования 28.04.2026; принята к публикации 31.08.2026.

The article was submitted 24.03.2026; approved after peer review 28.04.2026; accepted for publication 31.08.2026.

Научная статья

УДК 35.08:331.104.2

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОССЛУЖБЫ В УСЛОВИЯХ ИЗМЕНЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Котельникова Евгения Анатольевна, кандидат социологических наук, начальник отдела профориентации, Новосибирский государственный технический университет, Россия, Новосибирск, kotelnikova_e@rambler.ru;

Мотькин Роман Владиславович, кандидат социологических наук, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, Россия, Москва, mordovia.roman@yandex.ru

Аннотация. В исследовании рассматривается проблема институциональной трансформации госслужбы как социального института, обусловленная необходимостью нивелирования кадровых диспропорций в условиях изменений социально-трудовых отношений. Анализируются теоретико-методологические подходы к изучению взаимосвязи между структурными сдвигами в мотивационно-ценностном профиле госслужащих и трансформацией профессиональной идентичности, а также оценивается применимость институционального анализа эмпирических данных для выявления связи между отступлением от классического служебного этоса и изменением организационных практик. Представлена критика существующих подходов к управлению человеческими ресурсами в государственном секторе, ориентированных на нормативно-правовые регламенты, и показано, что игнорирование опосредованной зависимости результативности госаппарата от конъюнктурных факторов внешнего рынка труда сокращает прогностическую валидность кадровых сценариев и усугубляет риски дефицита ключевых компетенций на уровне ведомственного управления. Исходя из сопоставления ретроспективных социологических данных выделены ограничения традиционных механизмов удержания специалистов, включающие недостаточную чувствительность к фазам демографического цикла и

специфические организационные диспропорции, различающиеся по эластичности неформальных практик и институциональной инерции при масштабном внедрении цифровых платформ. На основе полученных результатов сформулированы принципы регулярной корректировки норм институциональной гибкости, обоснована необходимость гибкой настройки мотивационных мер для снижения текучести кадров при сохранении приемлемого уровня профессиональной лояльности, а также предложены рекомендации по определению объема ресурсов, направляемых на нематериальное стимулирование с учетом текущей нестабильности рынка труда.

Ключевые слова: государственная служба; институциональная трансформация; социально-трудовые отношения; кадровый потенциал; профессиональная идентичность; неформальные практики.

Original article

INSTITUTIONAL TRANSFORMATION OF THE CIVIL SERVICE IN THE CONTEXT OF CHANGING SOCIAL AND LABOR RELATIONS

Kotelnikova Evgeniia Anatolevna, Candidate of Sociological Sciences, Head of Career Guidance Department, Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia, kotelnikova_e@rambler.ru;

Motkin Roman Vladislavovich, Candidate of Sociological Sciences, National Research Ogarev Mordovia State University, Moscow, Russia, mordovia.roman@yandex.ru

Abstract. This study examines the institutional transformation of the civil service as a social institution, driven by the need to address personnel imbalances in the context of changing social and labor relations. It analyzes theoretical and methodological approaches to studying the relationship between structural shifts in the motivational and value profiles of civil servants and the transformation of professional identity. It also assesses the applicability of institutional analysis of empirical data to identifying the link between deviations from the classical service ethos and changes in

organizational practices. It presents a critique of existing approaches to human resource management in the public sector, focused on legal and regulatory frameworks, and demonstrates that ignoring the indirect dependence of government performance on external labor market factors reduces the predictive validity of personnel scenarios and exacerbates the risk of a shortage of key competencies at the departmental level. Based on a comparison of retrospective sociological data, limitations of traditional specialist retention mechanisms are identified, including insufficient sensitivity to demographic cycle phases and specific organizational imbalances, varying in the elasticity of informal practices and institutional inertia during the large-scale implementation of digital platforms. Based on the obtained results, principles for regularly adjusting institutional flexibility standards are formulated, the need for flexible adjustment of incentive measures to reduce staff turnover while maintaining an acceptable level of professional loyalty is substantiated, and recommendations are proposed for determining the amount of resources allocated to non-material incentives, taking into account the current instability of the labor market.

Keywords: civil service; institutional transformation; social and labor relations; human resources; professional identity; informal practices.

Введение. Глубокие изменения в современном обществе затрагивают базовые элементы системы государственного управления и требуют переосмысления принципов функционирования государственного аппарата. В рамках социологии управления значимость приобретает анализ госслужбы как сложного социального института, чья устойчивость в исторической ретроспективе обеспечивалась специфическими нормами, ценностями и укорененными практиками [1]. Однако динамичная эволюция рынка труда и трансформация ожиданий индивидов от профессиональной деятельности создают давление на модели бюрократической организации, отражая необходимость теоретико-эмпирического исследования происходящих структурных изменений.

Ключевая проблема исследования связана с нарастающим несоответствием между инерционностью институциональных форм государственной службы и быстро меняющимися социально-трудовыми отношениями. Если классическая модель опиралась на пожизненную занятость, жесткую иерархию и коллективистскую корпоративную этику, то современная парадигма труда характеризуется гибкостью, запросом на автономию, цифровизацией рутинных операций и доминированием проектного мышления [2]. Подобный разрыв порождает системные риски, выражающиеся в оттоке высококвалифицированных специалистов, размывании профессиональной идентичности управленцев и сокращении общей результативности публичного управления, что делает изучение механизмов институциональной адаптации научным императивом.

Преодоление противоречия предполагает рассмотрение госслужбы через призму социального института, ориентируясь на то, как формальные правила и неформальные практики перестраиваются под влиянием экзогенных факторов, связанных с изменением мотивационных структур и трудовых траекторий новых поколений [3]. Соответственно, целесообразно проанализировать государственную службу как систему, оценить негативное влияние новых трудовых реалий на ее кадровый потенциал и выявить возможности внедрения современных подходов к организации труда госслужащих.

Определяющий вектор научного поиска задан необходимостью комплексной реконструкции процессов институциональной трансформации госслужбы, инициированных сменой парадигмы социально-трудовых отношений. Для достижения поставленной цели необходимо определить сущностные характеристики государственного управления, оценить степень его уязвимости в условиях актуальных вызовов и проанализировать эволюцию адаптационных механизмов.

Обзор литературы. Современные исследователи все чаще рассматривают госуправление через призму институциональной парадигмы, акцентируя

внимание на его сущностных характеристиках как автономной социальной подсистемы. В научных работах, опубликованных в 2022-2026 гг. [4-6], прослеживается тенденция к изучению госслужбы как социального института, обладающего собственной системой ценностей, ролевых ожиданий и неформальных практик. Это может выявить глубинные механизмы самовоспроизводства управленческого сообщества, которые остаются скрытыми при использовании классических бюрократических моделей.

Основополагающим аспектом научной дискуссии выступает проблематика институциональной устойчивости, которая Д.В. Манушиным и Р.М. Нуреевым интерпретируется как способность бюрократической системы к самосохранению в условиях экзогенных шоков. Ученые подчеркивают, что стабильность госслужбы обеспечивается социокультурными паттернами, формирующими профессиональную идентичность управленцев [7]. Вместе с тем И.А. Зверева обращает внимание на двойственность данного свойства, потому что консерватизм, обеспечивающий преемственность управленческих решений, одновременно порождает институциональную инерцию, снижающую восприимчивость госаппарата к инновациям [8]. В сложившемся научном подходе госслужба рассматривается как эволюционно адаптирующаяся структура, устойчивость которой предполагает постоянное обновление внутренних нормативных механизмов.

Для систематизации многообразия теоретических позиций, сформировавшихся в социологии управления за рассматриваемый период, целесообразно структурировать основные подходы к концептуализации исследуемого феномена в таблице 1.

Таблица 1 - Авторская аналитическая типология институциональных подходов к исследованию государственной службы

Подход к концептуализации	Ключевые исследователи	Сущностные характеристики института	Детерминанты институциональной устойчивости
Нормативно-ценностный	В.А. Дудникова (2023)	Система разделяемых этических императивов и корпоративных смыслов	Легитимность служебного этоса
			Интернализация профессиональных норм
Ролево-практический	С.Н. Савраскин (2024)	Совокупность повседневных практик и неформальных правил взаимодействия	Адаптивность ролевых моделей
			Эффективность неформальных сетей поддержки
Реляционно-сетевой	А.В. Оболонский (2022)	Узел социальных связей, интегрирующий акторов внутри и за пределами госаппарата	Плотность горизонтальных коммуникаций
			Ресурсная емкость социальных капиталов

Источник: составлено авторами на основе [9-11].

Примечание. Нормативно-ценностный, ролево-практический и реляционно-сетевой подходы выделены в рамках авторской систематизации научных представлений о государственной службе. Их сопоставление позволяет разграничить формальные нормы организации служебной деятельности, повседневные профессиональные практики и социальные связи участников управленческого процесса.

Нормативно-ценностный подход В.А. Дудниковой акцентирует внимание на идеальном измерении института [9], тогда как ролево-практический подход С.Н. Савраскина - на повседневном поведении чиновников, где устойчивость обеспечивается гибкостью неформальных договоренностей [10]. Реляционно-сетевой подход, предложенный А.В. Оболонским, позволяет показать, как институциональная устойчивость обеспечивается интеграцией бюрократии в более широкую систему общественных связей [11]. Синтез данных перспектив указывает на то, что устойчивость госслужбы обусловлена переплетением ценностных, поведенческих и коммуникационных факторов.

Существенно расширить данную интерпретацию может институциональный подход к социально-трудовым отношениям, в рамках которого последние рассматриваются не только как совокупность форм взаимодействия субъектов труда, но и как система норм, правил, убеждений и поведенческих установок, формирующих устойчивые модели трудового поведения. Значение приобретает разграничение двух источников институционализации: организационных структур, формирующих официальные регламенты, и организационной культуры, воспроизводящей неформальные нормы, ценностные ориентиры и стереотипы поведения [14], [15]. В результате фактическая институциональная среда организации складывается как взаимодействие формализованных требований и неявных правил, укорененных в повседневных профессиональных практиках.

Применительно к государственной службе такое понимание позволяет уточнить механизм ее институциональной устойчивости. Формальный контур представлен законодательством о государственной службе, должностными регламентами, иерархией компетенций и нормативно установленными процедурами, тогда как неформальный контур образуется профессиональными традициями, представлениями о допустимом поведении, внутренними механизмами взаимной поддержки, способами распределения нагрузки и устойчивыми моделями взаимодействия руководителей и подчиненных. Следовательно, изменение нормативно-правовой оболочки института не гарантирует трансформации реальных социально-трудовых отношений, потому что новые формальные требования могут адаптироваться, модифицироваться либо фактически блокироваться системой ранее сформированных неформальных правил.

Данная позиция принципиальна для анализа современной госслужбы, чтобы избежать упрощенного противопоставления «формальных норм» и «неформальных практик». Последние выступают одним из элементов его фактического воспроизводства. Поэтому предметом институциональной

трансформации должны становиться одновременно нормативная организация служебной деятельности и устойчивые социально-профессиональные установки, посредством которых эти нормы реализуются в повседневном поведении государственных служащих.

При этом недостаточно изученным остается вопрос о том, как такие макросоциальные изменения на рынке труда, как прекаризация, цифровая гибридизация труда и смена поколенческих установок, влияют на институциональную устойчивость госслужбы. Указанный пробел связан с необходимостью дальнейшего исследования, в котором концептуализация государственной службы как социального института будет неразрывна с анализом ее адаптационного потенциала в контексте меняющихся социально-трудовых реалий.

Материалы и методы исследования. Методологическую основу работы составляет сравнительно-институциональный анализ социально-трудовых отношений в системе государственной службы. Для выявления основных направлений трансформации рассмотрены научные подходы к организации публичной службы, профессиональной мотивации, кадровому воспроизводству, цифровым компетенциям и взаимодействию формальных и неформальных организационных норм. Применены методы анализа научных публикаций, структурно-функциональной интерпретации и сравнительной типологизации институциональных изменений. Основными аналитическими характеристиками выступают возрастная структура кадрового состава, профессиональные компетенции, мотивационные установки работников и соответствие действующих регламентов изменяющимся требованиям к трудовой деятельности. На основании систематизации указанных факторов предложена модель трансформации социально-трудовых отношений, включающая диагностику организационных противоречий, оценку адаптационных практик и закрепление функционально обоснованных изменений. Полученные выводы носят аналитико-концептуальный характер и не рассматриваются как

статистические результаты самостоятельного обследования государственных служащих за 2016-2025 гг.

Результаты исследования и их обсуждение. Сопоставление институциональных характеристик государственной службы и современных тенденций развития трудовых отношений позволяет выделить противоречия между регламентированной организацией служебной деятельности и изменяющимися ожиданиями работников. Традиционная модель публичной службы предполагает устойчивость должностной иерархии, формализованные процедуры карьерного продвижения и высокую степень нормативного регулирования. Вместе с тем цифровая трансформация государственного управления повышает значение гибкости профессиональных компетенций, горизонтальных коммуникаций, непрерывного обучения и содержательной мотивации персонала. Потенциальными направлениями кадровых изменений выступают различия возрастной структуры работников, неодинаковая подготовленность к использованию цифровых технологий и расхождения профессиональных ожиданий представителей различных поколений.

Выявленное напряжение целесообразно интерпретировать не только как следствие дефицита компетенций либо различий в мотивационных профилях поколений, но и как проявление сложившейся структуры социально-трудовых отношений. В исследованиях институциональной трансформации организаций предлагается разграничивать конструктивные и деструктивные типы таких отношений. К конструктивному полю относятся, прежде всего, отношения солидарности, партнерства и субсидиарности, тогда как деструктивный контур может включать конфликт, конфронтацию, фрирайдерство и трудовой оппортунизм [16]. Последний представляет особый аналитический интерес в условиях организационных изменений, поскольку характеризуется сопротивлением, способным сохраняться при формальном соблюдении установленных требований.

Использование данной типологии применительно к государственной

службе не предполагает механического переноса моделей, сформированных для организаций иных сфер деятельности. Однако она может выполнять функцию диагностической матрицы, позволяющей различать качественно неодинаковые реакции персонала на институциональные изменения. Открытое несогласие с реформированием процедур, пассивное воспроизводство прежних способов работы, формальное исполнение новых регламентов при сохранении старых практик и уклонение от освоения дополнительных компетенций имеют различную социальную природу и, соответственно, требуют различных управленческих воздействий.

С этих позиций стратегия сохранения статус-кво, фиксируемая в части кадрового состава, может интерпретироваться как самостоятельный параметр институциональной инерции. Ее значение определяется способностью сложившихся социально-трудовых отношений воспроизводить модели поведения, снижающие восприимчивость организации к новым требованиям. Следовательно, кадровая модернизация госслужбы должна включать диагностику индивидуальных компетенций и мотивов, а также самой конфигурации отношений, в которой реализуется профессиональная деятельность служащих.

Реагируя на обозначенные проблемы, управленческий аппарат вынужден инициировать процессы внутренних изменений, которые можно классифицировать по степени их формализации. На уровне официальных управленческих решений адаптация выражается во внедрении проектных офисов, создании внутренних кадровых резервов и попытках гуманизации корпоративной культуры через развитие нематериальной мотивации. Ведомства активно заимствуют инструменты формирования бренда работодателя из частного сектора, пытаясь формировать привлекательный имидж для молодежи. Но законодательство, регламентирующее прохождение госслужбы [12], [13], в значительной степени лимитирует возможности применения гибких форм занятости. Тогда определяющую роль приобретают неформальные механизмы

институциональной адаптации, возникающие на микроуровне отдельных подразделений. Руководители среднего звена, сталкиваясь с дефицитом квалифицированных кадров, используют неформальные способы удержания персонала, например негласно разрешают удаленное выполнение части обязанностей и перераспределяют рабочую нагрузку в обход должностных инструкций. Анализ данных показывает, что трансформация госслужбы происходит через изменение повседневных взаимодействий, в рамках которых институт вынужден частично смягчать жесткость своих правил ради сохранения ключевых кадровых ресурсов.

В данном контексте важно различать управляемую и стихийную институционализацию. Институциональные изменения могут происходить посредством целенаправленного преобразования официальных регламентов, однако параллельно формируются неофициальные нормы трудового поведения, возникающие как реакция персонала на новые организационные условия [15]. По мере многократного воспроизводства подобные практики способны закрепляться и фактически выполнять регулятивную функцию независимо от того, получили ли они формальное нормативное признание. Поэтому институциональная трансформация представляет собой более сложный процесс, чем административное введение новых правил: фактический результат определяется тем, каким образом официальные и неофициальные регуляторы соединяются в повседневной служебной деятельности.

Для госслужбы это обстоятельство имеет двойственное значение. С одной стороны, неформальная адаптация может компенсировать чрезмерную жесткость регламентов, сокращать организационные издержки и позволять подразделениям быстрее приспосабливаться к изменениям кадровой и технологической среды. С другой стороны, длительное существование эффективной практики исключительно в неофициальном контуре формирует расхождение между юридически установленной и фактически реализуемой моделью служебных отношений. Следовательно, адаптивность не может

оцениваться только по способности подразделения обходить ограничения действующих процедур.

Более устойчивым механизмом представляется институциональный отбор возникающих практик. Адаптационные решения, доказавшие свою функциональность и не противоречащие принципам публичной службы, должны проходить процедуру организационной оценки и, при наличии правовых оснований, переводиться из ситуативного неформального режима в легитимный регулятивный контур. Практики, повышающие зависимость административных процедур от персональных договоренностей, размывающие ответственность либо создающие неравные условия внутри служебной организации, требуют ограничения. Таким образом, институциональная гибкость предполагает выявление продуктивных неформальных практик и их управляемое преобразование в прозрачные и воспроизводимые организационные нормы.

Выявленные закономерности позволяют перейти к формированию последовательного механизма управляемой трансформации социально-трудовых отношений в системе государственной службы. Методологически значимым является положение о том, что масштабным организационным и технологическим изменениям должна предшествовать диагностика институциональной структуры трудовых отношений. В исследованиях управления изменениями такая диагностика рассматривается как способ выявления соотношения конструктивных и деструктивных типов взаимодействия, оценки скрытого потенциала сопротивления и определения целевого направления последующих преобразований [14], [15].

Применительно к государственной службе данный механизм целесообразно представить как последовательность взаимосвязанных стадий. На первой стадии анализируются внешние детерминанты, включая динамику рынка труда, кадровую конкуренцию с негосударственным сектором, изменение профессиональных ожиданий и технологической среды. На второй стадии диагностируется внутренний институциональный контур: действующие

регламенты, мотивационные механизмы, профессиональные нормы, характер внутренних коммуникаций, устойчивые неформальные практики и отношение служащих к предполагаемым изменениям. Следующая стадия предполагает сопоставление формальной и фактической моделей организации труда и выявление зон институционального рассогласования, в которых установленные правила либо не обеспечивают требуемого поведения, либо компенсируются устойчивыми неформальными механизмами.

После диагностической стадии должна формироваться целевая модель социально-трудовых отношений, определяющая не только ожидаемые показатели кадрового состава, но и желаемые характеристики взаимодействия служащих. Вектор трансформации при этом целесообразно направлять на усиление отношений профессионального партнерства, солидарности, субсидиарной ответственности и содержательной вовлеченности одновременно с сокращением практик, воспроизводящих скрытое сопротивление, фрирайдерство и иные деструктивные формы поведения. Подобное изменение институциональной структуры не может быть достигнуто материальным стимулированием либо административным принуждением, поскольку оно затрагивает одновременно формальные нормы и ценностно-поведенческий контур профессиональной среды.

На следующем этапе определяется комплекс инструментов воздействия. Нормативный блок предполагает корректировку регламентов и организационных процедур в пределах действующего законодательства; кадровый - изменение механизмов отбора, адаптации, развития и удержания персонала; мотивационный - настройку материальных и нематериальных стимулов; коммуникативный - формирование устойчивых каналов обратной связи и вовлечения служащих в процесс преобразований; организационно-культурный - закрепление профессиональных установок, повышающих восприимчивость к изменениям. Цикл должен завершаться повторной диагностикой, позволяющей определить, привело ли нововведение к реальному

изменению трудовых практик или прежняя система отношений сохранилась без существенных изменений.

Таким образом, институциональная трансформация госслужбы приобретает циклический характер: диагностика → моделирование целевого состояния → управленческое воздействие → институционализация новых правил и практик → повторная оценка. Такая логика позволяет сместить фокус с реактивного устранения кадровых дефицитов на превентивное управление условиями, в которых формируется профессиональное поведение служащих. Особенно значимо применение данного механизма перед масштабным внедрением цифровых платформ и изменением организационных процедур, поскольку именно на подготовительном этапе возможно выявление институциональных барьеров, которые далее способны трансформировать технически реализованное нововведение в формально действующую, но фактически неиспользуемую практику.

Выводы. Веберовская модель, предполагавшая границу между бюрократией и внешним социумом, постепенно уходит в прошлое, уступая место гибридной организационной форме. Формирование нового институционального облика госслужбы характеризуется нарастающей проницаемостью ее границ, когда внешние рыночные и сетевые аспекты начинают доминировать над внутренними корпоративными регламентами. Это свидетельствует о том, что управленческий корпус трансформируется в открытую, постоянно функционирующую среду, вынужденную конкурировать за человеческий капитал на равных с негосударственными акторами.

Социологическим последствием данной трансформации становится изменение профессиональной идентичности и уровня солидарности госслужащих. Размывание классического служебного этоса, базировавшегося на приоритете общественных интересов над личными, ведет к утверждению утилитарных мотивационных паттернов. На смену корпоративной лояльности приходит ситуативная вовлеченность, при которой индивид взаимодействует с

государством в рамках краткосрочных проектных траекторий. Возникающий тип госслужащего все больше напоминает гибкого наемного специалиста, для которого публичный сектор является одной из возможных площадок для монетизации своих компетенций. Атомизация кадрового состава уменьшает уровень внутреннего доверия и затрудняет коллективное мобилизационное реагирование на кризисные вызовы.

Достаточно высокую актуальность в контексте системной устойчивости приобретает парадоксальный эффект, порождаемый неформальными практиками адаптации. Гуманизация трудовых процессов на микроуровне, выступая действенным амортизатором и предотвращая коллапс кадрового потенциала, одновременно подрывает основу легитимности госаппарата. Массовое укоренение скрытых договоренностей и теневых регламентов вступает в противоречие с базовым принципом верховенства закона. Фактическая институционализация неформальности создает прецедент, при котором правовая рациональность подменяется ситуативной целесообразностью, что в долгосрочной перспективе ведет к нарушению предсказуемости административных процедур и границ между законным служебным повиновением и личностно-клиентельными отношениями внутри ведомства.

С учетом изложенного институциональную гибкость государственной службы некорректно отождествлять с максимальным ослаблением формальных ограничений. Ее содержательным критерием становится способность института изменять организационные и социально-трудовые нормы без разрушения правовой рациональности и единообразия административных процедур. В этом смысле устойчивость и гибкость не являются противоположными характеристиками: устойчивой становится та институциональная система, которая способна своевременно преобразовывать правила при изменении внешней среды, сохраняя при этом нормативно закрепленные основания служебного поведения.

Важным объектом управления выступает и соотношение конструктивных

и деструктивных элементов социально-трудовых отношений. Институциональная трансформация должна быть ориентирована не столько на подавление сопротивления персонала административными средствами, сколько на изменение условий, при которых оно возникает и воспроизводится. Усиление профессионального партнерства, содержательной автономии в пределах компетенции, взаимного доверия и ответственности способно снижать необходимость неформального обхода регламентов и одновременно повышать восприимчивость служащих к организационным изменениям.

Отсюда следует, что оптимальная модель трансформации госслужбы располагается между двумя институциональными направлениями. Первое представлено ригидной бюрократической системой, в которой формальная стабильность достигается ценой низкой восприимчивости к изменениям. Второе возникает при чрезмерной ситуативной гибкости, когда фактическое функционирование ведомства начинает определяться преимущественно неформальными договоренностями. Задача государственного управления состоит в формировании третьей модели - регулируемой институциональной адаптивности, при которой механизмы обновления встроены в саму систему, а возникающие изменения проходят процедуры организационной оценки, нормативной легитимации и последующего мониторинга.

Дальнейшее развитие социологии управления потребует уточнения понятийно-категориального аппарата с учетом переходного состояния государственной службы. Понятие социального института, применяемое к госслужбе, целесообразно уточнить, поскольку ее устойчивость теперь обеспечивается потенциалом к самоорганизации. Будущие научные исследования должны быть сфокусированы на выработке новых механизмов легитимации гибких форм труда в публичном секторе. С позиций процессуальной онтологии, в которой изменчивость рассматривается как основополагающее свойство современного управленческого корпуса, можно разработать обоснованные стратегии кадрового обеспечения государства,

позволяющие конкурировать с негосударственным сектором за квалифицированных специалистов.

Список литературы

1. Ибрагимова Э. М. Институциональные барьеры проектной трансформации в системе государственного управления // Вестник науки. – 2026. – Т. 1. – №. 2 (95). – С. 547-555.
2. Аскеров Х. Р., Медяник Н. В. Трансформация института государственной службы в новейшей истории Азербайджанской Республики // Вестник экспертного совета. – 2024. – №. 2 (37). – С. 3-13.
3. Бушина Ф. Роль ментальной пластичности в работе государственных служащих в условиях цифровой трансформации управления // Государственная служба. – 2026. – Т. 28. – №. 1 (159). – С. 93-100.
4. Бакиров Е. А. Роль лидерства в управлении человеческими ресурсами на государственной службе // The Scientific Heritage. – 2025. – №. 168. – С. 49-53.
5. Ляшенко В. Е. Формирование и реализация корпоративных образовательных программ как инструмента повышения компетентности кадрового состава органов публичной власти // Финансовые рынки и банки. – 2025. – №. 8. – С. 60-65.
6. Кондрачук М. В. Дефицит кадров информационной безопасности в органах исполнительной власти: причины, структурные диспропорции и пути институциональной модернизации // Актуальные исследования. – 2025. – №. 47 (282). – С. 69-71.
7. Манушин Д. В., Нуреев Р. М. Саботаж российских чиновников и основные меры по борьбе с ним // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). – 2022. – Т. 14. – №. 1. – С. 55-69.
8. Зверева И. А. «Что необходимо для развития российской государственной службы?». Круглый стол, 24.03.2022 // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2022. – №. 2. – С. 7-33.
9. Дудникова В. А. Централизация процессных функций в государственном

управлении: актуальные проблемы и их решения (на примере Новосибирской области) // Государственная служба. – 2023. – Т. 25. – №. 2 (142). – С. 29-38.

10. Савраскин С. Н. К вопросу совершенствования системы государственной службы в России // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2024. – №. 2. – С. 50-54.

11. Оболонский А. В. Человеческий фактор в государственном управлении периода транзита в свете концепций новой институциональной теории // Вопросы теоретической экономики. – 2022. – №. 1. – С. 126-145.

12. Федеральный закон «О системе государственной службы Российской Федерации» от 27.05.2003 N 58-ФЗ (ред. от 29.09.2025) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_42413/ (дата обращения: 12.07.2026).

13. Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27.07.2004 N 79-ФЗ (ред. от 08.03.2026) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601/ (дата обращения: 12.07.2026).

14. Ritz A., Weißmüller K. S. The civil service in transition–The ongoing transformation of administrative culture // The Civil Service in Europe. – Routledge, 2025. – С. 701-720.

15. Kitsios F., Kamariotou M., Mavromatis A. Drivers and outcomes of digital transformation: The case of public sector services // Information. – 2023. – Т. 14. – №. 1. – С. 43.

16. Giest S. N., Klievink B. More than a digital system: how AI is changing the role of bureaucrats in different organizational contexts // Public Management Review. – 2024. – Т. 26. – №. 2. – С. 379-398.

References

1. Ibragimova E. M. Institutsional'nye bar'ery proektnoi transformatsii v sisteme gosudarstvennogo upravleniya // Vestnik nauki. – 2026. – T. 1. – №. 2 (95). – S. 547-555.

2. Askerov Kh. R., Medyanik N. V. Transformatsiya instituta gosudarstvennoi sluzhby v noveishei istorii Azerbaidzhanskoi Respubliki // Vestnik ekspertnogo soveta. – 2024. – №. 2 (37). – S. 3-13.

3. Bushina F. Rol' mental'noi plastichnosti v rabote gosudarstvennykh sluzhashchikh v usloviyakh tsifrovoi transformatsii upravleniya // Gosudarstvennaya sluzhba. – 2026. – T. 28. – №. 1 (159). – S. 93-100.

4. Bakirov E. A. Rol' liderstva v upravlenii chelovecheskimi resursami na gosudarstvennoi sluzhbe // The Scientific Heritage. – 2025. – №. 168. – S. 49-53.

5. Lyashenko V. E. Formirovanie i realizatsiya korporativnykh obrazovatel'nykh programm kak instrumenta povysheniya kompetentnosti kadrovogo sostava organov publichnoi vlasti // Finansovye rynki i banki. – 2025. – №. 8. – S. 60-65.

6. Kondrachuk M. V. Defitsit kadrov informatsionnoi bezopasnosti v organakh ispolnitel'noi vlasti: prichiny, strukturnye disproportsii i puti institutsional'noi modernizatsii // Aktual'nye issledovaniya. – 2025. – №. 47 (282). – S. 69-71.

7. Manushin D. V., Nureev R. M. Sabotazh rossiiskikh chinovnikov i osnovnye mery po bor'be s nim // Journal of Institutional Studies (Zhurnal institutsional'nykh issledovanii). – 2022. – T. 14. – №. 1. – S. 55-69.

8. Zvereva I. A. «Chto neobkhodimo dlya razvitiya rossiiskoi gosudarstvennoi sluzhby?». Kruglyi stol, 24.03.2022 // Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya. – 2022. – №. 2. – S. 7-33.

9. Dudnikova V. A. Tsentralizatsiya protsessnykh funktsii v gosudarstvennom upravlenii: aktual'nye problemy i ikh resheniya (na primere Novosibirskoi oblasti) // Gosudarstvennaya sluzhba. – 2023. – T. 25. – №. 2 (142). – S. 29-38.

10. Savraskin S. N. K voprosu sovershenstvovaniya sistemy gosudarstvennoi sluzhby v Rossii // Problemy pravookhranitel'noi deyatel'nosti. – 2024. – №. 2. – S. 50-54.

11. Obolonskii A. V. Chelovecheskii faktor v gosudarstvennom upravlenii perioda tranzita v svete kontseptsii novoi institutsional'noi teorii // Voprosy teoreticheskoi ekonomiki. – 2022. – №. 1. – S. 126-145.

12. Federal'nyi zakon «O sisteme gosudarstvennoi sluzhby Rossiiskoi Federatsii» ot

27.05.2003 N 58-FZ (red. ot 29.09.2025) [Elektronnyi resurs]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_42413/ (data obrashcheniya: 12.07.2026).

13. Federal'nyi zakon «O gosudarstvennoi grazhdanskoi sluzhbe Rossiiskoi Federatsii» ot 27.07.2004 N 79-FZ (red. ot 08.03.2026) [Elektronnyi resurs]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601/ (data obrashcheniya: 12.07.2026).

14. Ritz A., Weißmüller K. S. The civil service in transition–The ongoing transformation of administrative culture // The Civil Service in Europe. – Routledge, 2025. – S. 701-720.

15. Kitsios F., Kamariotou M., Mavromatis A. Drivers and outcomes of digital transformation: The case of public sector services // Information. – 2023. – T. 14. – №. 1. – S. 43.

16. Giest S. N., Klievink B. More than a digital system: how AI is changing the role of bureaucrats in different organizational contexts // Public Management Review. – 2024. – T. 26. – №. 2. – S. 379-398.

Статья поступила в редакцию 29.01.2026; одобрена после рецензирования 12.03.2026; принята к публикации 31.08.2026.

The article was submitted 29.01.2026; approved after peer review 12.03.2026; accepted for publication 31.08.2026.

Научная статья

УДК 352:316.7

ВЛИЯНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ И КУЛЬТУРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ НА ПРОЦЕСС ПРИНЯТИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ НА МУНИЦИПАЛЬНОМ УРОВНЕ

Щемелева Инна Игоревна, кандидат социологических наук, Новосибирский государственный университет экономики и управления "НИНХ", Россия, Новосибирск, shchemeleva.inna@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается влияние региональных социальных и культурных особенностей на формирование и реализацию муниципальных управленческих решений. Цель исследования заключается в разработке аналитической модели согласования формальных административных процедур с локальными ценностными установками и особенностями общественного взаимодействия. Методологическую основу составляют институциональный анализ, сравнительная типологизация и структурно-функциональная интерпретация факторов принятия решений. Выделены основные направления возможного социокультурного воздействия на муниципальный управленческий цикл: формирование местной повестки, оценка альтернатив и организация реализации принятых решений. Предложена концептуальная схема адаптации управленческих процедур к территориальному контексту. Показано, что социальная приемлемость муниципальных решений может зависеть не только от экономических и административных характеристик, но и от локальных представлений о справедливости, общественной пользе и территориальной идентичности. Полученные результаты имеют аналитико-концептуальный характер и определяют направления последующей эмпирической проверки предложенных механизмов.

Ключевые слова: местное самоуправление; социокультурные факторы; муниципальные решения; неформальные институты; локальная идентичность;

административная адаптация.

Original article

THE IMPACT OF REGIONAL SOCIAL AND CULTURAL CHARACTERISTICS ON MUNICIPAL DECISION-MAKING

Shchemeleva Inna Igorevna, Candidate of Sociological Sciences, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia, shchemeleva.inna@yandex.ru

Abstract. This article examines the influence of regional social and cultural characteristics on the formation and implementation of municipal management decisions. The aim of the study is to develop an analytical model for aligning formal administrative procedures with local values and characteristics of social interaction. The methodological basis consists of institutional analysis, comparative typology, and a structural and functional interpretation of decision-making factors. The main areas of potential sociocultural influence on the municipal management cycle are identified: the formation of a local agenda, the assessment of alternatives, and the organization of the implementation of adopted decisions. A conceptual framework for adapting management procedures to the territorial context is proposed. It is shown that the social acceptability of municipal decisions may depend not only on economic and administrative characteristics but also on local notions of justice, public benefit, and territorial identity. The obtained results are analytical and conceptual in nature and determine the directions for subsequent empirical testing of the proposed mechanisms.

Keywords: local self-government; sociocultural factors; municipal decisions; informal institutions; local identity; administrative adaptation.

Актуальность и степень разработанности проблемы исследования. Принятие управленческих решений на муниципальном уровне рассматривается через призму институциональных механизмов, нормативно-правовых рамок и

организационных структур. Между тем повседневная практика местного самоуправления показывает, что формальные процедуры оказываются в значительной степени опосредованы средой, в которой они воспроизводятся [1]. Социальный ландшафт территории, модели коллективного поведения, ценностные ориентации населения и сложившиеся формы гражданской самоорганизации формируют ту почву, на которой разворачивается деятельность органов местного самоуправления. Игнорирование этого обстоятельства ведёт к возникновению противоречия между проектируемыми управленческими результатами и реальными последствиями реализуемых решений [2].

Существующий массив академических исследований в области муниципального управления уделяет внимание инструментальным вопросам оптимизации бюджетных процессов, совершенствования административных регламентов, развития цифровых платформ взаимодействия с населением. При этом социальные и культурные характеристики конкретных территорий, как правило, сводятся к констатации общих демографических показателей [3]. Такой исследовательский акцент приводит к тому, что управленческие модели, разработанные для конкретного локального контекста, переносятся на разнородные территории с минимальной адаптацией. Затем появляются систематические сбои в реализации программ, низкий уровень вовлечённости жителей в вопросы местного значения и ослабление легитимности принимаемых решений [4].

В отечественной науке о государственном и муниципальном управлении накоплен значительный опыт изучения региональной дифференциации, однако основное внимание уделяется экономико-географическим и политико-административным аспектам. Культурное многообразие российских территорий, выраженное в различиях этнического состава, конфессиональной принадлежности, традиций общинного взаимодействия и отношения к публичной власти, изучается в рамках этнографии и социальной антропологии,

оставаясь слабо интегрированным в управленческую проблематику [5]. Между тем именно на муниципальном уровне, где дистанция между властью и населением минимальна, культурные паттерны проявляются наиболее отчётливо и непосредственно воздействуют на характер обратной связи, степень доверия к институтам и готовность граждан к соучастию [6].

Социологический анализ институциональных практик выявляет скрытые механизмы, посредством которых культурные нормы транслируются в повседневную логику принятия решений. Обращение к концепциям социального капитала, коллективной идентичности и неформальной нормативности открывает возможность объяснить, почему однотипные по содержанию управленческие инициативы получают различное восприятие в разных муниципальных образованиях [7].

Настоящая работа посвящена анализу того, каким образом региональные социальные и культурные особенности воздействуют на процесс выработки и реализации управленческих решений в муниципальных образованиях. В статье рассматриваются детерминанты, формирующие административную среду конкретного поселения или городского округа, предлагается типологизация культурных специфик, значимых для локальной политики, и обсуждаются возможности встраивания социокультурного контекста в модели муниципального управления. Авторская позиция состоит в том, что результативность принимаемых решений может быть повышена за счёт учёта особенностей территории, что требует развития диагностического инструментария.

В рамках доминировавшей институциональной парадигмы символические и нормативные аспекты локальной власти нередко оказывались на периферии анализа, который сводился к формальным регламентам и организационным структурам. Однако концептуальные сдвиги свидетельствуют о пересмотре этих позиций [8], [9]. Современные авторы признают, что административное пространство выступает глубоко укоренённой социально-культурной матрицей,

определяющей фактические границы и векторы властного воздействия [10], [11].

В контексте роли социальных и культурных детерминант в формировании административной среды научный поиск показывает переход к анализу неформальных правил, регулирующих развитие муниципалитетов. Работы, опубликованные в начале 2020-х гг., доказывают, что ценностно-смысловые основы муниципальной власти обозначают пределы административного усмотрения госслужащих. Административная среда концептуализируется теперь как живая экосистема, где историческая память, локальные ментальные паттерны и специфика гражданского поведения фильтруют и трансформируют внешние управленческие импульсы [2], [3].

Другим направлением современных исследований является типологизация региональных культурных особенностей и анализ их влияния на локальную политику. Дифференциация территорий по культурным профилям позволяет более точно анализировать политические процессы на микроуровне. Исследователи предлагают классифицировать региональные политические культуры по степени выраженности гражданской субъектности и характеру взаимоотношений между обществом и местной администрацией. Эмпирические исследования в этом направлении показывают, как этнокультурные и исторически-институциональные факторы порождают модели реализации локальной политики [12], [13]. Выявлено, что административные шаблоны в регионах с сильной партикуляристской идентичностью встречают активное сопротивление или саботаж (таблица 1).

Таблица 1 - Типология подходов к анализу социальных и культурных детерминант органов муниципальной власти

Научный подход	Ключевые акценты анализа	Ограничения применимости	Репрезентативные исследования
Институционально-нормативный	Влияние традиций и неформальных норм на эффективность формальных институтов местного самоуправления	Сведение культуры к фоновому контексту	Новоселов, 2023
		Недооценка агентности местных акторов	

Поведенческий и социально-психологический	Микроуровневые механизмы взаимодействия должностных лиц и жителей	Отсутствие макросоциологического масштаба	И.Е. Рисин, А.С. Чичерина, 2022
	Доверие как ресурс управления	Сложность экстраполяции на уровень всей территории	
Сравнительно-региональный	Типологизация территорий по культурно-историческим признакам	Риск культурного детерминизма	А.С. Горький, 2023
	Влияние идентичности на локальную политику	Статичность типологии, не учитывающая динамику социальных изменений	
Интегративно-синергетический	Взаимопроникновение социального капитала, культурных кодов и управленческих инноваций	Дефицит прикладного инструментария для повседневного использования муниципальными менеджерами	Д.В. Снытkин, 2024

Источник: составлено автором на основе [4], [6], [7], [14].

Поведенческое направление устанавливает механизмы повседневного взаимодействия, однако ему недостаёт охвата всего массива локальной политики. Сравнительно-региональный подход даёт возможность масштабировать анализ, но страдает от определённой статичности выделяемых категорий. Перспективная линия, обозначенная как интегративно-синергетическая, пытается преодолеть эти разрывы. Однако это направление, как отмечается в публикации [7], пока не располагает прикладным методическим инструментарием, который муниципальные служащие могли бы использовать для культурной диагностики в повседневной работе.

При этом аналитическое выделение социальных и культурных детерминант не означает их автономности от иных параметров территориального развития. Региональная среда формируется одновременно под воздействием экономических условий, инфраструктурной обеспеченности, характеристик рынка труда, правовых ограничений, технологического развития

и особенностей социального состава населения [16]. Культурный контекст в такой системе определяет то, как объективные условия территории интерпретируются населением и учитываются при коллективной оценке управленческих решений.

Подобное разграничение позволяет избежать культурного детерминизма. Например, ограниченная поддержка конкретного муниципального проекта может быть обусловлена его объективной ресурсной несостоятельностью, однако характер общественной реакции, способы артикуляции несогласия и готовность населения принять альтернативу во многом зависят уже от структуры локального доверия, исторически сложившихся отношений с властью и допустимых в данном сообществе способов коллективного действия. Следовательно, один и тот же экономический или инфраструктурный фактор способен порождать неодинаковые управленческие эффекты в территориях с различающимися социально-культурными профилями.

В этой связи региональную специфику целесообразно представить как многоуровневую систему детерминант. Ее первый уровень образуют относительно объективируемые условия функционирования территории - экономические, демографические, инфраструктурные, технологические и институциональные. Второй включает социальную структуру и конфигурацию взаимодействия ключевых локальных акторов. Третий формируют ценностно-смысловые характеристики - коллективная память, локальная идентичность, уровень межгруппового доверия и укорененные представления о легитимном способе осуществления власти. Именно взаимодействие этих уровней определяет среду муниципального принятия решений.

Такой подход согласуется с положениями работы [16], где регион рассматривается как сочетание экономических, социальных, культурных, правовых и иных условий, требующих адаптации управленческой стратегии.

Существующие исследования в основном описывают влияние культуры на администрирование, но не предлагают прикладного аналитического

инструментария для учёта этих факторов в муниципальном управлении. Этот пробел определяет научную новизну и практическую востребованность исследования, направленного на разработку механизма интеграции региональной культурной специфики в модели местного управления.

Методология исследования. Работа выполнена в аналитико-концептуальном формате с использованием сравнительного анализа научных подходов к изучению социокультурных факторов муниципального управления. Исследовательское внимание сосредоточено на механизмах согласования формальных управленческих процедур с локальными ценностными установками, особенностями общественной коммуникации и территориальной идентичностью. Применены методы институционального анализа, сравнительной типологизации и структурно-функциональной интерпретации. Для систематизации возможных социокультурных воздействий выделены три этапа муниципального управленческого цикла: формирование повестки, выбор управленческого решения и организация его реализации. На каждом этапе рассматриваются потенциальные формы взаимодействия нормативных требований, экономических критериев и локальных общественных ожиданий. Результатом является концептуальная схема адаптации муниципального управления к территориальному контексту.

Результаты исследования. Сравнительный анализ существующих теоретических подходов позволяет выделить механизмы возможного влияния социокультурных характеристик территории на муниципальные управленческие решения. К ним относятся изменение приоритетов местной повестки под воздействием общественных ожиданий, корректировка способов реализации проектов с учётом сложившихся практик взаимодействия жителей и органов власти, а также согласование административных процедур с локальными представлениями о социальной справедливости. Выделенные механизмы не предполагают обязательного обхода действующих регламентов. В ряде случаев учёт социокультурных особенностей может обеспечиваться посредством

предусмотренных законодательством процедур публичных обсуждений, консультаций и участия заинтересованных групп. Предложенная типология характеризует аналитически возможные формы адаптации муниципальных решений, применимость которых определяется конкретными институциональными и территориальными условиями (таблица 2).

Таблица 2 - Архитектура механизмов адаптации муниципальных решений к социальному и культурному контексту

Стадия управленческого цикла	Формальная цель стадии	Реальный механизм социальной и культурной адаптации	Проявление в локальной практике
Повестко-образование	Выявление и приоритизация проблем территории	Фильтрация общественных запросов через призму локальных табу и исторических травм	Игнорирование тем, затрагивающих скрытые межгрупповые конфликты, даже при наличии объективных статистических данных
Альтернативный выбор	Оценка и выбор оптимального варианта решения	Легитимация управленческих альтернатив через апелляцию к коллективной памяти и локальным мифам	Отклонение экономически оптимальных проектов в пользу решений, сохраняющих привычный символический ландшафт
Имплементация	Практическая реализация принятого решения	Мобилизация неформальных социальных сетей и локальных авторитетов	Делегирование функций контроля неформальным лидерам сообществ, фактически обходящим формальные административные регламенты

Источник: разработано автором.

На этапе постановки проблемы это выражается в слепоте местных элит к некоторым острым социальным напряжениям, поскольку их обсуждение нарушает негласные правила локального консенсуса. В процессе выбора альтернатив символический капитал и историческая преемственность оказываются весомее экономических расчетов, заставляя муниципальных служащих искать компромисс между эффективностью и сохранением уклада. В свою очередь, стадия реализации оказывается зоной доминирования неформальных институтов, где успех программы зависит от способности

администрации городского округа встроить ее в существующие патерналистские или общинные сети.

Представленные механизмы позволяют уточнить характер воздействия культурного фактора на управленческий цикл. Ценности и идентичности задают рамку интерпретации управляющего воздействия, внутри которой жители оценивают его допустимость, справедливость и соответствие сложившемуся представлению о желаемом состоянии территории. Поэтому идентичное по формальным параметрам решение способно порождать различающиеся модели поведения в зависимости от того, какой ценностный профиль характерен для локального сообщества. Данный тезис согласуется с подходом, в котором последствия региональных и муниципальных управленческих воздействий предлагается оценивать с учетом индивидуальных и групповых ценностных установок населения [17].

С аналитической точки зрения рассматриваемая зависимость может быть представлена посредством последовательности: управленческое воздействие → его интерпретация через локальную ценностно-смысловую систему → формирование индивидуальных и групповых реакций → агрегирование реакций в коллективное поведение → изменение фактического результата решения. Введение данного промежуточного звена принципиально, поскольку позволяет объяснить расхождение между формально одинаковыми административными процедурами и неодинаковыми последствиями их применения в различных муниципальных образованиях.

Следовательно, предметом муниципальной диагностики должны становиться культурные характеристики территории, характер их связи с конкретными объектами управленческого воздействия. Высокая значимость традиционалистских установок, например, не означает универсального сопротивления инновациям: негативная реакция возникает прежде всего тогда, когда предлагаемое изменение интерпретируется как угроза символически значимому элементу локального порядка. И наоборот, управленческая новация

может получить высокий уровень поддержки, если ее содержание удается встроить в привычную систему коллективных смыслов. Тем самым культурная диагностика становится инструментом анализа вероятных реакций на конкретные варианты муниципальной политики.

Обсуждение результатов исследования. Доминирующий на сегодняшний день дискурс, ориентированный на тиражирование универсальных лучших практик и цифровую стандартизацию, наталкивается на сопротивление локальной среды. Особенно отчетливо данное противоречие проявляется при цифровизации муниципального управления. Унификация информационных платформ способна обеспечивать стандартизацию технической стороны административных процедур, однако сама по себе не решает задачу локального целеполагания и не гарантирует включения населения в формирование управленческой повестки. В исследованиях цифрового регионального и муниципального управления обращается внимание на риск ситуации, при которой технологически готовое решение предъявляется населению постфактум, тогда как его ценностные установки и интересы не учитываются на стадии проектирования альтернатив [15]. В этом случае цифровизация повышает скорость административной операции, но не обязательно усиливает социальную легитимность получаемого результата.

Следовательно, цифровая стандартизация и культурная адаптация не должны рассматриваться как взаимоисключающие стратегии. Унифицированным может оставаться технологическое ядро муниципального управления - требования к данным, межведомственному обмену информацией, прозрачности процедур и контролю исполнения. Вариативности требует социально-коммуникативный слой: способы постановки проблемы, формы вовлечения населения, порядок обсуждения альтернатив, используемые механизмы обратной связи и символическое представление преобразований конкретному сообществу.

Подобное разделение может сохранить преимущества цифровой

унификации, не превращая ее в механизм содержательной стандартизации разнородных территорий. Муниципальная цифровая платформа в такой модели становится не только каналом доведения уже принятого решения, но и инфраструктурой его социальной адаптации, обеспечивающей сбор локальных сигналов, сопоставление альтернатив и фиксацию различий в реакции отдельных групп населения.

Отмечается как недостаток цифровых муниципальных моделей отсутствие муниципального целеполагания и риск исключения населения из формирования цифровой повестки [16]. Авторы связывают преодоление этой проблемы с балансом интересов власти, общества и иных акторов.

Полученные материалы отражают несостоятельность переноса успешных административных моделей между территориями, обладающими различным культурным кодом. Учёт скрытых культурных факторов создаёт основу для формирования гибких систем местного самоуправления, адаптированных к особенностям территории и учитывающих локальные смысловые ориентиры. Опираясь на качественные данные из ограниченного числа муниципальных образований, не представляется возможным претендовать на абсолютную репрезентативность для всего многообразия российских регионов. Тем не менее, обозначенные направления требуют дальнейшей проверки на более широкой выборке и разработки конкретных диагностических инструментов для муниципальных служащих.

В качестве направления преодоления обозначенного методического дефицита может быть предложен сценарный принцип культурной диагностики управленческих решений. Его отличие от традиционного анализа территории заключается в том, что предметом оценки становится не абстрактный социокультурный профиль муниципального образования, а потенциальная реакция различных групп населения на несколько альтернатив управленческого воздействия. Сценарный подход представляется особенно значимым потому, что выбор муниципального решения предполагает сопоставление не только его

экономических и административных результатов, но также социальных последствий и различий в восприятии со стороны локальных акторов [15].

На первом этапе подобной диагностики формируется контекстный профиль рассматриваемой проблемы, включающий социально-экономические условия территории, характер затрагиваемых интересов, структуру участников и имеющиеся институциональные ограничения. На втором устанавливаются культурно значимые параметры конкретного решения: его связь с локальной идентичностью, исторической памятью, символическими объектами, сложившимися моделями справедливости и уровнем доверия к инициатору преобразований. На третьем этапе для каждой альтернативы прогнозируются типовые реакции основных групп населения - поддержка, нейтральное принятие, пассивное уклонение, открытое сопротивление либо попытка адаптировать решение через неформальные практики.

Полученный результат целесообразно представлять в виде социокультурной карты управленческой альтернативы, содержащей четыре взаимосвязанных блока: объективный ожидаемый эффект решения; группы, чьи интересы оно затрагивает; культурные и социальные факторы, способные усилить либо ослабить его принятие; механизмы адаптации, необходимые до начала реализации. Такая карта дополняет экспертизу прогнозом социальной реализуемости решения.

Особое значение приобретает сравнение нескольких вариантов до окончательного административного выбора. Экономически наиболее эффективная альтернатива может характеризоваться чрезмерными социальными издержками и высоким риском институционального сопротивления, тогда как вариант с менее высоким значением отдельного количественного показателя способен обеспечить большую устойчивость благодаря соответствию локальной структуре интересов и ценностей. Меняется сама трактовка эффективности муниципального решения: она должна учитывать не только плановый эффект, но и вероятность его фактической реализации в конкретной социальной среде.

При построении сравнительной модели муниципальных решений целесообразно использовать сценарный подход, предусматривающий описание нескольких альтернатив и сопоставление их нормативных, экономических и социальных последствий. В качестве самостоятельного аналитического элемента предлагается оценивать общественную приемлемость альтернатив с учётом локальных ценностных установок. Такой подход позволяет разграничить формально определяемые параметры управленческих решений и их восприятие локальными сообществами. Предлагаемая схема представляет собой авторскую методическую интерпретацию.

Выводы. Локальное управление перестает быть сферой прикладной экономики или права, трансформируясь в комплексный процесс непрерывного согласования формальных нормативных предписаний с неформальными смысловыми структурами территории. Признание этого обстоятельства требует переосмысления управленческой рациональности, которая на муниципальном уровне имеет двойственный характер.

С практической точки зрения обозначенный концептуальный сдвиг предъявляет новые требования к профессиональному профилю муниципального служащего. Набор компетенций, ориентированный на регламентное исполнение и бюджетное планирование, оказывается недостаточным в условиях гетерогенной социальной среды. Возникает потребность в культурной диагностике - умении выявлять устойчивые модели коллективного поведения, распознавать ценностные конфликты и использовать локальные символы для легитимации властных инициатив. Фактически речь идёт о необходимости развития социально-антропологической компетентности муниципальных служащих, что предполагает существенную корректировку программ профессиональной переподготовки кадров для органов публичной власти.

Стратегическим императивом становится перепроектирование самих институциональных рамок муниципального уровня. Жесткие унифицированные схемы, спускаемые с вышестоящих уровней публичной власти, должны уступать

место модульным конструкциям, оставляющим пространство для локальной адаптации. Включение механизмов культурной адаптации в административные процедуры может способствовать внедрению инноваций с учётом привычных социальных практик жителей. Гибкость институтов выступает как прагматичный механизм сокращения транзакционных издержек при внедрении любых преобразований, обеспечивающий устойчивость принимаемых решений в долгосрочной перспективе.

Содержательно модульная организация муниципальных регламентов может быть представлена как сочетание трех уровней. Первый образует инвариантное нормативное ядро, включающее обязательные правовые требования, пределы компетенции органов местного самоуправления, гарантии равенства участников и стандарты прозрачности административной процедуры. Данные элементы не должны зависеть от особенностей локальной культуры, поскольку обеспечивают единство публично-правового пространства.

Второй уровень представляет собой адаптационный модуль, допускающий вариативность формы реализации решения в зависимости от социального и культурного профиля территории. В него могут включаться способы информирования и вовлечения жителей, формат общественного обсуждения, последовательность внедрения нововведения, привлечение локальных посредников доверия, выбор языка и символического оформления публичной коммуникации. Именно данный уровень выполняет функцию культурного буфера, переводящего универсальную управленческую цель в социально приемлемый для конкретного сообщества формат.

Третий уровень образует контур обратной связи и корректировки. После внедрения решения необходим мониторинг не только формальных показателей исполнения, но и изменения отношения населения, возникновения неформальных способов адаптации и появления новых конфликтных зон. Полученная информация должна возвращаться в управленческий цикл и использоваться для изменения вариативной части регламента без пересмотра его

обязательного нормативного ядра. Тем самым культурная адаптация приобретает процессуальный характер и перестает быть процедурой, осуществляемой на этапе подготовки решения.

Такая трехуровневая конструкция позволяет соединить стандартизацию и локальную вариативность: универсальность сохраняется на уровне правовых принципов и конечных публичных целей, тогда как способы их достижения калибруются применительно к конкретной социальной среде. Дополнительным условием становится согласование интересов органов власти, населения, общественных объединений и хозяйствующих субъектов территории, поскольку устойчивость локальных преобразований зависит от способности муниципального управления организовать взаимодействие основных участников развития.

Список литературы

1. Мельников Е. М. Принятие решений в государственном управлении: региональные особенности // Регион: системы, экономика, управление. – 2025. – №. 2 (69). – С. 11.
2. Срибный Д. В., Джуха В. М., Тугуз Ю. Р. Сравнительный анализ методических инструментов управления регионом // Учет и статистика. – 2022. – №. 3 (67). – С. 45-54.
3. Бубело А. Ю. Анализ технологий управленческих решений в муниципальном управлении // Russian Economic Bulletin. – 2022. – Т. 5. – №. 1. – С. 43.
4. Новоселов А. С. Стратегическое планирование и управление региональным и муниципальным развитием: проблемы и пути решения // Регион: экономика и социология. – 2023. – №. 4. – С. 299.
5. Рисин И. Е. Обновление механизма управления экономикой региона // Регион: системы, экономика, управление. – 2025. – №. 1 (68). – С. 19.
6. Рисин И. Е., Чичерина А. С. Возможности повышения качества муниципальных стратегий в оценках экспертов // Регион: системы, экономика, управление. – 2022. – №. 2 (57). – С. 54-59.

7. Горький А. С. Элементы и критерии оценки государственной региональной политики // Вестник Самарского университета. Экономика и управление. – 2023. – Т. 14. – №. 4. – С. 41-49.

8. Волохова Я. В., Субботина Т. Н. Особенности принятия управленческих решений в сфере государственного и муниципального управления // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2021. – №. 9-1. – С. 46-48.

9. Гужина Г. Н., Жилина Ж. А. Проблемы теории и практики разработки и принятия решений в сфере государственного управления и пути их решения // Управленческий учет. – 2024. – №. 9. – С. 35-45.

10. Антонова Ю. А. Проблемы процесса разработки и принятия управленческих решений в условиях взаимодействия структур государственного и муниципального управления // Инновации и инвестиции. – 2023. – №. 4. – С. 59-61.

11. Кравченко Л. А., Троян И. А., Горячих М. В. Цифровые решения в государственном управлении: тренды, возможности и ограничения // Информационное общество. – 2023. – №. 2. – С. 54-68.

12. Зуйкина А. С., Семенова Д. М. Информационно-коммуникационные технологии в процессе принятия политико-управленческих решений на региональном уровне: опыт Пермского края // Ars Administrandi. – 2024. – Т. 16. – №. 2. – С. 261-276.

13. Черных С. И. Процесс принятия и реализации управленческих решений государства: теория и практика // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. – 2022. – №. 2. – С. 94-110.

14. Снытkин Д. В. Эффективность государственного и муниципального управления: сущностные особенности и проблемные аспекты // Вестник экономики, права и социологии. – 2024. – №. 2. – С. 296-300.

15. Лапин А. В., Ильичев М. В. Моделирование социально-политических и экономических процессов в регионе: агентоориентированный подход // Власть. – 2024. – Т. 32. – № 3. – С. 62-77. DOI: 10.24412/2071-5358-2024-3-62-77.

16. Роговская Н. И., Есенкова Г. А., Евченко А. В. Региональные аспекты управления бизнесом: развитие научно-практических представлений, анализ современного состояния и определение стратегических ориентиров // Вестник Академии знаний. – 2026. – № 1 (72). – С. 450-454.

17. Abdrabo K. I., Kantoush S. A., Esmaiel A., Saber M., Sumi T., Almamari M., ... Ghoniem S. An integrated indicator-based approach for constructing an urban flood vulnerability index as an urban decision-making tool using the PCA and AHP techniques: A case study of Alexandria, Egypt // Urban Climate. – 2023. – Т. 48. – С. 101426.

18. Ramadan M. S., Almurshidi A. H., Razali S. F. M., Ramadan E., Tariq A., Bridi R. M., ... Al Hosani N. Spatial decision-making for urban flood vulnerability: A geomatics approach applied to Al-Ain City, UAE // Urban Climate. – 2025. – Т. 59. – С. 102297.

References

1. Mel'nikov E. M. Prinyatie reshenii v gosudarstvennom upravlenii: regional'nye osobennosti // Region: sistemy, ekonomika, upravlenie. – 2025. – №. 2 (69). – S. 11.

2. Sribnyi D. V., Dzhukha V. M., Tuguz Yu. R. Sravnitel'nyi analiz metodicheskikh instrumentov upravleniya regionom // Uchet i statistika. – 2022. – №. 3 (67). – S. 45-54.

3. Bubelo A. Yu. Analiz tekhnologii upravlencheskikh reshenii v munitsipal'nom upravlenii // Russian Economic Bulletin. – 2022. – T. 5. – №. 1. – S. 43.

4. Novoselov A. S. Strategicheskoe planirovanie i upravlenie regional'nym i munitsipal'nym razvitiem: problemy i puti resheniya // Region: ekonomika i sotsiologiya. – 2023. – №. 4. – S. 299.

5. Risin I. E. Obnovlenie mekhanizma upravleniya ekonomikoi regiona // Region: sistemy, ekonomika, upravlenie. – 2025. – №. 1 (68). – S. 19.

6. Risin I. E., Chicherina A. S. Vozmozhnosti povysheniya kachestva munitsipal'nykh strategii v otsenkakh ekspertov // Region: sistemy, ekonomika, upravlenie. – 2022. – №. 2 (57). – S. 54-59.

7. Gor'kii A. S. Elementy i kriterii otsenki gosudarstvennoi regional'noi politiki //

Vestnik Samarskogo universiteta. Ekonomika i upravlenie. – 2023. – T. 14. – №. 4. – S. 41-49.

8. Volokhova Ya. V., Subbotina T. N. Osobennosti prinyatiya upravlencheskikh reshenii v sfere gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya // Ekonomika i biznes: teoriya i praktika. – 2021. – №. 9-1. – S. 46-48.

9. Guzhina G. N., Zhilina Zh. A. Problemy teorii i praktiki razrabotki i prinyatiya reshenii v sfere gosudarstvennogo upravleniya i puti ikh resheniya // Upravlencheskii uchet. – 2024. – №. 9. – S. 35-45.

10. Antonova Yu. A. Problemy protsessa razrabotki i prinyatiya upravlencheskikh reshenii v usloviyakh vzaimodeistviya struktur gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya // Innovatsii i investitsii. – 2023. – №. 4. – S. 59-61.

11. Kravchenko L. A., Troyan I. A., Goryachikh M. V. Tsifrovye resheniya v gosudarstvennom upravlenii: trendy, vozmozhnosti i ogranicheniya // Informatsionnoe obshchestvo. – 2023. – №. 2. – S. 54-68.

12. Zuikina A. S., Semenova D. M. Informatsionno-kommunikatsionnye tekhnologii v protsesse prinyatiya politiko-upravlencheskikh reshenii na regional'nom urovne: opyt Permskogo kraya // Ars Administrandi. – 2024. – T. 16. – №. 2. – S. 261-276.

13. Chernykh S. I. Protsess prinyatiya i realizatsii upravlencheskikh reshenii gosudarstva: teoriya i praktika // ETAP: ekonomicheskaya teoriya, analiz, praktika. – 2022. – №. 2. – S. 94-110.

14. Snytkin D. V. Effektivnost' gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya: sushchnostnye osobennosti i problemnye aspekty // Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii. – 2024. – №. 2. – S. 296-300.

15. Lapin A. V., Il'ichev M. V. Modelirovanie sotsial'no-politicheskikh i ekonomicheskikh protsessov v regione: agentoorientirovannyi podkhod // Vlast'. – 2024. – T. 32. – № 3. – S. 62-77. DOI: 10.24412/2071-5358-2024-3-62-77.

16. Rogovskaya N. I., Esenkova G. A., Evchenko A. V. Regional'nye aspekty upravleniya biznesom: razvitie nauchno-prakticheskikh predstavlenii, analiz sovremennogo sostoyaniya i opredelenie strategicheskikh orientirov // Vestnik

Akademii znanii. – 2026. – № 1 (72). – S. 450-454.

17. Abdrabo K. I., Kantoush S. A., Esmaiel A., Saber M., Sumi T., Almamari M., ... Ghoniem S. An integrated indicator-based approach for constructing an urban flood vulnerability index as an urban decision-making tool using the PCA and AHP techniques: A case study of Alexandria, Egypt // Urban Climate. – 2023. – T. 48. – S. 101426.

18. Ramadan M. S., Almurshidi A. H., Razali S. F. M., Ramadan E., Tariq A., Bridi R. M., ... Al Hosani N. Spatial decision-making for urban flood vulnerability: A geomatics approach applied to Al-Ain City, UAE // Urban Climate. – 2025. – T. 59. – S. 102297.

Статья поступила в редакцию 22.12.2025; одобрена после рецензирования 05.03.2026; принята к публикации 31.08.2026.

The article was submitted 22.12.2025; approved after peer review 05.03.2026; accepted for publication 31.08.2026.

Научная статья
УДК 352:316.334.3

ТРАНСФОРМАЦИЯ АВТОНОМИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ПРИ ПЕРЕДАЧЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ

Бобошко Артем Андреевич, кандидат социологических наук,
Севастопольский государственный университет, Россия, Севастополь,
a.boboshko@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуются социологические и институциональные аспекты трансформации автономии местного самоуправления в условиях передачи региональных полномочий на муниципальный уровень. Показано, что формально-юридические подходы к разграничению предметов ведения, не учитывающие ресурсную асимметрию и административное давление, не позволяют выявить ограничения операционной независимости территориальных образований; в результате стратегическое развитие территорий подменяется рутинным исполнением директив вышестоящих органов. К основным результатам исследования относятся рассмотрение местной независимости как динамичного социального феномена, выявление механизма имитационной субсидиарности, связанного с изменением роли муниципальных элит, а также определение комплекса институциональных инструментов восстановления управленческой инициативы, включая адаптивную оценку, межмуниципальную кооперацию и практики участия. Установлено, что интеграция социологических индексов в системы оценки эффективности местных решений, принимаемых в рамках инициативного бюджетирования, обеспечивает защиту территориальных интересов. Эмпирическая апробация концепции на статистических данных о фискальной автономии и структуре местных бюджетов за 2020-2025 гг. показывает, что наиболее выраженный эффект сохранения субъектности достигается при гибкой сетевой самоорганизации и горизонтальном взаимодействии акторов. Результаты имеют значение для развития социологии

государственного управления, совершенствования инструментов минимизации централизационных рисков и устойчивости территориальных сообществ в периоды реформ.

Ключевые слова: местное самоуправление; автономия публичных акторов; передача региональных полномочий; операционная независимость; институциональные инструменты; муниципальная субъектность; фискальная зависимость.

Original article

TRANSFORMATION OF LOCAL GOVERNMENT AUTONOMY THROUGH THE TRANSFER OF REGIONAL POWERS

Boboshko Artem Andreevich, Candidate of Sociological Sciences, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia, a.boboshko@yandex.ru

Abstract. This article examines the sociological and institutional aspects of the transformation of local self-government autonomy in the context of the transfer of regional powers to the municipal level. It is shown that formal legal approaches to the delineation of responsibilities, which fail to take into account resource asymmetries and administrative pressure, fail to identify the limitations of the operational independence of territorial entities; as a result, the strategic development of territories is replaced by the routine implementation of directives from higher-level bodies. The main results of the study include an examination of local independence as a dynamic social phenomenon, the identification of a mechanism of imitation subsidiarity associated with the changing role of municipal elites, and the definition of a set of institutional instruments for restoring managerial initiative, including adaptive assessment, inter-municipal cooperation, and participatory practices. It is established that the integration of sociological indices into systems for assessing the effectiveness of local decisions made within the framework of participatory budgeting ensures the protection of territorial interests. Empirical testing of the concept using statistical data

on fiscal autonomy and the structure of local budgets for 2020-2025. The study shows that the most pronounced effect of preserving subjectivity is achieved through flexible network self-organization and horizontal interaction between actors. The results have implications for the development of the sociology of public administration, the improvement of tools for minimizing centralization risks, and the resilience of territorial communities during periods of reform.

Keywords: local self-government; autonomy of public actors; devolution of regional powers; operational independence; institutional instruments; municipal subjectivity; fiscal dependence.

Введение. Способность муниципальных акторов к самостоятельному принятию решений и реализации административных инициатив выступает ключевым индикатором зрелости гражданского общества и эффективности распределения функций власти. В условиях оптимизации межбюджетных и организационных отношений возникает необходимость переосмыслить влияние тенденций централизации на территориальную самоорганизацию [1].

Делегирование региональных задач на нижестоящий уровень, равно как и изъятие части собственных компетенций территориальных образований, порождает механизм институциональной мимикрии. С одной стороны, формально сохраняется статус выборных органов, с другой, фактическое поле для проявления управленческой воли сужается до исполнения спущенных сверху директив [2], [3]. Такое изменение ролей снижает способность местных элит и сообществ учитывать специфические запросы населения, поскольку гибкие способы реагирования заменяются бюрократическими регламентами.

С позиций социологии власти можно выявить закономерность, при которой упорядочение системы на макроуровне приводит к ограничению операционной самостоятельности ее базовых элементов. Поэтому необходимо выявить механизмы, посредством которых процедурная унификация подавляет территориальную инициативу [4].

Разрешение выявленного противоречия требует поиска институциональных инструментов, способных восстановить управленческую инициативу на местном уровне. В работе определяются условия, при которых муниципальные структуры могут адаптироваться к внешним требованиям, самостоятельно выражать интересы местных сообществ и формировать собственную повестку развития.

Обзор литературы. Исследователи рассматривают независимость территориальных образований как динамичный социальный феномен, подверженный постоянным институциональным колебаниям. Так, О.М. Рой обращает внимание на то, что делегирование региональных задач влечет за собой пересмотр самого понятия местной независимости. Автор отмечает, что расширение функциональной нагрузки на органы местного самоуправления сочетается с сужением их политического пространства [5]. Подобная асимметрия, по мнению М.А. Сидорова, формирует режим управляемой децентрализации, где муниципалитеты сохраняют внешние атрибуты суверенитета, утрачивая при этом способность к стратегическому маневру [6]. Для систематизации существующих научных позиций целесообразно обобщить ключевые подходы к пониманию автономии публичных акторов в современных условиях (таблица 1).

Таблица 1 - Эволюция теоретических представлений об автономии локальных акторов

Теоретический вектор	Ключевые исследователи	Характеристика независимости в условиях передачи полномочий
Институционально-нормативный	О.М. Рой, А.К. Кузнецов	Самостоятельность как производная от законодательного разграничения
		Доминирование административного контроля над инициативой
Ресурсно-функциональный	М.А. Сидоров, М.Р. Зазулина	Свобода маневра ограничена финансовой и кадровой зависимостью
		Смещение фокуса на исполнительскую дисциплину
Социально-сетевой	Ю.Н. Фролова, Е. Кылбаев, М. Толешов	Независимость трансформируется в способность выстраивать горизонтальные связи для компенсации вертикального давления

Источник: составлено автором на основе [5-10].

С социологической точки зрения данный процесс означает социальную перестройку. И.А. Умнова-Конюхова указывает, что утрата субъектности ведет к отчуждению местных сообществ от институтов публичной власти. Когда выборные органы превращаются в составляющие регионального аппарата, разрушаются горизонтальные связи, а доверие к локальным элитам падает [11]. А.А. Никлаус дополняет эту картину, отмечая, что формальная отчетность начинает подменять реальное решение социальных проблем, поскольку приоритетом становится достижение утвержденных регионом нормативов [12].

Резюмируя аналитический обзор, необходимо отметить, что остается недостаточно изученным вопрос о том, какие именно институциональные механизмы могли бы компенсировать эти проблемы и вернуть территориальным образованиям роль полноценного субъекта политики.

Современный этап развития местного самоуправления требует уточнения самой категории муниципальной автономии. Ее отождествление исключительно с законодательно закрепленным объемом полномочий оказывается недостаточным в условиях перехода от детализированной модели вопросов местного значения к более функциональной конструкции полномочий по непосредственному обеспечению жизнедеятельности населения [1]. Новое регулирование одновременно расширяет возможности адаптации компетенционной модели к региональной специфике и повышает зависимость фактического объема муниципальной компетенции от решений субъектов Российской Федерации. В результате формальное сохранение самостоятельности не тождественно наличию реальной способности муниципального образования определять способы достижения поставленных перед ним целей.

Дополнительное значение приобретает фактор нормативной изменчивости института. Перманентное реформирование территориальной организации, компетенционного состава, способов формирования органов и финансовых

основ местного самоуправления формирует среду, в которой муниципальные акторы вынуждены регулярно адаптироваться к обновляемым институциональным ограничениям [13]. Поэтому автономию целесообразно рассматривать как динамическую характеристику положения муниципалитета в системе публичной власти.

В рамках настоящего исследования предлагается разграничивать формальную и операционную автономию. Первая определяется нормативно закрепленными полномочиями и организационно-правовым статусом органов местного самоуправления. Вторая характеризует фактическую способность муниципальных акторов самостоятельно определять приоритетность местных проблем, выбирать способы реализации полномочий, перераспределять доступные ресурсы в установленных пределах и сохранять непосредственную ответственность перед территориальным сообществом. Именно расхождение между двумя указанными уровнями создает условия для институциональной ситуации, при которой юридическая самостоятельность сохраняется, но муниципальная субъектность постепенно вытесняется исполнительской функцией.

Это положение развивает вывод о том, что новая компетенционная модель дает больше гибкости, но одновременно создает риски размывания муниципальной компетенции и усиления зависимости от регионального уровня [1]. В работе [13], в свою очередь, постоянная законодательная эволюция рассматривается как устойчивая особенность российского местного самоуправления.

Материалы и методы исследования. Методологическую основу работы составляет сравнительно-институциональный анализ распределения полномочий и финансовых ресурсов между уровнями публичной власти. Для характеристики функциональной и бюджетной зависимости муниципальных образований рассматриваются три показателя: удельный вес субвенций в доходах местного бюджета, количество учитываемых переданных

государственных полномочий и отношение объёма финансового обеспечения к расчётной нормативной потребности. Показатели используются как самостоятельные характеристики различных сторон муниципальной автономии. Их объединение в интегральную оценку требует предварительного определения состава наблюдаемых муниципальных образований, правил взвешивания и сопоставимости полномочий. В статье представлена аналитическая иллюстрация изменения указанных характеристик, предназначенная для обсуждения механизмов трансформации муниципальной субъектности. При отсутствии установленного территориального состава исходной совокупности полученные соотношения не интерпретируются как репрезентативная статистическая оценка всей системы местного самоуправления Российской Федерации.

Результаты исследования и их обсуждение. Передача региональных задач муниципалитетам, обосновываемая принципом субсидиарности, на практике сопровождается регламентацией порядка их исполнения и целевым характером финансового обеспечения. Динамика структуры доходов местных бюджетов и объема делегированных полномочий иллюстрирует этот процесс (таблица 2).

Таблица 2 - Динамика показателей фискальной автономии и нагрузки на органы местного самоуправления

Показатель	2020 г.	2022 г.	2024 г.	2025 г.
Доля субвенций на исполнение делегированных полномочий в общей сумме доходов местных бюджетов, %	34,2	38,7	43,5	46,8
Среднее количество государственных полномочий, переданных на уровень муниципального района или городского округа	112	124	138	145
Доля собственных налоговых и неналоговых доходов в расходах на решение вопросов местного значения, %	41,5	38,1	34,6	32,9
Индекс отклонения фактических расходов на делегированные полномочия от утвержденных нормативов (1 - полное соответствие)	0,87	0,82	0,76	0,71

Источник: составлено автором на основе собранных материалов для исследования.

Увеличение доли субвенций в структуре доходов местных бюджетов

может свидетельствовать об усилении зависимости исполнения переданных полномочий от целевого межбюджетного финансирования. В рассматриваемой аналитической серии удельный вес субвенций возрастает с 34,2 до 46,8 %, количество учитываемых переданных полномочий — со 112 до 145, тогда как показатель соответствия финансового обеспечения нормативным потребностям сокращается с 0,87 до 0,71. Указанная динамика характеризует изменение соотношения функциональной нагрузки и финансовых ресурсов. Вместе с тем без определения состава муниципальных образований и порядка агрегирования показателей эти значения не следует интерпретировать как подтверждённую общероссийскую тенденцию. Рост доли целевых трансфертов сам по себе не означает утраты муниципальной управленческой самостоятельности, поскольку объём фактического усмотрения зависит от характера полномочий, допустимых способов их исполнения и возможности выбора организационных решений. Поэтому фискальная зависимость рассматривается как возможная предпосылка ограничения автономии.

Для более точной диагностики предлагается рассматривать операционную автономию как совокупность четырех взаимосвязанных измерений. Компетенционное измерение отражает наличие реального усмотрения при выборе способов решения локальных задач. Ресурсное измерение характеризует достаточность и предсказуемость финансовых, имущественных и кадровых ресурсов, которыми муниципалитет способен распоряжаться при формировании собственной повестки. Процедурное измерение связано с возможностью муниципальных органов участвовать в согласовании решений вышестоящего уровня, затрагивающих их компетенцию, а также использовать институционализированные механизмы разрешения межуровневых разногласий. Наконец, репрезентативное измерение фиксирует сохранность прямой связи между локальным сообществом, принимаемыми решениями и ответственностью муниципальных органов перед населением.

Подобная многомерность позволяет объяснить ситуацию, при которой

формальное делегирование дополнительных функций сокращает реальную автономию. Если расширение компетенции сопровождается ростом ресурсной зависимости, снижением процедурного участия и переориентацией отчетности с жителей на региональный центр, муниципальное образование получает дополнительную административную нагрузку без эквивалентного увеличения субъектности. В этом случае передача полномочий становится механизмом расширения исполнительской нагрузки муниципалитета в рамках вертикальной системы управления.

Подобное разграничение хорошо согласуется с современной правовой дискуссией: устойчивость компетенционной модели связывается одновременно с субсидиарностью, финансовой обеспеченностью и процедурной определенностью [1]. В актуальной литературе по реализации ФЗ № 33-ФЗ также отдельно выделяются проблемы автономии, административной нагрузки и дисбаланса полномочий и ресурсов [14].

Социологическое измерение данной проблемы заключается в изменении ролевой модели муниципального служащего и местного руководителя. Фокус внимания смещается на соблюдение процедур отчетности перед вышестоящими инстанциями. Операционная независимость подменяется исполнительской дисциплиной, а критерием успешности становится достижение целевых индикаторов, спущенных из регионального центра. Это снижает способность местных элит разрабатывать инновационные управленческие решения.

В этой связи используемая в исследовании категория «имитационная субсидиарность» нуждается в дополнительной операционализации. Сам факт передачи функции на территориально более низкий уровень еще не свидетельствует о реализации принципа субсидиарности. В содержательном смысле он предполагает не только пространственную близость исполнителя к населению, но и наличие институциональных условий, позволяющих нижестоящему уровню адаптировать решение к особенностям конкретной территории.

Для разграничения реальной и имитационной субсидиарности предлагается использовать три взаимосвязанных критерия:

1) достаточность управленческого усмотрения, то есть наличие у муниципальных органов реального выбора способов исполнения переданной функции в пределах установленных результатов и стандартов;

2) ресурсная эквивалентность, предполагающая соответствие передаваемой ответственности финансовым, кадровым и организационным возможностям муниципалитета;

3) локальная подотчетность, при которой оценка результата включает уровень фактического социального эффекта для жителей.

Если функция передается на муниципальный уровень, но способы ее исполнения заранее детализированы вышестоящим субъектом, финансирование носит жестко целевой характер, а критерии успешности полностью определяются вертикальной системой отчетности, такая передача не означает децентрализации принятия управленческих решений. Муниципалитет в данном случае выступает территориально приближенным исполнителем решения, сформированного за пределами локальной политико-управленческой системы. Именно такое состояние и может быть квалифицировано как институциональная форма имитационной субсидиарности.

Преодоление описанного дисбаланса связано с внедрением институциональных инструментов, способных восстановить управленческую инициативу без корректировки конституционных основ местного самоуправления. Речь идет о создании механизмов, повышающих адаптивную устойчивость муниципалитетов и позволяющих компенсировать давление вертикали за счет внутренних ресурсов и горизонтальных связей.

Однако горизонтальные механизмы компенсации вертикального давления способны выполнять свою функцию только при наличии минимального институционального каркаса, защищающего пространство муниципального усмотрения. Поэтому система обеспечения адаптивной устойчивости должна

включать взаимосвязанные ресурсные, процедурные и контрольные гарантии.

Первым его элементом должна выступать предварительная оценка последствий передачи или перераспределения полномочий. Ее содержание целесообразно расширить по сравнению с традиционным расчетом субвенций, включив финансово-экономическую экспертизу, оценку кадровой и инфраструктурной готовности муниципалитета, прогноз дополнительной административной нагрузки и анализ вероятного вытеснения собственных территориальных приоритетов. Передача функции без подтверждения достаточности ресурсов создает институциональный стимул к финансированию государственных задач за счет ресурсов, предназначенных для реализации местной повестки.

Второй элемент - автоматическое ресурсное сопровождение передаваемой функции, при котором изменение объема полномочий должно приводить к синхронному изменению объема предоставляемого финансового обеспечения на основе заранее определенной методики. Такая конструкция снижает зависимость муниципалитета от последующего согласования дополнительных ресурсов и препятствует возникновению нефинансируемых либо недостаточно финансируемых обязательств [1], [14].

Третий элемент образуют процедурные гарантии межуровневого согласования. К ним могут быть отнесены обязательная оценка воздействия региональных нормативных решений на муниципальную компетенцию, участие представителей муниципальных образований в обсуждении соответствующих проектов, формализованная процедура заявления разногласий и механизм их разрешения до момента окончательной передачи функции. Это может преобразовать вертикальное информирование муниципалитета о принятом решении в институционализированное согласование условий его исполнения.

Последним элементом должен стать риск-ориентированный формат государственного контроля, смещающий акцент на предупреждение существенных нарушений и оценку конечного результата. Чрезмерная

детализация контрольных требований способна существенным образом снижать инициативность даже при достаточном финансовом обеспечении, поскольку для муниципального служащего наиболее рациональной стратегией становится минимизация собственного управленческого усмотрения. Следовательно, сохранение субъектности требует дифференциации интенсивности контроля в зависимости от реальных рисков.

Восстановление субъектности начинается с изменения системы мотивации. Модернизация методики оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления должна включать весомую долю качественных показателей. Внедрение социологических индексов восприятия качества услуг населением смещает вектор ответственности администрации с регионального куратора непосредственно перед жителем территории.

Развитие межмуниципальной кооперации выступает прагматичным ответом на фрагментацию ресурсов. Объединение усилий соседних территорий при решении общих задач (например, в сфере утилизации твердых коммунальных отходов или организации транспортного сообщения) позволяет добиться эффекта масштаба и тем самым высвободить часть управленческих и финансовых ресурсов для реализации собственных местных проектов. Закрепление практик участия населения в управлении создает для органов местной власти дополнительную институциональную опору. Инициативы, прошедшие общественное обсуждение и поддержанные жителями через механизмы инициативного бюджетирования, получают дополнительную защиту при взаимодействии с региональными органами власти, поскольку их отмена или игнорирование сопряжены с высокими издержками.

При этом межмуниципальную кооперацию целесообразно интерпретировать шире, чем инструмент экономии ограниченных ресурсов. Она образует самостоятельный канал горизонтальной автономии, позволяющий муниципальным образованиям получать преимущества укрупнения отдельных функций без обязательного укрупнения самих центров принятия решений.

Современные исследования рассматривают межмуниципальное сотрудничество как самостоятельную альтернативу реформам, основанным исключительно на приватизации или территориальной консолидации: совместное предоставление услуг позволяет использовать эффект масштаба и улучшать координацию, сохраняя институциональную обособленность участвующих муниципалитетов [16].

Применительно к рассматриваемой проблеме это означает возможность разграничения политико-управленческой и сервисной централизации. Совместная эксплуатация инфраструктуры, организация отдельных сервисов, межмуниципальные проектные команды или объединенное экспертное обеспечение не требуют автоматической передачи всей соответствующей сферы на региональный уровень. При сохранении за муниципалитетами права участвовать в постановке целей, выборе формата сотрудничества и оценке результатов кооперация может компенсировать недостаток масштаба без ликвидации локальной субъектности.

Вторым каналом горизонтального укрепления автономии выступает институционализированное участие населения. Однако его функцию следует рассматривать как включение жителей и локальных организаций в постановку проблемы, определение приоритетов и оценку результата. Исследования современной муниципальной публичной политики показывают, что наличие цифровых каналов само по себе не обеспечивает содержательной вовлеченности: часть форм онлайн-взаимодействия может приобретать имитационный характер, если граждане не получают реального влияния на содержание локальной политики [15].

Тем самым горизонтальная автономия формируется в двух взаимодополняющих направлениях: межмуниципальном, позволяющем агрегировать ресурсы без обязательной вертикализации компетенции, и общественном, обеспечивающем постоянную связь принимаемого решения с интересами территориального сообщества. Их сочетание снижает зависимость

муниципалитета от единственного ресурсного и политического центра и расширяет число институциональных связей, на которые местная власть может опираться при реализации собственной повестки.

Таким образом, операционная независимость муниципалитетов в условиях доминирования вертикальных связей может быть сохранена посредством настройки институционального дизайна. Формирование гибких механизмов оценки, кооперации и общественного участия способно трансформировать муниципалитет в активного субъекта, отстаивающего интересы сообщества в рамках единого правового поля государства.

Выводы. Формирующаяся конфигурация межбюджетных и властных отношений свидетельствует о выходе политики за пределы системы «центр - периферия». Происходящие процессы нельзя рассматривать только как техническую оптимизацию управленческих процедур, поскольку они затрагивают саму природу местного самоуправления и сводят его роль к функциям специализированного сервисного звена. Это приводит к тому, что муниципальные образования фактически утрачивают статус полноценных субъектов политического процесса, превращаясь в нижние звенья единой исполнительской вертикали, где приоритетом выступает реализация спущенных сверху директив.

Трансформация характеристик статуса муниципальных акторов влечет за собой сдвиги в структуре локального представительства и природе доверия со стороны населения. Местные элиты, оказавшись в условиях внешнего административного контроля и дефицита собственных ресурсов, вынуждены менять свою роль. Они постепенно превращаются в менеджеров среднего звена, чья карьерная траектория зависит от лояльности региональному руководству и умения демонстрировать выполнение целевых индикаторов, что увеличивает социальную дистанцию между населением и местным самоуправлением, размывая традиционные механизмы обратной связи и сокращая общий уровень легитимности муниципальных институтов среди жителей.

Возникающий диссонанс между декларируемой близостью власти к населению и фактической подчиненностью местных институтов региональным императивам порождает феномен, который можно охарактеризовать как имитационную субсидиарность. При такой модели решения принимаются наверху без социологической и культурной валидации, вместе с тем низовые структуры лишены реальных рычагов для их адаптации. Асимметрия накапливает социальный потенциал для конфликтов, поскольку население продолжает воспринимать органы местного самоуправления как доступный и понятный адресат для предъявления претензий, не видя разницы между муниципальными и государственными функциями.

Проведенный анализ позволяет предложить категорию адаптивной автономии как более точную характеристику жизнеспособности местного самоуправления в интегрированной системе публичной власти. В отличие от модели автономии, понимаемой преимущественно как институциональная изоляция муниципального уровня от государства, адаптивная автономия характеризует способность муниципалитета сохранять собственный управленческий выбор при одновременном участии в решении задач общегосударственного и регионального значения.

Ее наличие предполагает одновременное соблюдение нескольких условий: сохранение минимально необходимого пространства компетенционного усмотрения; соответствие внешней функциональной нагрузки ресурсному потенциалу территории; институционализированное участие муниципальных акторов в согласовании решений, затрагивающих их сферу ответственности; возможность горизонтального объединения ресурсов; а также сохранение прямой обратной связи с локальным сообществом. Нарушение одного из элементов не обязательно ликвидирует автономию формально, но снижает способность муниципалитета преобразовывать внешние управленческие импульсы в решения, адаптированные к территориальным потребностям.

В таком понимании ключевым критерием самостоятельности становится

доля содержательного управленческого выбора, сохраняемая внутри каждой функции. Муниципалитет способен оставаться субъектом и при высокой степени межуровневой интеграции, если он располагает достаточными ресурсами и правом адаптации способов достижения согласованных результатов. При этом широкий перечень номинально собственных компетенций не обеспечивает субъектности, если ресурсные, кадровые и процедурные ограничения фактически исключают возможность выбора.

Предлагаемая конструкция позволяет примирить потребность в согласованном функционировании единой системы публичной власти с необходимостью сохранения социального содержания местного самоуправления. В этом случае автономия перестает трактоваться как противоположность интеграции и становится показателем качества институционального дизайна: чем выше способность системы совмещать общие публичные цели с территориальной вариативностью способов их достижения, тем ниже риск трансформации муниципалитета в пассивное исполнительское звено.

Этот вывод соответствует современной дискуссии вокруг ФЗ № 33-ФЗ: новое регулирование одновременно предполагает функциональную интеграцию и сохранение организационной самостоятельности, что требует специальных механизмов, предотвращающих размывание муниципальной компетенции. Исследования 2026 года также подчеркивают необходимость искать именно адаптивные способы реализации интеграционной модели.

В качестве возможного направления сохранения содержательной самостоятельности муниципального управления предлагается развитие горизонтальных механизмов взаимодействия, включая межмуниципальное сотрудничество, инициативное бюджетирование и участие местных сообществ в определении территориальных приоритетов. Такие формы способны создавать дополнительные возможности согласования общественных интересов и совместного использования ресурсов. Вместе с тем представленная

аналитическая серия бюджетных показателей не содержит самостоятельного сравнения муниципалитетов, использующих данные механизмы, с территориями, где соответствующие практики отсутствуют. Поэтому их положительное влияние на автономию рассматривается как авторская институциональная модель, требующая последующей проверки на материалах конкретных муниципальных образований.

Список литературы

1. Туболев С. М. Эволюция компетенции органов местного самоуправления: от вопросов местного значения к полномочиям по обеспечению жизнедеятельности населения // Юридическая наука. – 2025. – №. 11. – С. 103-112.
2. Андрианов В. Р., Кащеева А. Р. Акторы местного самоуправления: формирование идентичности в контексте внедрения одноуровневой системы управления // Крестьяноведение. – 2024. – Т. 9. – №. 3. – С. 229-248.
3. Кискин Е. В. Перераспределение полномочий как новая модель регулирования компетенции муниципалитетов: необходим стратегический подход // Федерализм. – 2025. – Т. 30. – №. 3. – С. 60-75.
4. Мазеин А. В. Система и структура органов местного самоуправления в условиях реализации принципа единства системы публичной власти и трансформации муниципальных образований // Муниципалитет: экономика и управление. – 2023. – №. 1 (42). – С. 56-67.
5. Рой О. М. Территориальное самоуправление: от локальных сообществ к самоуправляемой общности // Управленческие науки. – 2025. – Т. 15. – №. 1. – С. 138-148.
6. Сидоров М. А. Регионально-муниципальное взаимодействие в сфере использования цифровых инструментов публичного управления // Beneficium. – 2023. – №. 2 (47). – С. 62-68.
7. Кузнецов А. К. Формирование системы местного самоуправления в Российской Федерации в 1990-е годы: к историографии вопроса // Вестник Чувашского университета. – 2024. – №. 3. – С. 54-69.

8. Зазулина М. Р. Институциональный минимализм как тренд развития местного самоуправления в современной России // Сибирский философский журнал. – 2022. – Т. 20. – №. 2. – С. 127-142.

9. Фролова Ю. Н. Автономизм внутригосударственных регионов: проблематика вопроса и последствия для суверенитета // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. – 2024. – Т. 18. – №. 3. – С. 59-68.

10. Кылбаев Е., Толешов М. Повышение финансовой самостоятельности местных бюджетов как направление совершенствования межбюджетных отношений в Республике Казахстан // Казахстан-Спектр. – 2026. – Т. 114. – №. 2.

11. Умнова-Конюхова И. А. Эволюция федеративной государственности: общемировые тенденции // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2023. – Т. 23. – №. 3. – С. 101-112.

12. Никлаус А. А. Децентрализованные европейские унитарные государства: траектории эволюции // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2022. – №. 4. – С. 21-36.

13. Ахъядов И. И. Постоянная законодательная эволюция как феномен российского местного самоуправления // Образование и право. – 2026. – № 3. – С. 128-135. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-128-135.

14. Зотов В. Б. Пути решения проблем интеграции местного самоуправления в систему публичной власти: к реализации нового закона // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. – 2026. – Т. 13. – № 1. – С. 29-38. DOI: 10.22363/2312-8313-2026-13-1-29-38.

15. Косыгина К. Е., Уханова Ю. В. Гражданское участие населения в контексте реализации муниципальной публичной политики // Ars Administrandi (Искусство управления). – 2024. – Т. 16. – № 3. – С. 533-554. DOI: 10.17072/2218-9173-2024-3-533-554.

16. Bel G., Elston T., Esteve M., Petersen O. H. Local Government Reform beyond Privatization and Amalgamation: Advances in the Analysis of Inter-Municipal

Cooperation // Journal of Economic Policy Reform. – 2024. – Vol. 27. – No. 2. – P. 125-139. DOI: 10.1080/17487870.2024.2341657.

References

1. Tubolev S. M. Evolyutsiya kompetentsii organov mestnogo samoupravleniya: ot voprosov mestnogo znacheniya k polnomochiyam po obespecheniyu zhiznedeyatel'nosti naseleniya // Yuridicheskaya nauka. – 2025. – №. 11. – S. 103-112.

2. Andrianov V. R., Kashcheeva A. R. Aktory mestnogo samoupravleniya: formirovanie identichnosti v kontekste vnedreniya odnourovnevoi sistemy upravleniya // Krest'yanovedenie. – 2024. – T. 9. – №. 3. – S. 229-248.

3. Kiskin E. V. Pereraspredelenie polnomochii kak novaya model' regulirovaniya kompetentsii munitsipalitetov: neobkhodim strategicheskii podkhod // Federalizm. – 2025. – T. 30. – №. 3. – S. 60-75.

4. Mazein A. V. Sistema i struktura organov mestnogo samoupravleniya v usloviyakh realizatsii printsipa edinstva sistemy publichnoi vlasti i transformatsii munitsipal'nykh obrazovanii // Munitsipalitet: ekonomika i upravlenie. – 2023. – №. 1 (42). – S. 56-67.

5. Roi O. M. Territorial'noe samoupravlenie: ot lokal'nykh soobshchestv k samoupravlyaemoi obshchnosti // Upravlencheskie nauki. – 2025. – T. 15. – №. 1. – S. 138-148.

6. Sidorov M. A. Regional'no-munitsipal'noe vzaimodeistvie v sfere ispol'zovaniya tsifrovykh instrumentov publichnogo upravleniya // Beneficium. – 2023. – №. 2 (47). – S. 62-68.

7. Kuznetsov A. K. Formirovanie sistemy mestnogo samoupravleniya v Rossiiskoi Federatsii v 1990-e gody: k istoriografii voprosa // Vestnik Chuvashskogo universiteta. – 2024. – №. 3. – S. 54-69.

8. Zazulina M. R. Institutsional'nyi minimalizm kak trend razvitiya mestnogo samoupravleniya v sovremennoi Rossii // Sibirskii filosofskii zhurnal. – 2022. – T. 20. – №. 2. – S. 127-142.

9. Frolova Yu. N. Avtonomizm vnutrigosudarstvennykh regionov: problematika voprosa i posledstviya dlya suvereniteta // Vestnik Permskogo universiteta. Seriya:

Politologiya. – 2024. – T. 18. – №. 3. – S. 59-68.

10. Kylbaev E., Toleshov M. Povyshenie finansovoi samostoyatel'nosti mestnykh byudzhetov kak napravlenie sovershenstvovaniya mezhbyudzhetnykh otnoshenii v Respublike Kazakhstan // Kazakhstan-Spektr. – 2026. – T. 114. – №. 2.

11. Umnova-Konyukhova I. A. Evolyutsiya federativnoi gosudarstvennosti: obshchemirovye tendentsii // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. – 2023. – T. 23. – №. 3. – S. 101-112.

12. Niklaus A. A. Detsentralizovannye evropeiskie unitarnye gosudarstva: traektorii evolyutsii // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki. – 2022. – №. 4. – S. 21-36.

13. Akh"yadov I. I. Postoyannaya zakonodatel'naya evolyutsiya kak fenomen rossiiskogo mestnogo samoupravleniya // Obrazovanie i pravo. – 2026. – № 3. – S. 128-135. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-128-135.

14. Zotov V. B. Puti resheniya problem integratsii mestnogo samoupravleniya v sistemu publichnoi vlasti: k realizatsii novogo zakona // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. – 2026. – T. 13. – № 1. – S. 29-38. DOI: 10.22363/2312-8313-2026-13-1-29-38.

15. Kosygina K. E., Ukhanova Yu. V. Grazhdanskoe uchastie naseleniya v kontekste realizatsii munitsipal'noi publichnoi politiki // Ars Administrandi (Iskusstvo upravleniya). – 2024. – T. 16. – № 3. – S. 533-554. DOI: 10.17072/2218-9173-2024-3-533-554.

16. Bel G., Elston T., Esteve M., Petersen O. H. Local Government Reform beyond Privatization and Amalgamation: Advances in the Analysis of Inter-Municipal Cooperation // Journal of Economic Policy Reform. – 2024. – Vol. 27. – No. 2. – P. 125-139. DOI: 10.1080/17487870.2024.2341657.

Статья поступила в редакцию 15.01.2026; одобрена после рецензирования 19.03.2026; принята к публикации 31.08.2026.

The article was submitted 15.01.2026; approved after peer review 19.03.2026; accepted for publication 31.08.2026.

Научная статья
УДК 316.624:35.072.3

ОТКЛОНЕНИЯ В РАБОТЕ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОГРАММ

Литвинцева Светлана Анатольевна, кандидат социологических наук, Дальневосточный государственный медицинский университет, Россия, Хабаровск, dvsmu.svetlana@mail.ru

Аннотация. Переход к программно-целевому методу распределения бюджетных ресурсов является одним из инструментов достижения стратегических национальных приоритетов, однако его фактическая результативность во многом зависит от способности органов исполнительной власти снижать влияние институциональных противоречий и учитывать адаптивные реакции государственных служащих. Традиционные механизмы межведомственной координации не учитывают роль неформальных практик и характер организационных сбоев, что приводит к подмене качественных социальных изменений формальным выполнением количественных показателей и к принятию неэффективных управленческих решений. Целью исследования является комплексная социологическая оценка трансформации девиантных паттернов в деятельности органов исполнительной власти с учетом модифицирующего воздействия сетей взаимодействия на эффективность программных мероприятий и разработка практических механизмов оптимизации организационного поведения госслужащих. Методологическую основу составляет алгоритм декомпозиции институциональных сбоев с использованием поведенческих индикаторов; его параметры оценены на основе социологических данных за период 2021-2026 гг. с применением факторного анализа, описательной статистики и тематического моделирования качественных данных. Эмпирический анализ выявил парадокс влияния ужесточения формального контроля на итоговую результативность госпрограмм, поскольку в зонах

высокой нормативной неопределенности предельная эффективность регламентных процедур сокращается, а удельный вес негласных договоренностей выступает более существенным индикатором адаптации управленческого процесса, чем динамика межведомственных согласований. На основе полученных зависимостей обоснована необходимость изменения организационной структуры органов публичной власти и предложен переход к превентивным механизмам регулирования неформальных взаимодействий, связанным с проверяемыми показателями эффективности межведомственного взаимодействия.

Ключевые слова: программно-целевое управление; организационные отклонения; межведомственная координация; неформальные институты; государственное управление; цифровизация.

Original article

DEVIATIONS IN THE WORK OF EXECUTIVE BODIES IN THE IMPLEMENTATION OF STATE PROGRAMS

Litvintseva Svetlana Anatolevna, Candidate of Sociological Sciences, Far Eastern State Medical University, Khabarovsk, Russia, dvsmu.svetlana@mail.ru

Abstract. The transition to a program-targeted method of budget resource allocation is one of the tools for achieving strategic national priorities. However, its actual effectiveness largely depends on the ability of executive bodies to mitigate the impact of institutional contradictions and consider the adaptive responses of civil servants. Traditional mechanisms of interdepartmental coordination fail to account for the role of informal practices and the nature of organizational failures, which leads to the substitution of qualitative social changes for the formal fulfillment of quantitative indicators and to ineffective management decisions. The aim of this study is a comprehensive sociological assessment of the transformation of deviant patterns in the activities of executive bodies, taking into account the modifying impact of interaction

networks on the effectiveness of program activities and the development of practical mechanisms for optimizing the organizational behavior of civil servants. The methodological basis is an algorithm for decomposing institutional failures using behavioral indicators; its parameters are estimated based on sociological data for the period 2021-2026 using factor analysis, descriptive statistics, and thematic modeling of qualitative data. An empirical analysis revealed a paradoxical effect of tightening formal controls on the final performance of government programs. In areas of high regulatory uncertainty, the marginal effectiveness of regulatory procedures declines, and the proportion of tacit agreements serves as a more significant indicator of management process adaptation than the dynamics of interagency coordination. Based on the obtained relationships, the need to change the organizational structure of public authorities is substantiated, and a transition to preventive mechanisms for regulating informal interactions linked to verifiable indicators of interagency cooperation effectiveness is proposed.

Keywords: program-based management; organizational deviations; interdepartmental coordination; informal institutions; public administration; digitalization.

Введение. Внедрение программно-целевого подхода изначально рассматривалось как инструмент повышения рациональности расходования бюджетных ресурсов и обеспечения стратегической преемственности в решении социально-экономических задач [1]. Вместе с тем в контексте социологии управления трансформация институциональной архитектуры порождает новые противоречия между нормативно заданными алгоритмами деятельности и реальными поведенческими паттернами субъектов властных отношений. Формальная логика государственных программ, как правило, вступает в конфликт с фактическими возможностями и специфической культурой исполнительских структур, что детерминирует возникновение проблемных зон на этапе практической реализации намеченных планов [2].

Практика реализации стратегических инициатив показывает, что при переводе директивных установок в повседневную административную деятельность возникают многочисленные искажения. В деятельности исполнительных органов, являющихся основным звеном в достижении программных показателей, проявляются поведенческие отклонения и адаптационные реакции служащих на дефицит ресурсов, противоречия нормативной правовой базы и завышенные ожидания вышестоящих органов. Это ведёт к накоплению системных ошибок, снижению общественного доверия и, соответственно, к ослаблению легитимности инструментов государственного планирования [3].

Особую аналитическую ценность в этом контексте приобретает изучение природы межведомственного взаимодействия, поскольку именно на стыке компетенций различных структур ярко проявляются механизмы управления. Эффективность совместной работы ведомств определяется комплексом неформальных практик, которые могут как компенсировать жесткость бюрократических процедур, так и существенно искажать изначальные цели программ. Формирование негласных сетей, подмена реального сотрудничества формальным взаимодействием и ориентация ведомств преимущественно на собственные интересы становятся факторами, провоцирующими отклонения. Понимание того, каким образом социальные нормы влияют на качество межведомственной координации, выявляет причины снижения результативности программно-целевого управления.

Таким образом, цель исследования заключается в комплексном социологическом анализе факторов, детерминирующих отклонения в деятельности органов исполнительной власти при реализации государственных программ.

Обзор литературы. В исследованиях отмечается разрыв между действующими стратегическими ориентирами и фактическими результатами, который объясняется спецификой повседневных практик служащих [4], [5].

Существенный вклад в объяснение таких искажений внесли исследования, посвящённые феномену целевого смещения в условиях правовой регламентации. В частности, в статье Н.И. Мак аргументированно доказывается, что стремление исполнительных структур к минимизации репутационных рисков трансформирует содержательное наполнение программных мероприятий. Автор показывает, как под давлением необходимости отчитаться за освоение средств происходит подмена социальных изменений формальным выполнением количественных индикаторов. Это ведет к возникновению фиктивной реальности, где успешность инициативы оценивается по объему сгенерированной отчетной документации [6].

Для систематизации выявленных в академической литературе отклонений целесообразно обратить внимание на модель, предложенную в современных исследованиях организационного поведения госслужащих. Она структурирует отклонения по направленности воздействия на программные цели и степени их латентности. Первое объединяет явные отклонения, такие как прямое саботирование непопулярных мер или открытое перераспределение ресурсов в пользу более простых в реализации задач. Второй аспект охватывает практики, включающие имитацию межведомственной синергии, манипулирование статистическими данными и соблюдение процедур при фактическом игнорировании их изначального смысла. Весьма опасными для системы являются формы адаптации, которые внешне создают иллюзию благополучного хода реализации мероприятий, одновременно нарушая их содержательное наполнение [7], [8].

Микроуровневый анализ причин, порождающих описанные отклонения, представлен у О.М. Писаревой. Она акцентирует внимание на когнитивных и ресурсных ограничениях исполнителей, которые вынуждены балансировать между противоречивыми требованиями вышестоящих ведомств. В авторской концепции искажения рассматриваются как рациональный, с точки зрения самого служащего, способ выживания в условиях дефицита времени и

нормативной неопределенности. Формирующиеся таким образом негласные правила взаимодействия внутри ведомств создают альтернативные институты, которые фактически дублируют или подменяют собой официальные алгоритмы работы [9].

Эту проблематику дополняет исследование Э. Р. Мяликова, в котором акцент сделан на институциональных ловушках программно-целевого подхода. Автор показывает, что детализация программных показателей сокращает гибкость системы и провоцирует ведомственную разобщенность. Каждый департамент начинает оптимизировать свой узкий сегмент работы в ущерб общим стратегическим целям, что ведет к фрагментации управленческого пространства [10]. Вместе с тем в современном научном поле наблюдается дефицит комплексных социологических моделей, которые связывали бы макроуровневые институциональные сбои с микроуровневыми поведенческими реакциями конкретных исполнителей. Именно эта лакуна обуславливает необходимость дальнейшего изучения механизмов возникновения и тиражирования негативных явлений в деятельности органов исполнительной власти.

Для преодоления обозначенного разрыва организационные отклонения при реализации государственных программ целесообразно рассматривать как многоуровневое явление. Аналитически могут быть выделены по меньшей мере три взаимосвязанных уровня: программно-институциональный, межорганизационный и индивидуально-поведенческий. На первом отклонение выражается в рассогласовании формальных показателей программы и ее содержательной общественной цели, в том числе в смещении управленческого внимания с конечного социального эффекта на достижение удобных для отчетности количественных результатов. На межорганизационном уровне оно проявляется в ведомственной фрагментации, конкуренции за ресурсы, нарушении информационного обмена либо, напротив, в формировании неформальных сетей, компенсирующих недостатки официальных процедур.

Индивидуально-поведенческий уровень охватывает реакции конкретных служащих на нормативную неопределенность, перегрузку, конфликтующие требования и систему организационного стимулирования [12], [16].

Принципиальным является то, что причинная связь между уровнями имеет двусторонний характер. Формальные дефекты программного дизайна способны создавать стимулы для адаптационного поведения исполнителей, тогда как устойчиво воспроизводимые локальные практики постепенно приобретают институциональный характер и начинают изменять фактическую логику функционирования всей программы. Следовательно, наблюдаемое отклонение может представлять собой рациональную реакцию исполнителя на противоречивость самой организационной среды.

Такой подход позволяет уточнить объект управленческого воздействия. Если источник отклонения расположен на программно-институциональном уровне, усиление персональной ответственности исполнителей способно маскировать исходную дисфункцию. Если же нормативная конструкция сама по себе непротиворечива, но устойчивые групповые нормы ориентируют сотрудников на достижение ведомственных интересов в ущерб общей цели, предметом корректировки становится организационная культура и конфигурация межведомственного взаимодействия. Тем самым диагностика должна предшествовать выбору инструмента регулирования, поскольку одинаковое внешнее проявление отклонения может иметь различную институциональную природу.

Современное исследование К. Хуизинга показывает, что культура управления по количественно фиксируемым результатам способна порождать несколько разновидностей смещения целей организации [12]. Систематический обзор поведенческого государственного управления 2026 года, в свою очередь, подтверждает значимость мотивационных, когнитивных и поведенческих факторов при объяснении решений служащих [16].

Материалы и методы исследования. В работе используется

сравнительно-аналитический подход к изучению организационных отклонений при реализации государственных программ. Основное внимание уделено взаимодействию нормативно установленных процедур межведомственного согласования с неформальными механизмами координации управленческих решений. Для систематизации материала применены институциональный анализ, типологизация организационных практик и расчёт относительных изменений рассматриваемых показателей. В аналитической модели сопоставляются доля формальных согласовательных процедур, продолжительность административных операций и характеристики межведомственного взаимодействия. Временной интервал 2021–2023 гг. используется для сравнительного анализа представленных годовых значений, тогда как показатель на 2026 год рассматривается отдельно в качестве прогнозного сценария. Полученные количественные соотношения характеризуют представленный аналитический пример и не интерпретируются как результаты репрезентативного социологического мониторинга государственных служащих при отсутствии описания состава выборки, территориального охвата и процедуры формирования индексов.

Результаты исследования. Аналитическое сопоставление формальных и неформальных способов межведомственного взаимодействия позволяет выделить различия в организации согласовательных процедур. Согласно представленной сравнительной серии, доля формальных процедур составляла 62 % в 2021 году, 55 % в 2022 году и 48 % в 2023 году. Среднее арифметическое указанных значений равно 55 %. Сокращение доли формальных процедур между начальным и конечным годами составляет 14 процентных пунктов. Значение 42 %, приведённое для 2026 года, характеризует прогнозный сценарий дальнейшего изменения организационной структуры согласований и не является результатом завершённого наблюдения. Уменьшение доли формализованных операций может сопровождаться расширением неформальных каналов координации, однако приведённые показатели не позволяют определить, какая часть

изменений обусловлена именно таким перераспределением. Следовательно, представленные соотношения характеризуют возможную трансформацию организационных практик, требующую разграничения формального регламентирования, технологической автоматизации и неформального взаимодействия (таблица 1).

Таблица 1 - Эволюция формально-неформальных практик межведомственного взаимодействия и организационных трансформаций в исполнительных органах

Этап (годы)	Динамика формальных процедур	Характер проявления неформальных практик	Организационные интервенции и их непосредственные эффекты	Институциональные риски и компенсаторные функции
2021–2023	Доминирование регламентированных согласований (около 60% от общего массива межведомственных решений)	Формирование скрытых сетей для обхода бюрократических барьеров в ответ на ужесточение требований к срокам и форматам отчетности	Внедрение инструментов цифровизации документооборота: сокращение временных затрат на рутинные операции на 15% при одновременном росте когнитивной нагрузки и эмоционального выгорания кадров	Неформальные связи начинают выполнять функцию социального амортизатора, компенсируя системные издержки чрезмерной нормативной регламентации
2024–2025	Постепенное снижение доли исключительно формальных процедур, поиск практического баланса	Активное использование личных контактов и временных рабочих коалиций как фактического механизма обеспечения непрерывности управленческого процесса	Переход ряда ведомств к гибким моделям: делегирование полномочий, создание кросс-функциональных проектных команд. Снижение ведомственного эгоизма и конфликтности при распределении ресурсов	Сохранение адаптивности системы в условиях внешней турбулентности, однако устойчивость позитивных сдвигов остается хрупкой и критически зависит от фактора личного лидерства

2026	Стабилизация показателя формальных согласований на уровне 42% от общего объема взаимодействий	Интенсивное развитие неформального взаимодействия, парадоксально стимулируемое сохранением жестких рамок программно-целевого подхода	Осознание необходимости институционализаци и успешных негласных практик для предотвращения их деструктивного влияния на стратегические цели	Риск приватизации государ-ственных решений узкими группами влияния при полном отрыве скрытых догово-ренностей от механизмов публичной подотчетности

Источник: разработано автором.

Сопоставление продолжительности межведомственных согласовательных процедур показывает снижение соответствующего показателя с 8,4 дня в 2021 году до 7,1 дня в 2022 году и 5,9 дня в 2023 году. Относительное сокращение продолжительности в 2022 году по сравнению с 2021 годом составило приблизительно 15,5 %, а в 2023 году относительно 2022 года — 16,9 %. За весь рассматриваемый период уменьшение показателя достигло 29,8 %. Полученные значения характеризуют изменение продолжительности административных операций, однако не позволяют непосредственно установить, какая доля сокращения обусловлена внедрением цифрового документооборота, а какая связана с организационными изменениями и корректировкой регламентов. Поэтому результаты следует рассматривать как описательную динамику.

Сокращение длительности формальных операций не означает автоматического сокращения организационных отклонений. Цифровая система способна уменьшать транзакционные издержки передачи документов, но одновременно повышать требования к скорости реакции служащего, увеличивать количество параллельно доступных информационных потоков и формировать новые зависимости от качества данных и цифровых компетенций персонала. Поэтому технологическая модернизация изменяет конфигурацию организационной нагрузки, а не просто устраняет ее.

В этой связи целесообразно различать технологическую эффективность цифрового решения и организационную готовность к его использованию. Первая может измеряться скоростью обработки информации, снижением числа ручных

операций и сокращением временных затрат. Вторая включает наличие необходимых компетенций, понятность новых процедур, организационную поддержку сотрудников, возможность оперативного получения консультации и соответствие цифровой архитектуры фактическим рабочим процессам [15].

Если технологическая трансформация опережает адаптацию организационной среды, неформальные практики не исчезают, а перемещаются в новые коммуникационные пространства. Сотрудники начинают компенсировать ограничения цифрового регламента дополнительными мессенджерами, устными договоренностями, параллельными файлами либо персональными каналами уточнения данных. Для настоящего исследования важно, что цифровизация может одновременно повышать формально фиксируемую эффективность процесса и расширять сферу неформальных взаимодействий, не отражаемых стандартными показателями программного мониторинга.

Следовательно, оценку цифровых организационных интервенций целесообразно дополнять поведенческими параметрами: субъективной когнитивной нагрузкой, доступностью организационной поддержки, количеством дублирующих каналов взаимодействия и степенью зависимости выполнения задачи от персональных контактов. Это позволит определить, действительно ли технология сокращает институциональные трения или только перемещает их из формального контура в неформальный.

Исследование Дж. Пулккинена, М. Сухонена и Дж. Лейнонена рассматривает цифровую готовность служащих именно через организационные механизмы поддержки [15].

При этом сама институционализация неформальной практики требует предварительной оценки ее функциональной направленности. Наличие неофициального канала коммуникации не может квалифицироваться ни как организационная девиация, ни как положительный механизм адаптации. Современные исследования межведомственных сетей показывают, что

неформальные связи способны поддерживать обмен профессиональным знанием, повышать доверие, формировать общее понимание проблемы и дополнять формальную систему координации элементами неформальной ответственности [13], [14]. Следовательно, предметом оценки должно становиться не наличие неформальности само по себе, а характер ее воздействия на достижение публичной цели.

Для такого разграничения предлагается использовать четыре критерия. Целевая совместимость отражает соответствие неформальной практики содержательным целям государственной программы. Публичная приемлемость характеризует возможность объяснить принятое на ее основе решение с позиции общественного интереса, а не интересов ограниченной группы участников. Институциональная воспроизводимость показывает, может ли эффективный механизм взаимодействия функционировать независимо от персональных связей конкретных должностных лиц. Контролируемость предполагает сохранение возможности последующего восстановления логики принятия решения и установления ответственности участников.

Практика, удовлетворяющая указанным критериям, может рассматриваться как функциональная организационная адаптация и становиться объектом последующей формализации. Например, регулярное неформальное взаимодействие специалистов нескольких ведомств может быть преобразовано в постоянную межведомственную рабочую группу, общую экспертную площадку или официально закреплённый механизм оперативного решения проблем. Кроме того, практика, эффективность которой обусловлена исключительно закрытыми персональными договоренностями и исключением части заинтересованных субъектов из процесса принятия решения, сохраняет высокий риск институционального захвата независимо от ее оперативной результативности.

Работа Ж. Янга показывает, что неформальные межведомственные сети могут поддерживать доверие, обмен знаниями, групповую связность и

своеобразную неформальную подотчетность [13]. Исследование Й. Шанин и С. Гилад дополнительно показывает значение межведомственных рабочих групп, профессиональной мобильности, общности языка и доверительных связей для сетевого поведения государственных служащих [14].

Обсуждение результатов исследования. Проблема заключается в отрыве негласных правил от публичной подотчетности. Когда скрытые договорённости начинают подменять собой стратегические цели программ, возникает риск подчинения процесса принятия государственных решений интересам узких групп влияния (таблица 2).

Таблица 2 - Динамика индикаторов межведомственного взаимодействия и организационной эффективности в исполнительных органах

Год	Доля формальных согласований в общем массиве решений, %	Индекс неформальной сетевой интеграции (от 0 до 1)	Среднее время прохождения межведомственного письма, дни	Индекс организационного климата и удовлетворенности трудом, %
2021	62	0,34	8,4	58
2022	55	0,45	7,1	54
2023	48	0,58	5,9	51
2024	45	0,65	5,2	63
2025	43	0,71	4,8	68
2026 (прогноз)	42	0,74	4,5	72

Источник: разработано автором.

Выявленная динамика позволяет дополнить анализ категорией целевого смещения, при котором организационная активность формально соответствует требованиям системы управления, но постепенно дистанцируется от первоначального общественного результата программы. В современных исследованиях выделяются различные варианты такой трансформации: сужение цели до наиболее доступного сегмента деятельности, превращение соблюдения процедур в самостоятельную организационную задачу и перенос внимания с содержательного результата на формально измеримые показатели деятельности [12].

В программно-целевом управлении первый вариант проявляется в

приоритетном выполнении мероприятий, по которым вероятность достижения установленного индикатора выше, даже если их вклад в конечную социальную цель ограничен. Второй возникает тогда, когда соблюдение согласовательных, контрольных и отчетных процедур начинает потреблять непропорционально значительную часть организационных ресурсов. Третий связан с наиболее существенным риском - превращением показателя из средства оценки в фактическую цель деятельности. В этом случае возможна ситуация, при которой ведомство демонстрирует высокий процент формального исполнения программы при сохранении проблемы, для решения которой программа первоначально создавалась.

Данное обстоятельство требует разграничения результативности исполнения и социальной результативности. Первая характеризует соответствие фактических значений установленным контрольным показателям, срокам и финансовым параметрам. Вторая отражает степень изменения состояния объекта государственной политики. Расхождение двух видов результативности следует рассматривать как самостоятельный диагностический сигнал организационной дисфункции, а не только как техническую погрешность системы мониторинга.

Для предотвращения целевого смещения целесообразно использовать перекрестную систему показателей, включающую одновременно непосредственные результаты мероприятия, итоговый социальный эффект и индикаторы непредвиденных организационных последствий. Такая конструкция снижает возможность оптимизации деятельности исключительно под отдельный показатель и позволяет выявлять ситуации, при которых формальное выполнение программы сопровождается ухудшением смежных параметров.

Сокращение времени прохождения документов коррелирует с повышением индекса организационного климата, начиная с 2024 года. Этот момент совпадает с началом внедрения упомянутых гибких организационных моделей. На основании изложенного можно заключить, что искусственное подавление неформальных практик через ужесточение контроля

малопродуктивно. Оптимальная стратегия организационного развития должна предусматривать институционализацию конструктивных неформальных практик. Интеграция негласных сетей в официальную архитектуру управления, например, через создание постоянных межведомственных экспертных советов с реальными полномочиями, способна существенно повысить общую результативность реализации государственных программ.

Вместе с тем институционализация конструктивных практик должна дополняться системой раннего выявления организационных отклонений. Реактивная модель, при которой дисфункция становится объектом управления только после срыва контрольного показателя либо фиксации нарушения, не позволяет учитывать латентный характер значительной части рассмотренных процессов. Более перспективной представляется система ранней диагностики, объединяющая программные, процессные, сетевые и поведенческие индикаторы.

Программный блок должен фиксировать расхождение между достижением непосредственных показателей и динамикой конечного социального эффекта. Процессный блок включает продолжительность согласований, количество повторных возвратов документов, частоту корректировок, число исключительных процедур и распределение времени между содержательной и отчетной деятельностью. Сетевой блок отражает устойчивость межведомственных взаимодействий: плотность рабочих контактов, степень концентрации координации вокруг отдельных лиц, наличие альтернативных каналов передачи информации и зависимость процесса от неформальных посредников. Поведенческий блок должен учитывать организационный климат, уровень воспринимаемой нормативной неопределенности, перегрузку, готовность сотрудников сообщать о проблемах и распространенность адаптационных способов обхода формальных процедур.

Ключевое значение имеет сочетание показателей. Например, увеличение интенсивности неформального обмена при одновременном сокращении сроков

согласования и улучшении конечных результатов может указывать на конструктивную сетевую адаптацию. То же увеличение неформальной интеграции в сочетании с ухудшением публичной прослеживаемости решений, концентрацией взаимодействия вокруг ограниченной группы лиц и расхождением между отчетными и социальными результатами должно квалифицироваться уже как сигнал институционального риска.

Процедура реагирования может быть представлена в виде последовательного цикла (рисунок 1).

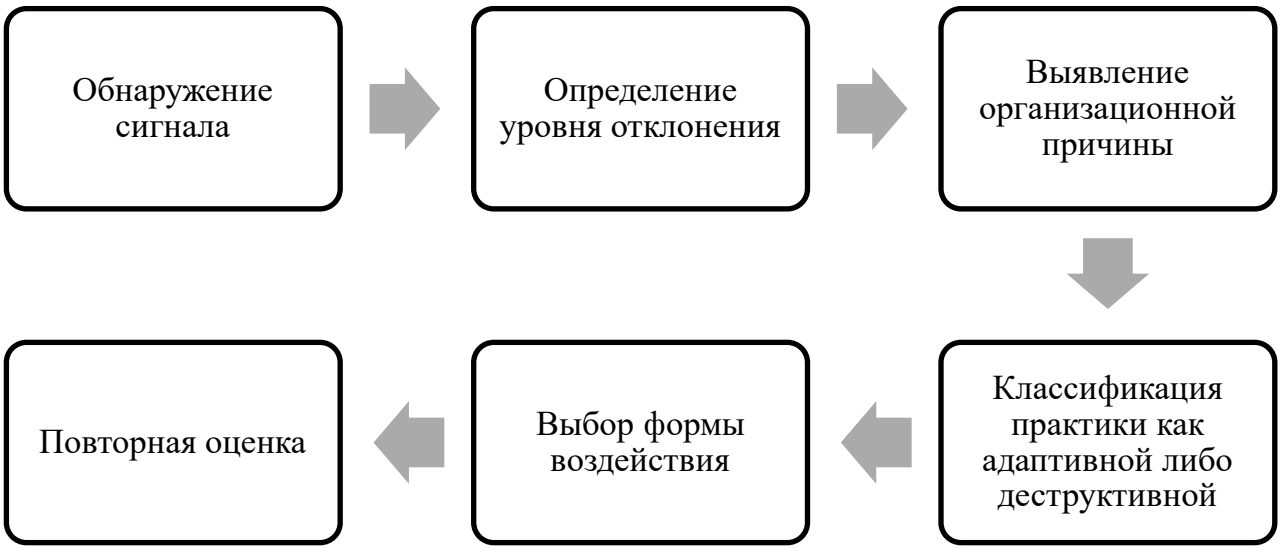

Рисунок 1 – Процедура реагирования как цикл действий (источник: разработано автором)

В зависимости от результатов вмешательство может принимать форму корректировки программного показателя, упрощения избыточной процедуры, изменения распределения полномочий, создания официальной межведомственной площадки, усиления организационной поддержки либо, напротив, ограничения неформального канала, создающего риск приватизации решения.

Такой механизм позволяет сместить акцент в управлении отклонениями с поиска виновных на выявление условий, систематически воспроизводящих нежелательное поведение. Персональная ответственность при этом сохраняет

значение, однако становится одним из элементов более широкой институциональной диагностики. Именно подобный подход позволяет соединить программно-целевое управление с социологическим анализом поведения государственных служащих.

Выводы. Анализ межведомственной коммуникации показывает несостоятельность бинарного противопоставления регламентированных процедур и негласных договоренностей. Эмпирические данные свидетельствуют о формировании гибридной управленческой среды, где неформальные сети выступают компенсаторным механизмом. Чрезмерное ужесточение формального контроля стимулирует развитие скрытых каналов координации, которые обеспечивают непрерывность управленческих процессов в условиях нестабильности.

В контексте выработки рекомендаций по оптимизации деятельности органов власти вектор управленческого воздействия должен сместиться в сторону адаптивных организационных архитектур. Целесообразно создавать механизмы, переводящие конструктивные формы неформального взаимодействия в официально регулируемое поле. Практическая реализация данного подхода предполагает закрепление статуса межведомственных координаторов, обладающих реальными ресурсами для оперативного нивелирования коллизий, а также пересмотр систем стимулирования, ориентированных на достижение верифицируемых общественных результатов.

Из этого следует, что целью организационной политики не должно становиться полное устранение отклонений от формализованного алгоритма. Для сложных межведомственных программ такая задача не только практически недостижима, но и потенциально дисфункциональна, поскольку часть отклонений возникает как механизм оперативного приспособления системы к ситуациям, не предусмотренным нормативной моделью. Более продуктивным представляется принцип управляемой организационной адаптивности, предполагающий способность системы различать функциональную

вариативность и деструктивное отклонение.

Граница между ними определяется характером создаваемого эффекта. Адаптивное отклонение сокращает институциональные издержки, не изменяя публичной цели программы, сохраняет возможность контроля и потенциально может быть преобразовано в воспроизводимый организационный механизм. Деструктивная девиация изменяет фактическую цель деятельности, закрывает процесс принятия решения от внешней оценки, создает асимметричные преимущества отдельным участникам либо переносит издержки ведомственной оптимизации на другие звенья программы.

Вследствие этого совершенствование межведомственной координации должно осуществляться одновременно по двум направлениям. Первое предполагает снижение объективной потребности в обходных практиках посредством устранения избыточных согласований, противоречивых требований и информационных разрывов. Второе связано с институциональным отбором уже возникших неформальных решений: конструктивные практики переводятся в официальный организационный контур, тогда как практики, нарушающие публичную подотчетность или создающие условия для захвата решений, должны блокироваться.

Подобная модель смещает акцент с формальной дисциплины как самостоятельной ценности на обеспечение содержательной управляемости государственной программы. Конечным критерием становится способность исполнительной системы достигать общественно значимого результата, сохраняя при этом законность, прослеживаемость принятия решений и ответственность публичных акторов.

Устойчивость системы государственного управления зависит от ее способности интегрировать поведенческие паттерны сотрудников в легитимное русло без утраты публичной подотчетности. Дальнейшие исследования в данной предметной области целесообразно сосредоточить на разработке диагностических инструментов, позволяющих на ранних стадиях отличать

адаптивные функциональные отклонения от негативных практик.

Список литературы

1. Горб В. Г. Качество и эффективность деятельности органов государственной власти: теоретический и методологический аспекты // Государственная служба. – 2022. – Т. 24. – №. 4 (138). – С. 13-22.
2. Саримова А. И., Седова Н. В. Изменение подхода к оценке эффективности государственных программ на примере реализации государственных программ Санкт-Петербурга // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. – 2025. – Т. 22. – №. 1. – С. 187-197.
3. Маршова Т. Н., Мигунов И. Н., Кириченко И. А. Анализ рисков реализации государственных программ и проектов по итогам их мониторинга в 2020–2024 гг // Экономическая безопасность. – 2025. – Т. 8. – С. 12.
4. Лачу Э., Сингх Ш. Риски дисфункции: устойчивые институциональные нарушения в системе управления ИКТ в жестко регулируемом государственном секторе // Стратегические решения и риск-менеджмент. – 2026. – Т. 16. – №. 4. – С. 316-325.
5. Санаков И. К. Инструментарий стратегического планирования регионов (на примере Камчатского края) // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. – 2023. – Т. 12. – №. 1. – С. 66-70.
6. Мак Н. И. Организационно-управленческая модель проектного управления и ключевые показатели результативности государственных проектов // Вестник евразийской науки. – 2022. – Т. 14. – №. 2. – С. 26.
7. Карен К., Терхоев Т. И. Характеристика деятельности органов внутреннего государственного финансового контроля в Российской Федерации // Вестник евразийской науки. – 2023. – Т. 15. – №. 6S. – С. 28.
8. Мяликов Э. Р. Модернизация архитектуры цифровой платформы оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти и высших должностных лиц субъектов Российской Федерации // Сибирский журнал экономических и бизнес-исследований. – 2025. – Т. 14. – №. 4. – С. 91-108.

9. Писарева О. М. Задачи и методы оптимизации состава исполнителей программ и проектов в системе стратегического планирования // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2022. – Т. 13. – №. 3. – С. 385-401.
10. Мяликов Э. Р. Необходимость применения технологии больших данных в оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти // Вестник экономики, права и социологии. – 2026. – №. 1. – С. 73-78.
11. Зайцев Р. В. Инструменты государственного стратегического планирования: текущее состояние и перспективы совершенствования // Вестник экономики, права и социологии. – 2024. – № 4. – С. 39–44. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-39-44.
12. Huizinga K. Indications of Goal Displacement Induced by Budget Cuts and Output Management: A Case Study of a Regulatory Enforcement Agency in the Netherlands // Journal of Law and Society. – 2023. – Vol. 50. – No. 2. – P. 251-273. DOI: 10.1111/jols.12425.
13. Yang Z. Professional Associations as Networks: How Informal Networking Characterizes Inter-Agency Collaboration from a Social Psychology Perspective // Administration & Society. – 2024. – Vol. 56. – No. 9-10. – P. 1175-1211. DOI: 10.1177/00953997241264167.
14. Schanin Y., Gilad S. The Design of Opportunities for Civil Servants' Inter-Departmental Networking Behavior // International Public Management Journal. – 2025. – Vol. 28. – No. 2. – P. 276-296. DOI: 10.1080/10967494.2024.2358012.
15. Pulkkinen J., Suhonen M., Leinonen J. Support Factors and Mechanisms for Civil Servants' Digitalization Readiness // Scandinavian Journal of Public Administration. – 2025. – Vol. 29. – No. 1. – P. 18-39. DOI: 10.58235/sjpa.2024.24130.
16. Chol B. D., Chen Z., Ayuel N. K. Behavioral Public Administration in the Public Sector: A Systematic Review // Chinese Public Administration Review. – 2026. – Vol. 17. – No. 2. – P. 169-189. DOI: 10.1177/15396754251358458.

References

1. Gorb V. G. Kachestvo i effektivnost' deyatel'nosti organov gosudarstvennoi vlasti:

teoreticheskii i metodologicheskii aspekty // Gosudarstvennaya sluzhba. – 2022. – T. 24. – №. 4 (138). – S. 13-22.

2. Sarimova A. I., Sedova N. V. Izmenenie podkhoda k otsenke effektivnosti gosudarstvennykh programm na primere realizatsii gosudarstvennykh programm Sankt-Peterburga // Vestnik Rossiiskogo ekonomicheskogo universiteta im. G.V. Plekhanova. – 2025. – T. 22. – №. 1. – S. 187-197.

3. Marshova T. N., Migunov I. N., Kirichenko I. A. Analiz riskov realizatsii gosudarstvennykh programm i proektov po itogam ikh monitoringa v 2020–2024 gg // Ekonomicheskaya bezopasnost'. – 2025. – T. 8. – S. 12.

4. Lachu E., Singkh Sh. Riski disfunktsii: ustoichivye institutsional'nye narusheniya v sisteme upravleniya IKT v zhestko reguliruemom gosudarstvennom sektore // Strategicheskie resheniya i risk-menedzhment. – 2026. – T. 16. – №. 4. – S. 316-325.

5. Sanakov I. K. Instrumentarii strategicheskogo planirovaniya regionov (na primere Kamchatskogo kraya) // Vestnik Sibirskogo instituta biznesa i informatsionnykh tekhnologii. – 2023. – T. 12. – №. 1. – S. 66-70.

6. Mak N. I. Organizatsionno-upravlencheskaya model' proektnogo upravleniya i klyuchevye pokazateli rezul'tativnosti gosudarstvennykh proektov // Vestnik evraziiskoi nauki. – 2022. – T. 14. – №. 2. – S. 26.

7. Karen K., Terkhoev T. I. Kharakteristika deyatel'nosti organov vnutrennego gosudarstvennogo finansovogo kontrolya v Rossiiskoi Federatsii // Vestnik evraziiskoi nauki. – 2023. – T. 15. – №. 6S. – S. 28.

8. Myalikov E. R. Modernizatsiya arkhitektury tsifrovoi platformy otsenki effektivnosti deyatel'nosti organov ispolnitel'noi vlasti i vysshikh dolzhnostnykh lits sub"ektov Rossiiskoi Federatsii // Sibirskii zhurnal ekonomicheskikh i biznes-issledovanii. – 2025. – T. 14. – №. 4. – S. 91-108.

9. Pisareva O. M. Zadachi i metody optimizatsii sostava ispolnitelei programm i proektov v sisteme strategicheskogo planirovaniya // MIR (Modernizatsiya. Innovatsii. Razvitie). – 2022. – T. 13. – №. 3. – S. 385-401.

10. Myalikov E. R. Neobkhodimost' primeneniya tekhnologii bol'shikh dannykh v

otsenke effektivnosti deyatel'nosti organov ispolnitel'noi vlasti // Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii. – 2026. – №. 1. – S. 73-78.

11. Zaitsev R. V. Instrumenty gosudarstvennogo strategicheskogo planirovaniya: tekushchee sostoyanie i perspektivy sovershenstvovaniya // Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii. – 2024. – № 4. – S. 39–44. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-39-44.

12. Huizinga K. Indications of Goal Displacement Induced by Budget Cuts and Output Management: A Case Study of a Regulatory Enforcement Agency in the Netherlands // Journal of Law and Society. – 2023. – Vol. 50. – No. 2. – P. 251-273. DOI: 10.1111/jols.12425.

13. Yang Z. Professional Associations as Networks: How Informal Networking Characterizes Inter-Agency Collaboration from a Social Psychology Perspective // Administration & Society. – 2024. – Vol. 56. – No. 9-10. – P. 1175-1211. DOI: 10.1177/00953997241264167.

14. Schanin Y., Gilad S. The Design of Opportunities for Civil Servants' Inter-Departmental Networking Behavior // International Public Management Journal. – 2025. – Vol. 28. – No. 2. – P. 276-296. DOI: 10.1080/10967494.2024.2358012.

15. Pulkkinen J., Suhonen M., Leinonen J. Support Factors and Mechanisms for Civil Servants' Digitalization Readiness // Scandinavian Journal of Public Administration. – 2025. – Vol. 29. – No. 1. – P. 18-39. DOI: 10.58235/sjpa.2024.24130.

16. Chol B. D., Chen Z., Ayuel N. K. Behavioral Public Administration in the Public Sector: A Systematic Review // Chinese Public Administration Review. – 2026. – Vol. 17. – No. 2. – P. 169-189. DOI: 10.1177/15396754251358458.

Статья поступила в редакцию 14.04.2026; одобрена после рецензирования 12.05.2026; принята к публикации 31.08.2026.

The article was submitted 14.04.2026; approved after peer review 12.05.2026; accepted for publication 31.08.2026.

Научная статья
УДК 323.21:35.072.6

ИНТЕГРАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В СИСТЕМУ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕГИОНАЛЬНЫХ МИНИСТЕРСТВ И ВЕДОМСТВ

Зязин Сергей Юрьевич, кандидат социологических наук, Государственный университет просвещения, Россия, Москва, zyazin.moscow@rambler.ru

Аннотация. В исследовании последовательно рассматривается эволюция форм взаимодействия третьего сектора с региональными министерствами и ведомствами, проводится сравнительный институциональный анализ полевых и цифровых моделей независимого мониторинга на материалах Московской и Тульской областей, а также формируется концептуальная основа для разработки критериев результативности негосударственного участия в проверочных процедурах. Научная новизна сформированных выводов заключается в эмпирической верификации тезиса об избирательной проницаемости административного аппарата, которая выступает основополагающим барьером на пути трансформации общественных рекомендаций в нормативные корректировки, и в концептуализации структурно-адаптационных индикаторов, оценивающих глубину изменений внутренних регламентов министерств под влиянием альтернативной аналитики. Обосновано, что формальное увеличение числа общественных экспертиз без введения обязательной мотивированной аргументации со стороны государственных служащих ведет к имитации соуправления; выявленная региональная специфика указывает на необходимость адаптации контрольных инструментов к технологическим и социальным условиям. Результаты подтверждают целесообразность модели асимметричного соуправления, предполагающей институциональное закрепление за третьим сектором независимой верификационной функции при сохранении за органами государственной власти полномочий по принятию и реализации управленческих

решений. Такая модель требует от органов государственной власти обеспечения непрерывной институциональной прозрачности и подотчетности общественности для сохранения легитимности принимаемых решений.

Ключевые слова: публичное администрирование; общественные объединения; независимый мониторинг; общественная экспертиза; административная восприимчивость; институциональная конверсия рекомендаций.

Original article

INTEGRATING PUBLIC ASSOCIATIONS INTO THE PERFORMANCE EVALUATION SYSTEM OF REGIONAL MINISTRIES AND AGENCIES

Ziazin Sergei Iurevich, Candidate of Sociological Sciences, State University of Education, Moscow, Russia, zyazin.moscow@rambler.ru

Abstract. This study examines the evolution of third sector interactions with regional ministries and agencies, conducts a comparative institutional analysis of field and digital models of independent monitoring using data from the Moscow and Tula regions, and develops a conceptual framework for developing performance criteria for non-governmental participation in audit procedures. The scientific novelty of the findings lies in the empirical verification of the thesis regarding the selective permeability of the administrative apparatus, which acts as a fundamental barrier to the transformation of public recommendations into regulatory adjustments, and in the conceptualization of structural-adaptive indicators that assess the depth of changes in ministry internal regulations under the influence of alternative analytics. It is substantiated that a formal increase in the number of public assessments without the introduction of mandatory reasoned argumentation by civil servants leads to an imitation of co-management; the identified regional specificities indicate the need to adapt monitoring tools to technological and social conditions. The results confirm the feasibility of an asymmetric co-governance model that envisions institutionalizing an

independent verification function within the third sector while retaining the authority to make and implement management decisions within government bodies. This model requires government bodies to ensure continuous institutional transparency and public accountability to maintain the legitimacy of their decisions.

Keywords: public administration; civil society organizations; independent monitoring; public expertise; administrative responsiveness; institutional conversion of recommendations.

Актуальность исследования. В современных условиях функционирования публичной власти наблюдается изменение парадигмы взаимодействия государственных структур и социума. Если ранее доминировала линейная модель, предполагающая одностороннюю трансляцию управленческих решений, то в настоящее время ключевым фактором функционирования институтов становится качество каналов обратной связи. В этой системе третий сектор выступает субъектом, способным инициировать и проводить самостоятельную оценку результатов деятельности служащих [1]. Историческая ретроспектива показывает, что эволюция таких форматов привела к формированию институционализированных площадок, на которых негосударственные акторы наделены реальными полномочиями по формированию повестки и контролю за ее исполнением. Данный процесс обусловлен внутренней потребностью государственного аппарата в получении верифицированных данных о фактическом положении дел на подведомственных территориях [2].

Перенос внимания исследователей на уровень субъектов Российской Федерации выявляет специфику внедрения механизмов общественного контроля. Региональные министерства и ведомства, обладая широкой сетью подведомственных учреждений, оказываются в ситуации дефицита аналитики, поскольку внутренние системы аудита подвержены эффекту ведомственной изолированности. Независимый мониторинг и общественная экспертиза

являются значимыми инструментами корректировки управленческих решений. Однако практика их применения в территориальных образованиях сталкивается с рядом барьеров, среди которых доминируют асимметрия информационных потоков и недостаточная методологическая зрелость организаций гражданского общества [3]. Нередко формальное наличие общественных советов при органах власти не коррелирует с глубиной их аналитического погружения в проблематику [4].

Преодоление обозначенных противоречий требует разработки четких критериев, позволяющих отличить участие от реального соуправления. В связи с этим центральное место в настоящем исследовании занимает проблема разработки и апробации критериев результативности вовлечения негосударственных акторов в процедуры проверки деятельности ведомств. Оценка того, насколько успешно общественные объединения интегрированы в систему контроля, не может опираться только на количественные показатели, такие как число проведенных заседаний или подготовленных заключений. Более значимым представляется анализ того, в какой мере выводы независимых экспертов влияют на коррекцию региональных программ и оптимизацию административных регламентов. Таким образом, научная новизна работы заключается в концептуализации комплексной модели оценки, которая учитывает как институциональные возможности третьего сектора, так и восприимчивость государственных органов к альтернативным источникам информации, что в совокупности позволяет говорить о формировании действенного механизма сдержек и противовесов в сфере публичного администрирования.

Степень разработанности проблемы исследования. Анализ литературы, посвященной трансформации каналов коммуникации между органами государственной власти и социумом, свидетельствует о нарастающем интересе исследователей к нелинейным моделям публичного администрирования. Если в научных трудах начала 2010-х гг. доминировал подход, рассматривающий

общественные объединения как объекты социальной политики или партнеров в реализации конкретных проектов, то современный академический дискурс смещает фокус на их субъектность в процессах выработки и корректировки управленческих решений. Качество демократических процедур и легитимность институтов государственной власти зависят от глубины и содержательности каналов обратной связи. В этом контексте третий сектор перестает восприниматься только как выразитель общественных настроений и становится участником соуправления, способным структурировать запросы населения и проверять фактические результаты деятельности служащих.

Вклад в изучение данных процессов внесли работы отечественных специалистов, которые исследовали инструментальные практики функционирования региональных ведомств. В частности, О.В. Кузнецова в своем исследовании обосновывает тезис о том, что цифровизация публичной сферы изменила механизмы обратной связи, однако подчеркивает, что технологические платформы без участия институтов гражданского общества могут превратиться в замкнутые системы обработки жалоб, лишенные стратегического аналитического измерения [5]. Развивая эту мысль, Н.В. Леокумович, Л.Ю. Криклевская и Е.Е. Жадовцева акцентируют внимание на том, что негосударственные акторы выступают фильтром системных проблем, требующих вмешательства региональных министерств [6]. Эволюция форматов взаимодействия характеризуется постепенным отказом от имитационных общественных слушаний в пользу совместной разработки административных регламентов и независимого аудита качества предоставляемых услуг (таблица 1).

Таблица 1 - Эволюция форматов взаимодействия государства и третьего сектора в сфере обратной связи

Этап эволюции	Доминирующий формат коммуникации	Функциональная роль третьего сектора	Характер и глубина обратной связи
Консультативно-декларативный (до 2015 г.)	Общественные слушания	Пассивный информатор	Эпизодическая, реактивная, низкая степень влияния на решения
	Круглые столы	Транслятор настроений	
	Петиции		

Платформенно-реактивный (2016-2020 гг.)	Цифровые платформы	Оператор данных	Непрерывная, тактическая, средняя степень влияния (корректировка процессов)
	Рейтингование	Модератор цифровых площадок	
	Стандарт открытости		
Интегративно-соуправленческий (с 2021 г.)	Общественные экспертизы	Независимый эксперт	Проактивная, стратегическая, высокая степень влияния (изменение норм и программ)
	Независимый мониторинг	Субъект контроля	
	Соучаствующее бюджетирование	Со-проектировщик политики	

Источник: составлено автором на основе [7-9].

Эволюцию представленных форматов целесообразно дополнить еще одним измерением - характером организационного ресурса, который государственный орган получает в результате взаимодействия с третьим сектором. В данном отношении продуктивным является подход Р. В. Евстифеева, рассматривающего взаимодействие власти, экспертного сообщества и общественных институтов как один из элементов интеллектуального капитала территории [14]. Его значение определяется тем, что внешний негосударственный актор способен не только транслировать общественную позицию, но и генерировать новое знание, заставлять административную организацию переоценивать устоявшиеся практики и расширять профессиональные компетенции ее сотрудников.

Применительно к настоящему исследованию данный ресурс предлагается обозначить как общественно-экспертный капитал ведомства. Он включает совокупность устойчивых связей с независимыми экспертами и общественными объединениями, накопленное знание о проблемах целевых групп, способность получать альтернативную аналитику и организационную готовность использовать внешнее знание при корректировке управленческих процедур. Такой капитал не принадлежит ведомству в традиционном административном смысле, однако повышает его способность распознавать проблемы, которые не фиксируются внутренней системой отчетности.

В структуре общественно-экспертного капитала могут быть выделены три функциональных эффекта. Первый связан с внешней легитимацией, когда

авторитетные представители общества повышают прозрачность и доверие к процедуре принятия решения. Второй представляет собой организационное обучение: независимые эксперты выявляют дефекты существующих алгоритмов и стимулируют поиск новых решений. Третий связан с развитием компетенций: взаимодействие с общественными акторами побуждает государственных служащих осваивать новые знания, аналитические инструменты и способы работы с социальными группами [14].

Однако с позиции эффективности наиболее значимыми являются второй и третий эффекты. Если общественное объединение используется преимущественно для подтверждения уже принятой ведомством позиции, такое взаимодействие повышает публичную репутацию ведомства, но практически не увеличивает его управленческий потенциал. Кроме того, включение критически ориентированного экспертного сообщества способно увеличивать организационные издержки согласования в краткосрочной перспективе, но создавать значительно больший институциональный эффект за счет выявления ошибок и накопления нового знания.

В научной литературе недостаточно изучены социологические механизмы организации этих процессов на уровне субъектов Российской Федерации. Существующие исследования концентрируются на макроуровне, описывая общие тренды цифровизации диалога, либо фокусируются на кейсах, не дающих выявить системные закономерности. В трудах авторов [10-12] слабо отражена специфика институциональных барьеров, с которыми сталкиваются общественные объединения при попытке внедрить результаты своего мониторинга в практику регионального планирования. Остается открытой проблема того, каким образом именно организационная структура и ресурсный потенциал негосударственного актора определяют его способность влиять на итоговые показатели эффективности министерств.

При этом важно разграничивать институциональное присутствие общественных акторов и их реальное участие в производстве управленческого

результата. Само наличие общественного совета, экспертной площадки, цифрового канала обратной связи или процедуры общественного обсуждения еще не свидетельствует о переходе к модели соуправления. Критерием такого перехода становится способность негосударственного субъекта последовательно влиять как минимум на одну из стадий управленческого цикла: постановку проблемы, формирование альтернатив, оценку реализации либо последующую корректировку принятого решения [15], [16].

С этой точки зрения общественное участие может быть представлено в виде нескольких последовательно усложняющихся уровней. Информационный уровень предполагает предоставление обществу сведений о деятельности органа власти и получение обратной связи. Консультативный уровень обеспечивает возможность формулирования рекомендаций без гарантии их дальнейшего учета. Экспертно-контрольный уровень предполагает независимую проверку данных, решений и фактических результатов. Соуправленческий уровень возникает в тех случаях, когда заключения негосударственных акторов включаются в процедуру выбора или корректировки управленческой альтернативы, а орган власти обязан содержательно реагировать на сформулированные предложения.

Подобное разграничение позволяет существенно уточнить категорию «интеграции», используемую в настоящем исследовании. Глубина интеграции должна определяться не количеством формально созданных каналов участия, а протяженностью институциональной цепочки, которую способен пройти общественный сигнал: выявление проблемы, признание ее ведомством, содержательное рассмотрение, управленческая корректировка, проверка фактического результата. Разрыв данной цепочки на любой из стадий означает ограниченную институциональную восприимчивость государственного аппарата и позволяет отличить полноценное соуправление от его консультативной или имитационной формы.

Современные исследования подтверждают необходимость оценивать не

только сам факт участия, но условия его организации и конечный общественный результат. Систематический обзор 88 исследований показывает, что соучастие способно улучшать качество публичных услуг и демократические характеристики управления, однако не гарантирует улучшения отношений между гражданами и государством; существенное значение имеют условия и профессиональная организация процесса [15]. Российские исследования гражданского участия также отмечают, что цифровые формы вовлечения при отсутствии реального воздействия на содержание политики могут принимать имитационный характер [16].

Материалы и методы исследования. Исследование основано на сравнительно-институциональном анализе механизмов взаимодействия общественных объединений с региональными органами исполнительной власти. В качестве территориальных контекстов рассматриваются Московская и Тульская области, позволяющие сопоставить цифровые, консультационные и непосредственные формы общественного мониторинга. Аналитическую основу составляют нормативные положения об общественных советах, независимой экспертизе и участии негосударственных организаций в оценке деятельности органов власти. Применены методы сравнительной типологизации, институционального анализа и концептуального моделирования административного реагирования на общественные рекомендации. Выделяются основные этапы преобразования общественного заключения в управленческое решение: регистрация предложения, предоставление мотивированного ответа, включение рекомендации в план изменений и её фактическая реализация. Сопоставление региональных подходов имеет качественный аналитический характер, а представленные организационные модели не рассматриваются как количественные результаты самостоятельного обследования всех общественных объединений и ведомств указанных регионов.

Результаты исследования. Сравнительный институциональный анализ позволяет выделить две аналитические модели участия общественных

объединений в оценке деятельности региональных органов исполнительной власти. Первая предполагает преимущественное использование цифровых информационных систем, стандартизированных обращений и централизованной обработки результатов мониторинга. Вторая характеризуется повышенной ролью непосредственного взаимодействия представителей общественных организаций с локальными сообществами, экспертными группами и учреждениями социальной инфраструктуры. Применительно к Московской и Тульской областям указанные модели рассматриваются как возможные организационные конфигурации, различающиеся распределением технологических и социальных ресурсов мониторинга. При этом цифровые и непосредственные формы общественного участия не являются взаимоисключающими и могут использоваться одновременно. Предложенная типология не предполагает, что каждая региональная система полностью соответствует исключительно одной из выделенных моделей (таблица 2).

Таблица 2 - Модели общественного мониторинга в региональной практике

Характеристика	Московская область	Тульская область
Доминирующий формат взаимодействия	Цифровой платформенный мониторинг	Полевой контактный аудит
	Централизованные общественные советы	Сетевые инициативы
		Проектное участие
Ресурсная база и автономия	Высокая концентрация грантовых ресурсов	Ограниченное финансирование
	Зависимость от региональных цифровых сервисов	Высокая степень неформальной автономии
		Опора на волонтерский капитал
Характер независимой экспертизы	Превентивный	Реактивный
	Опирающийся на анализ больших данных и цифровых жалоб	Базирующийся на непосредственном обследовании объектов социальной инфраструктуры
Взаимодействие с ведомствами	Формализованное, через цифровые треки и регламентные площадки	Неформально-сетевое
	Через цифровые треки и регламентные площадки	Через прямые рабочие группы и локальные координационные советы

Источник: разработано автором.

Тульская практика сталкивается с проблемой масштабирования, поскольку

из-за дефицита аналитических ресурсов точечные результаты независимого мониторинга с трудом переносятся на уровень региональных программ. В обоих регионах наблюдается определенная информационно-аналитическая закрытость ведомств, однако в Московской области она частично компенсируется алгоритмизацией процессов, а в Тульской - личным вовлечением лидеров общественных объединений.

Сопоставление двух региональных моделей показывает, что цифровой и полевой форматы не следует рассматривать как альтернативные траектории развития общественного мониторинга. Каждый из них компенсирует ограничения другого. Цифровая модель обладает преимуществами масштабируемости, регулярности сбора информации и сопоставимости данных, однако ее аналитическая точность зависит от архитектуры платформы, полноты цифровых следов и способности алгоритмов распознавать слабоструктурированные социальные проблемы. Полевая модель обеспечивает контекстуальную глубину и позволяет фиксировать явления, не представленные в цифровых массивах, но характеризуется более высокой ресурсной емкостью и ограниченной возможностью масштабирования.

В этой связи оптимальным представляется переход к гибридной системе независимого мониторинга, в которой цифровая аналитика используется для обнаружения устойчивых отклонений и территориальных зон риска, а полевые общественные структуры выполняют функции качественной верификации, интерпретации и уточнения причин выявленного отклонения. Результаты контактного мониторинга, в свою очередь, должны возвращаться в цифровую систему и использоваться для уточнения аналитических моделей. Тем самым формируется замкнутый контур: цифровой сигнал → общественная проверка → экспертная интерпретация → ведомственная реакция → повторная цифровая и полевая верификация.

Особое положение в таком контуре занимают акторы-посредники. Их функция состоит в посредничестве между общественной и административной

логикой: с одной стороны, они преобразуют локальный жизненный опыт граждан в структурированную проблему, пригодную для административного анализа; с другой - интерпретируют ведомственные ограничения и решения в форме, доступной общественности. Поэтому эффективность третьего сектора определяется не только его независимостью от органов власти, но и способностью выступать профессиональным посредником между социальным опытом и бюрократической процедурой [17].

Данная конструкция позволяет избежать противопоставления «технологичной» Московской и «социально ориентированной» Тульской моделей. Их различия следует рассматривать как разные комбинации ресурсов внутри единой системы общественного мониторинга. Перспективным становится определение того, какие элементы цифровой масштабируемости и локальной экспертной чувствительности должны сочетаться в зависимости от институциональной и социальной структуры конкретного региона.

Обсуждение результатов исследования. Критерии эффективности должны грамотно отражать как технологические возможности региона, так и социальную структуру третьего сектора. Ключевым индикатором соуправления выступает коэффициент фактической реализации рекомендаций в нормативных актах и административных регламентах. В условиях Московской области результативность целесообразно измерять через призму влияния общественных инициатив на стратегическое планирование и корректировку цифровых сервисов. Для Тульской области более адекватным критерием окажется скорость устранения выявленных локальных проблем и степень удовлетворенности групп, интересы которых были учтены в ходе независимой экспертизы.

Формирование действенной системы оценки подразумевает концептуализацию инструментария, охватывающего процессуальные, содержательные и итоговые измерения. На процессуальном уровне анализируются степень открытости ведомственных данных и реальная автономия общественных объединений от административного давления, что

позволяет отличить независимую позицию от формальной лояльности. Содержательное измерение фокусируется на методологической строгости независимого анализа и его способности выявлять системные сбои, не фиксируемые внутренним аудитом министерств. Итоговый, результативный пласт оценки измеряется долей предложений, фактически внедренных в практику, а также изменением показателей качества публичных услуг после вмешательства третьего сектора [13].

Для оценки результативности взаимодействия общественных объединений с органами исполнительной власти предлагается использовать систему частных коэффициентов институциональной конверсии рекомендаций. Её основой является последовательное сопоставление числа предложений, получивших официальный ответ, принятых к рассмотрению по существу и фактически реализованных. В качестве условного расчётного примера рассмотрим совокупность из 10 общественных рекомендаций. Если мотивированные ответы подготовлены по 8 предложениям, положительные решения приняты по 5, а организационные изменения реализованы по 3, коэффициент предоставления ответа составит 8/10 = 0,80; коэффициент положительного рассмотрения — 5/8 = 0,625; коэффициент реализации принятых решений — 3/5 = 0,60. Итоговая доля реализованных рекомендаций относительно исходного числа равна 3/10 = 0,30. Предложенный подход позволяет разграничивать формальную доступность механизмов общественного участия и результативность отдельных этапов административного реагирования.

Необходимым элементом такого механизма становится обязательная публичная аргументация. От органа государственной власти не требуется автоматически принимать каждую общественную рекомендацию, поскольку это означало бы фактическое размывание установленной компетенции. Однако отказ от ее реализации должен сопровождаться содержательным обоснованием, указывающим правовые, финансовые, организационные либо социальные причины решения. В результате право окончательного административного

выбора сохраняется за государственным органом, но уменьшается возможность немотивированного блокирования альтернативной аналитики.

Этот механизм подтверждается актуальной российской практикой: в Докладе Общественной палаты РФ за 2024 год отсутствие единой методологии оценки общественных советов на региональном и муниципальном уровнях названо системной проблемой, а среди направлений совершенствования общественного контроля отдельно обозначена необходимость конкретного механизма учета предложений и рекомендаций субъектов общественного контроля. В докладе также фиксируются проблемы недостаточной публичности, отсутствия единых методологических подходов и слабого масштабирования успешных практик [15], [19].

Выводы. Интеграция негосударственных акторов в процедуры оценки эффективности ведомств становится механизмом совместного формирования управленческих решений. Это свидетельствует о смене парадигмы от функционалистского понимания третьего сектора как внешнего корректора к институциональному взгляду, где негосударственные структуры выступают соавторами административных нормативов. Нужна корректировка базовых социологических концепций, описывающих природу власти на уровне субъектов Российской Федерации.

Существенным институциональным ограничением интеграции общественных объединений в систему оценки деятельности ведомств выступает неоднородная восприимчивость административных структур к независимым экспертным предложениям. Наличие общественных советов, цифровых каналов коммуникации и процедур рассмотрения обращений само по себе не обеспечивает преобразования поступивших рекомендаций в управленческие изменения. Представленная модель позволяет разграничить формальный доступ к процедурам участия и фактические результаты административного реагирования. Развитие общественного мониторинга следует рассматривать как процесс сосуществования и взаимодействия цифровых, консультационных и

непосредственных форм оценки.

При этом повышение восприимчивости государственного аппарата должно сопровождаться развитием институциональной состоятельности самого третьего сектора. Независимость общественного актора является необходимым, но недостаточным условием качественной внешней оценки. Содержательная ценность общественного мониторинга зависит также от его профессиональной компетентности, методологической прозрачности, репрезентативности используемых данных и способности отделять интересы конкретной организации от более широкого общественного эффекта.

Поэтому оценку готовности негосударственного актора к включению в контрольный контур предлагается проводить одновременно по четырем параметрам. Автономность отражает отсутствие критической финансовой или организационной зависимости от проверяемого ведомства. Экспертная состоятельность показывает наличие компетенций и методики, необходимых для обоснованной оценки. Репрезентативность характеризует способность учитывать позиции групп, затрагиваемых соответствующей государственной политикой, а не только собственной членской базы. Прозрачность предполагает раскрытие методики анализа, источников данных и потенциальных конфликтов интересов.

Такое дополнение необходимо для предотвращения обратной дисфункции, при которой стремление преодолеть ведомственную закрытость приводит к некритическому признанию любого негосударственного заключения заведомо более достоверным, чем внутренняя административная аналитика. Соуправление предполагает организацию процедур, позволяющих конкурирующим источникам знания проходить содержательную проверку и влиять на решение пропорционально качеству представленных аргументов [17], [18].

Для оценки результативности вовлечения предлагается использовать структурно-адаптационные переменные. Успешность интеграции третьего

сектора в систему проверки деятельности ведомств целесообразно измерять степенью изменений внутренних регламентов министерств под влиянием альтернативной аналитики. Фактически, критерием зрелости механизма является глубина структурных сдвигов в органе власти, выражающихся в пересмотре устаревших административных барьеров и оптимизации распределения ресурсов.

С учетом изложенного асимметрия относится, прежде всего, к функциональной специализации участников. Орган исполнительной власти сохраняет юридическую компетенцию, административные ресурсы и ответственность за окончательное решение, тогда как негосударственный актор получает институционально защищенную возможность осуществлять независимую верификацию фактического социального эффекта, выявлять альтернативные проблемные сигналы и требовать мотивированной реакции на результаты проведенной экспертизы.

Устойчивость такой модели обеспечивается сочетанием принципов множественности источников общественной экспертизы, прозрачности методик, обязательности аргументированного ответа и прослеживаемости последующей управленческой корректировки. Множественность препятствует превращению отдельной общественной структуры в монопольного интерпретатора общественного интереса. Методологическая прозрачность создает возможность проверки качества независимого заключения. Обязательная аргументация снижает риск административного игнорирования неудобной информации. Прослеживаемость позволяет установить, какие изменения были вызваны общественным вмешательством и к какому фактическому результату они привели.

В результате асимметричное соуправление представляет собой институционализированную конкуренцию и кооперацию источников знания. Подобная организация может сохранить функциональные преимущества государственного аппарата и одновременно снизить риск ведомственной

замкнутости, поскольку часть оценки последствий принимаемых решений систематически выводится за пределы внутренней административной системы.

Список литературы

1. Бродовская Е. В., Лукушин В. А., Кравчук И. Д. Оценка эффективности технологий цифровых коммуникаций для интеграции жителей ЛНР и ДНР в социокультурное пространство России // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2024. – Т. 14. – №. 1. – С. 22-31.

2. Фрик О. В. Направления оптимизации процедур и инструментов взаимодействия органов местного самоуправления с общественными объединениями (на примере города Омска) // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. – 2025. – №. 4 (66). – С. 5-11.

3. Дмитриев А. Г., Мелехина П. Ю. Эффективное государственное управление: стратегии успеха при реализации государственных программ и национальных проектов // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2024. – Т. 14. – №. 4-1. – С. 96-105.

4. Давлетшин Д. В. Межведомственное взаимодействие как основа эффективного публичного управления: проблемы разобщенности и пути консолидации властных структур // Вестник экономики, права и социологии. – 2025. – №. 2. – С. 150-154.

5. Кузнецова О. В. Стимулирование межрегионального сотрудничества в федеральной пространственной политике: проблемы и возможности // Проблемы развития территории. – 2025. – Т. 29. – №. 5. – С. 44-57.

6. Леокумович Н. В., Криклевская Л. Ю., Жадовцева Е. Е. Взаимодействие органов власти и гражданского общества как фактор развития территорий (на примере Забайкальского края) // Международный научно-исследовательский журнал. – 2023. – №. 10 (136). – С. 36.

7. Рекеда С. В. Эвристический потенциал медиаанализа при изучении международных отношений (на примере региональных интеграционных объединений) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные

отношения. – 2024. – Т. 17. – №. 3. – С. 309-324.

8. Мухачева А. В. Реализация национальных проектов в социальной сфере в условиях цифровой экономики и дефицита ресурсов // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. – 2025. – Т. 10. – №. 1 (35). – С. 132-146.

9. Брюхина Н. Г., Коваленко Н. В., Баранников В. А., Коваленко С. И. Институциональная среда новых регионов Российской Федерации: проблемы трансформации и приоритетные направления развития // Экономический вестник Донбасского государственного технического университета. – 2026. – №. 26. – С. 5-20.

10. Будкина Е. С. Эффективные модели сотрудничества между социальными предпринимателями и государством: финансовые аспекты взаимодействия // Вестник евразийской науки. – 2025. – Т. 17. – №. 2S. – С. 17.

11. Новоселов А. С. Институциональные аспекты управления региональным и муниципальным развитием // Мир экономики и управления. – 2024. – Т. 24. – №. 3. – С. 111-130.

12. Поляков А. С. Интеллектуальные системы мониторинга качества государственных услуг: новые подходы к оценке эффективности бюрократического аппарата // Этносоциум и межнациональная культура. – 2024. – Т. 11. – №. 197. – С. 64-70.

13. Валиахметова А. А., Фролова Л. В. Анализ деятельности государственных фондов как инструмента поддержки реализации государственной политики // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2026. – Т. 16. – №. 1. – С. 87-101.

14. Евстифеев Р. В. Общественные палаты субъектов Российской Федерации в системе управления региона: основные проблемы функционирования и оценки эффективности работы // Научный результат. Социология и управление. – 2018. – Т. 4. – № 4. – С. 87-100. DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-4-0-8.

15. Общественная палата Российской Федерации. Доклад о состоянии

гражданского общества в Российской Федерации за 2024 год. – М., 2024.

16. Acar L., Steen T., Verschuere B. Public Values? A Systematic Literature Review into the Outcomes of Public Service Co-Creation // Public Management Review. – 2025. – Vol. 27. – No. 5. – P. 1357-1389. DOI: 10.1080/14719037.2023.2288248.

17. Haug N. Actor Roles in Co-Production—Introducing Intermediaries: Findings from a Systematic Literature Review // Public Administration. – 2024. – Vol. 102. – No. 3. – P. 1069-1094. DOI: 10.1111/padm.12965.

18. Nordin A., Kjellstrom S., Robert G., Masterson D., Areskoug Josefsson K. Measurement and Outcomes of Co-Production in Health and Social Care: A Systematic Review of Empirical Studies // BMJ Open. – 2023. – Vol. 13. – No. 9. – e073808. DOI: 10.1136/bmjopen-2023-073808.

19. Косыгина К. Е., Уханова Ю. В. Гражданское участие населения в контексте реализации муниципальной публичной политики // Ars Administrandi (Искусство управления). – 2024. – Т. 16. – № 3. – С. 533-554. DOI: 10.17072/2218-9173-2024-3-533-554.

References

1. Brodovskaya E. V., Lukushin V. A., Kravchuk I. D. Otsenka effektivnosti tekhnologii tsifrovykh kommunikatsii dlya integratsii zhitelei LNR i DNR v sotsiokul'turnoe prostranstvo Rossii // Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta. – 2024. – T. 14. – №. 1. – S. 22-31.

2. Frik O. V. Napravleniya optimizatsii protsedur i instrumentov vzaimodeistviya organov mestnogo samoupravleniya s obshchestvennymi ob"edineniyami (na primere goroda Omska) // Teoriya i praktika servisa: ekonomika, sotsial'naya sfera, tekhnologii. – 2025. – №. 4 (66). – S. 5-11.

3. Dmitriev A. G., Melekhina P. Yu. Effektivnoe gosudarstvennoe upravlenie: strategii uspekha pri realizatsii gosudarstvennykh programm i natsional'nykh proektov // Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra. – 2024. – T. 14. – №. 4-1. – S. 96-105.

4. Davletshin D. V. Mezhvedomstvennoe vzaimodeistvie kak osnova effektivnogo publichnogo upravleniya: problemy razobshchennosti i puti konsolidatsii vlastnykh

struktur // Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii. – 2025. – №. 2. – S. 150-154.

5. Kuznetsova O. V. Stimulirovanie mezhregional'nogo sotrudnichestva v federal'noi prostranstvennoi politike: problemy i vozmozhnosti // Problemy razvitiya territorii. – 2025. – T. 29. – №. 5. – S. 44-57.

6. Leokumovich N. V., Kriklevskaya L. Yu., Zhadovtseva E. E. Vzaimodeistvie organov vlasti i grazhdanskogo obshchestva kak faktor razvitiya territorii (na primere Zabaikal'skogo kraya) // Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal. – 2023. – №. 10 (136). – S. 36.

7. Rekeda S. V. Evristicheskii potentsial mediaanaliza pri izuchenii mezhdunarodnykh otnoshenii (na primere regional'nykh integratsionnykh ob"edinenii) // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnye otnosheniya. – 2024. – T. 17. – №. 3. – S. 309-324.

8. Mukhacheva A. V. Realizatsiya natsional'nykh proektov v sotsial'noi sfere v usloviyakh tsifrovoi ekonomiki i defitsita resursov // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki. – 2025. – T. 10. – №. 1 (35). – S. 132-146.

9. Bryukhina N. G., Kovalenko N. V., Barannikov V. A., Kovalenko S. I. Institutsional'naya sreda novykh regionov Rossiiskoi Federatsii: problemy transformatsii i prioritetnye napravleniya razvitiya // Ekonomicheskii vestnik Donbasskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. – 2026. – №. 26. – S. 5-20.

10. Budkina E. S. Effektivnye modeli sotrudnichestva mezhdu sotsial'nymi predprinimatelyami i gosudarstvom: finansovye aspekty vzaimodeistviya // Vestnik evraziiskoi nauki. – 2025. – T. 17. – №. 2S. – S. 17.

11. Novoselov A. S. Institutsional'nye aspekty upravleniya regional'nym i munitsipal'nym razvitiem // Mir ekonomiki i upravleniya. – 2024. – T. 24. – №. 3. – S. 111-130.

12. Polyakov A. S. Intellektual'nye sistemy monitoringa kachestva gosudarstvennykh uslug: novye podkhody k otsenke effektivnosti byurokraticheskogo apparata //

Etnosotsium i mezhnatsional'naya kul'tura. – 2024. – T. 11. – №. 197. – S. 64-70.

13. Valiakhmetova A. A., Frolova L. V. Analiz deyatel'nosti gosudarstvennykh fondov kak instrumenta podderzhki realizatsii gosudarstvennoi politiki // Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta. – 2026. – T. 16. – №. 1. – S. 87-101.

14. Evstifeev R. V. Obshchestvennye palaty sub"ektov Rossiiskoi Federatsii v sisteme upravleniya regiona: osnovnye problemy funktsionirovaniya i otsenki effektivnosti raboty // Nauchnyi rezul'tat. Sotsiologiya i upravlenie. – 2018. – T. 4. – № 4. – S. 87-100. DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-4-0-8.

15. Obshchestvennaya palata Rossiiskoi Federatsii. Doklad o sostoyanii grazhdanskogo obshchestva v Rossiiskoi Federatsii za 2024 god. – M., 2024.

16. Acar L., Steen T., Verschuere B. Public Values? A Systematic Literature Review into the Outcomes of Public Service Co-Creation // Public Management Review. – 2025. – Vol. 27. – No. 5. – P. 1357-1389. DOI: 10.1080/14719037.2023.2288248.

17. Haug N. Actor Roles in Co-Production—Introducing Intermediaries: Findings from a Systematic Literature Review // Public Administration. – 2024. – Vol. 102. – No. 3. – P. 1069-1094. DOI: 10.1111/padm.12965.

18. Nordin A., Kjellstrom S., Robert G., Masterson D., Areskoug Josefsson K. Measurement and Outcomes of Co-Production in Health and Social Care: A Systematic Review of Empirical Studies // BMJ Open. – 2023. – Vol. 13. – No. 9. – e073808. DOI: 10.1136/bmjopen-2023-073808.

19. Kosygina K. E., Ukhanova Yu. V. Grazhdanskoe uchastie naseleniya v kontekste realizatsii munitsipal'noi publichnoi politiki // Ars Administrandi (Iskusstvo upravleniya). – 2024. – T. 16. – № 3. – S. 533-554. DOI: 10.17072/2218-9173-2024-3-533-554.

Статья поступила в редакцию 17.02.2026; одобрена после рецензирования 19.03.2026; принята к публикации 31.08.2026.

The article was submitted 17.02.2026; approved after peer review 19.03.2026; accepted for publication 31.08.2026.

5.4.2. Экономическая социология

Научная статья
УДК 316.334.2

СОЦИОЛОГИЯ ПЛАТФОРМЕННОЙ ЗАНЯТОСТИ: АЛГОРИТМИЧЕСКИЙ КОНТРОЛЬ, ПОТЕРЯ АВТОНОМИИ И ФОРМИРОВАНИЕ ЦИФРОВОГО ПРЕКАРИАТА

Кифичак Тамара Юрьевна, кандидат социологических наук, Военный университет им. князя Александра Невского МО РФ, Россия, Москва, kifichak_t@yandex.ru;

Аннотация. Статья посвящена изучению трансформации трудовых отношений в условиях экспансии цифровых сервисов и становления гиг-экономики. Теоретическую основу исследования составили концепции пермиссивной гегемонии и алгоритмического управления. Автор рассматривает платформенную модель как специфическую форму хозяйственной интеграции, которая не сводится к классическим рынку, фирме или сети. На основе синтеза современной социологической литературы, а также результатов цифровой этнографии и глубинных интервью с курьерами и водителями, подробно раскрывается механизм алгоритмического управления трудом. Показано, что декларируемая технологическими компаниями гибкость и предпринимательская свобода исполнителей носят во многом иллюзорный характер. Эта риторика маскирует выстроенную систему невидимого цифрового надзора, поведенческой инженерии и репутационного контроля, где функции менеджера переходят к клиентам и программному коду. Обосновывается тезис о формировании нового слоя уязвимых работников - цифрового прекариата, который лишен традиционных социальных гарантий и вынужден самостоятельно нести все операционные и финансовые риски. Особое внимание в работе уделяется неформальным практикам сопротивления, с помощью которых исполнители пытаются обойти алгоритмические ограничения, взламывать логику

распределения заказов и стихийно координировать коллективные действия в закрытых мессенджерах. Сделан вывод о необходимости институционального осмысления платформенной занятости и создания гибридных правовых статусов для защиты прав работников, поскольку игнорирование этих процессов ведет к размыванию границ между предпринимательством и наемным трудом в условиях доминирования программных посредников.

Ключевые слова: платформенная занятость; алгоритмическое управление; цифровой прекариат; трудовые отношения; цифровая этнография; трудовая автономия.

Original article

THE SOCIOLOGY OF PLATFORM EMPLOYMENT: ALGORITHMIC CONTROL, LOSS OF AUTONOMY, AND THE FORMATION OF THE DIGITAL PRECARIAT

Kifichak Tamara Iurevna, Candidate of Sociological Sciences, Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation, Moscow, Russia, kifichak_t@yandex.ru;

Annotation. The article is devoted to studying the transformation of labor relations in the context of the expansion of digital services and the emergence of the gig economy. The theoretical foundation of the study is based on the concepts of permissive hegemony and algorithmic management. The authors view the platform model as a specific form of economic integration that cannot be reduced to the classical market, firm, or network. Based on a synthesis of contemporary sociological literature, as well as the results of digital ethnography and in-depth interviews with couriers and drivers, the mechanism of algorithmic labor management is revealed in detail. It is shown that the flexibility and entrepreneurial freedom of workers, as declared by technology companies, are largely illusory. This rhetoric masks a built-in system of invisible digital surveillance, behavioral engineering, and reputational control, where

the functions of a manager are transferred to clients and software code. The thesis is substantiated that a new stratum of vulnerable workers — the digital precariat — is emerging; it is deprived of traditional social guarantees and is forced to bear all operational and financial risks on its own. Special attention is paid in the work to informal resistance practices, through which workers attempt to circumvent algorithmic restrictions, hack the order distribution logic, and spontaneously coordinate collective actions in closed messengers. It is concluded that there is a need for an institutional understanding of platform employment and the creation of hybrid legal statuses to protect workers' rights, since ignoring these processes leads to the blurring of the boundaries between entrepreneurship and wage labor in the context of the dominance of software intermediaries.

Keywords: platform employment; algorithmic management; digital precariat; labor relations; digital ethnography; labor autonomy.

Введение. Стремительное проникновение цифровых сервисов в сферу услуг в значительной мере изменило ландшафт современной занятости. Секторы, традиционно опиравшиеся на классический наемный труд, такие как пассажирские перевозки, курьерская доставка и удаленное выполнение профессиональных задач, все в большей степени организуются вокруг крупных технологических посредников. Работники такси, курьеры и фрилансеры все реже заключают трудовые договоры, гарантирующие социальную защиту [1], [2]. Вместо этого они вынуждены принимать условия гражданско-правовых соглашений, где второй стороной выступает цифровая платформа [3]. Подобная трансформация ставит перед экономической социологией фундаментальные вопросы о природе власти, специфике контроля над трудовым процессом и механизмах формирования новых уязвимых групп населения.

Традиционная социологическая теория оперировала понятиями рынка, фирмы и сети для описания форм хозяйственной интеграции [4]. Цифровая платформа не укладывается ни в одну из этих категорий, не владеет основными

производственными фондами, не нанимает исполнителей в штат и не выступает классическим брокером. Ее главная функция заключается в организации трехстороннего взаимодействия, где безличный алгоритм заменяет собой линейного менеджера. Технологическая компания создает инфраструктуру, аккумулирует поведенческие данные и диктует правила, оставляя исполнителям иллюзию независимости. Контроль при этом сосредоточен в цифровой инфраструктуре: разработчики задают порядок распределения заказов, расчета вознаграждений и оценки качества [5].

На первый взгляд, участник гиг-экономики обладает абсолютной свободой: он сам выбирает, когда выходить на линию, сколько заказов брать и когда отдыхать. Однако эта свобода носит ограниченный и формальный характер. Цифровые сервисы выстраивают систему невидимого надзора. Вместо прямого указания, как выполнять конкретную задачу, платформа управляет поведением через архитектуру выбора. Работнику предлагают бонусы за выполнение определенного числа поездок в часы пик или показывают сообщения о высоком спросе в конкретном районе. Эти приемы, известные в поведенческой экономике как подталкивание, мягко, но настойчиво направляют человека к действиям, выгодным для сервиса. Исполнитель лишен возможности оспорить автоматизированное решение или обратиться за защитой в профсоюз [6].

Кроме того, контроль осуществляется через систему клиентских оценок и репутационных рейтингов. Каждый заказчик фактически становится невольным надзирателем. Низкий рейтинг грозит блокировкой аккаунта, что равносильно увольнению без права на апелляцию и объяснение причин. Исполнитель лишен возможности оспорить решение бездушной машины или пожаловаться в профсоюз. В таких условиях работник вынужден постоянно заниматься эмоциональным трудом, улыбаться и проявлять заботу, чтобы заслужить высокие баллы. Автономия подменяется гетерономией: человек подстраивается под требования алгоритма, опасаясь потерять доступ к источнику дохода [7].

Социальные связи между самими исполнителями также трансформируются. Вместо коллективной солидарности, характерной для традиционных предприятий-работодателей, исполнители оказываются в условиях жесткой атомизации и конкуренции друг с другом за каждый заказ [8].

Переход к платформенной модели сопровождается массовым перераспределением экономических рисков. Технологические компании успешно перекладывают издержки на исполнителей. Амортизация автомобиля, расходы на бензин, ремонт оборудования, оплата простоев и риск несчастных случаев – все это ложится на курьера или водителя [9]. Платформа же гарантирует себе стабильную комиссию с каждой транзакции, не обременяя себя социальными обязательствами, оплатой больничных или отпусков. Бизнес-модель цифровых посредников строится на переносе ответственности за экономические транзакции на исполнителей при сохранении централизованного контроля над рынком.

Исследователи отмечают, что среда гиг-работников крайне неоднородна, что часто упускается из виду в критических дискуссиях [10], [11]. Значительную часть составляют те, кто использует сервисы для подработки, получая дополнительные деньги к основной зарплате. Для этой категории временные неудобства и отсутствие соцпакета часто компенсируются гибкостью графика и возможностью самостоятельно планировать свое время. Однако параллельно растет и прослойка зависимых работников, для которых доходы от платформы становятся единственным средством к существованию. Именно они оказываются в наиболее уязвимом положении, формируя новый цифровой прекариат. Эти люди вынуждены работать в условиях жесткой неопределенности, соглашаясь на заниженные тарифы и мирясь с постоянным изменением правил со стороны платформы [12].

Развитие платформенной экономики создает новую конфигурацию трудовых отношений, подразумевающую переосмысление базовых социологических категорий. Цифровые посредники конструируют особую

среду, где власть алгоритма сочетается с юридической незащищенностью работника [13]. Экономической социологии предстоит детально изучить механизмы этого скрытого доминирования и найти способы интеграции новых форматов труда в правовое и социальное поле. Игнорирование этих процессов ведет к дальнейшему размыванию границ между предпринимательством и наемным трудом, оставляя человека с технологической системой, диктующей условия его повседневного выживания.

Обзор литературы. Стремительная экспансия цифровых сервисов изменила ландшафт современных рынков труда и выдвинула проблему трансформации организационных форм хозяйства на первый план экономико-социологических исследований. Платформенная экономика не сводится к переносу традиционных сделок в цифровую среду [14]. Как отмечают Й. Ванг, З. Ванг, Дж. Ли, платформы формируют четвертый способ хозяйственной интеграции, отличный от классических рынка, фирмы и сети. Если фирма опирается на бюрократическое командование, рынок - на контрактацию, а сеть - на сотрудничество, то платформенная модель базируется на вовлеченности и кооптации независимых участников через программную инфраструктуру [15].

В зарубежной социологической науке Б. Мбаре с соавторами предлагают рассматривать платформы как «пермиссивных гегемонов» [16]. Эта концепция отражает парадоксальную природу платформенной власти: технологические корпорации концентрируют контроль над распределением задач, ценообразованием и сбором данных, но при этом делегируют непосредственное исполнение и оценку качества пользователям и работникам. Подобная архитектура помогает компаниям избегать статуса классического работодателя, перекладывая операционные издержки и риски на исполнителей [17].

Данная организационная специфика ведет к формированию нового слоя наемных работников, которого Й. Гуо определяет как прекариат [18]. Платформенные курьеры, водители и фрилансеры образуют цифровой прекариат, лишенный профессиональной идентичности, социальных гарантий и

долгосрочных карьерных траекторий. Их уязвимость усугубляется тем, что традиционный менеджерский контроль заменяется алгоритмическим управлением. Платформы декларируют предпринимательскую свободу работников и гибкость графика, однако на практике такая автономия оказывается иллюзорной. Алгоритмы задают рамки допустимого поведения, используя механизмы поведенческой инженерии и «подталкивания», которые ненавязчиво, но последовательно направляют поведение работника таким образом, чтобы оно способствовало максимизации прибыли платформы (таблица 1).

Таблица 1 - Сравнительная характеристика форм хозяйственной интеграции и статуса работника

Форма интеграции	Координирующий принцип	Механизм контроля над трудом	Статус и уязвимость работника
Фирма (Иерархия)	Командование, бюрократия	Прямой дисциплинарный надзор, экспертная оценка, внутренние правила	Наемный работник; защищен трудовым законодательством, имеет социальные гарантии и карьерные лифты.
Рынок	Контрактация, ценовые сигналы	Конкуренция, репутация, судебное право	Независимый подрядчик; несет все коммерческие риски, автономия высока, но защищенность низка.
Сеть	Сотрудничество, доверие	Взаимные обязательства, неформальные санкции, репутация в сообществе	Партнер; уязвимость зависит от прочности связей и позиции в сетевой структуре.
Платформа	Вовлеченность, алгоритмическая регуляция	Программный мониторинг, рейтинги, геймификация, динамическое ценообразование	Цифровой прекарий; формальная независимость маскирует жесткую алгоритмическую зависимость и отсутствие соцзащиты.

Источник: составлено автором на основе [19-21].

Данные, представленные в таблице 1, показывают, что платформа создает гибридную форму, где рыночная конкуренция сочетается с цифровым надзором, характерным для иерархических структур, но лишенным социальных обязательств работодателя.

Материалы и методы исследования. Работа основана на качественном

анализе практик платформенной занятости с использованием подходов цифровой этнографии и полуструктурированного интервьюирования. В исследовательской схеме рассматриваются материалы профессиональных интернет-сообществ работников служб доставки и агрегаторов такси за период с осени 2022 года по весну 2023 года, а также 42 интервью с курьерами и водителями. Совокупная аудитория рассматриваемых коммуникационных площадок превышает 10 тыс. подписчиков, однако данный показатель характеризует размер интернет-сообществ и не является числом непосредственно изученных сообщений или уникальных участников исследования. Для тематической систематизации выделены три группы практик: индивидуальная адаптация к алгоритмическому контролю, обмен информацией в профессиональных сетях и возможные формы коллективного согласования действий. Указанные категории используются для качественной интерпретации условий трудовой автономии, распределения заказов и реагирования на платформенные ограничения. Полученные результаты характеризуют содержание выделенных аналитических практик и не интерпретируются как статистически репрезентативная оценка всей совокупности платформенных работников.

Результаты исследования и их обсуждение. Программная регуляция труда в платформенной экономике функционирует как невидимая, но всеобъемлющая система дисциплинирования. В отличие от традиционного производства, где рабочий может оспорить требования мастера или вступить в профсоюз, алгоритм представляет собой непрозрачный «черный ящик» [22]. Исполнитель не понимает логики распределения заказов, формирования тарифов или начисления штрафных баллов.

Контроль осуществляется через три основных канала (таблица 2).

Таблица 2 - Цикл алгоритмического дисциплинирования и поведенческой инженерии

Этап регуляции	Действие платформы (Субъект контроля)	Реакция и состояние работника (Объект контроля)	Социологический смысл
1. Сбор данных	Трекинг геолокации, времени отклика, истории отказов, паттернов вождения.	Пассивное генерирование цифровых следов в процессе выполнения задач.	Превращение повседневного опыта в сырье для прогнозирования поведения.
2. Подталкивание	Отправка персонализированных уведомлений, визуализация бонусов, искусственное создание зон повышенного спроса.	Эмоциональный отклик, чувство упущенной выгоды, добровольное изменение маршрута или графика.	Смещение фокуса с принуждения на добровольное самоподчинение через манипуляцию архитектурой выбора.
3. Исполнение	Фиксация фактического времени подачи, маршрута, взаимодействия с клиентом.	Физическое и эмоциональное напряжение, необходимость соблюдать установленные временные нормативы.	Интенсификация труда без прямого присутствия менеджера.
4. Оценка и санкция	Автоматический расчет рейтинга, применение скрытых коэффициентов, блокировка при падении метрик.	Тревожность, выгорание, адаптационное поведение (повышенная услужливость по отношению к клиенту).	Передача функций дисциплинарного контроля алгоритму и конечному потребителю услуги.

Источник: составлено автором на основе [23-25].

Ограниченность свободы и непрозрачность алгоритмов провоцируют ответные действия. Эмпирические данные опровергают тезис о тотальной атомизации и пассивности платформенных работников. Исполнители вырабатывают сложные тактики сопротивления, которые можно разделить на индивидуальные и коллективные.

Индивидуальные стратегии направлены на обход ограничений системы. Водители используют приложения для подмены геолокации, чтобы искусственно попадать в зоны повышенного тарифа, или создают несколько учетных записей, чтобы обходить лимиты на количество рабочих часов и избегать блокировок. Курьеры применяют манипуляции со статусом «онлайн»,

создавая видимость занятости, но фактически отказываясь от невыгодных заказов (таблица 3).

Цифровые коммуникационные площадки могут использоваться исполнителями платформенных заказов для обмена информацией об изменениях тарифов, алгоритмах распределения заданий и правилах применения санкций. В качестве аналитически различимых форм взаимодействия рассматриваются индивидуальные способы адаптации к условиям платформы, горизонтальный обмен профессиональным опытом и коллективное согласование трудовых действий. К последней категории могут относиться обсуждение совместного прекращения принятия заказов, согласование требований к условиям труда и распространение сведений о возможностях оспаривания ограничений. Вместе с тем наличие соответствующих обсуждений не является достаточным подтверждением фактического проведения согласованных массовых действий. Аналогичным образом упоминание способов обхода технических ограничений не позволяет характеризовать их распространённость без выделения конкретных эпизодов наблюдения. Поэтому представленные формы взаимодействия рассматриваются как типология возможных практик, сопоставляемая с исследованиями платформенной занятости [26].

Таблица 3 - Типология стратегий адаптации и сопротивления платформенных работников

Уровень сопротивления	Форма проявления	Конкретные практики (по данным этнографии)	Цель и социологический эффект
Повседневный (Индивидуальный)	Скрытое уклонение, манипуляция интерфейсом	Подмена GPS, использование дополнительных SIM-карт, намеренное затягивание времени выполнения заказа для снижения темпа.	Частичное восстановление автономии, снижение физической усталости, минимизация операционных издержек.
Групповой	Взаимопомощь, обмен знаниями в закрытых чатах	Составление баз данных «проблемных» клиентов, инструкции по оспариванию штрафов через поддержку, финансовая взаимовыручка при поломках.	Формирование неформального социального капитала, снижение информационной асимметрии.

Коллективный (Массовый)	Стихийные акции, координация через мессенджеры	Массовые кратковременные отключения от сети, бойкот новых условий оферты, пикетирование офисов платформ.	Попытка навязать платформе диалог, принудительное изменение алгоритмических коэффициентов.

Источник: разработано автором.

Функционирование платформенной модели оказывает негативное влияние на психоэмоциональное состояние работников и их социальные траектории. Постоянное пребывание в режиме ожидания оценки со стороны незнакомых людей порождает хронический стресс и эмоциональное выгорание. Исполнители вынуждены заниматься невидимым эмоциональным трудом: улыбаться, проявлять заботу, терпеть грубость клиентов, поскольку каждый негативный отзыв угрожает их источнику дохода.

Атомизация труда усугубляется отсутствием физического пространства для коммуникации. Работники лишены привычного коллектива, совместных перерывов и корпоративной культуры, что ведет к социальной изоляции. Конкуренция за заказы превращает коллег в потенциальных соперников, разрушая базовое доверие.

На макроуровне платформенная занятость блокирует формирование долгосрочных карьерных траекторий. Опыт работы курьером или водителем не конвертируется в человеческий капитал, признаваемый на традиционном рынке труда. Работник застревает в состоянии перманентной неопределенности, лишенный доступа к кредитам, ипотекам и пенсионным накоплениям из-за неофициального статуса самозанятого или ИП. Происходит глубокое размывание границ между публичным и приватным: личное время, автомобиль и здоровье работника оказываются подчинены требованиям платформенной занятости и интересам платформы.

Выводы. Завершая исследование, следует подчеркнуть, что стремительное распространение цифровых сервисов обусловило несоответствие между новыми технологическими реалиями и существующими правовыми нормами. Традиционная дихотомия, разделяющая трудовые отношения на

классический наем и независимое предпринимательство, оказывается неспособной охватить специфику платформенной занятости. Как было показано выше, технологические посредники сформировали особую форму хозяйственной интеграции, в которой централизованный алгоритмический контроль сочетается с юридической неопределенностью статуса исполнителя. Возникает институциональный вакуум, при котором корпорации успешно перекладывают социальные риски и операционные издержки на самих работников. В этих условиях сохранение прежних подходов к регулированию рынка труда ведет к дальнейшему углублению уязвимости цифрового прекариата и требует совершенствования механизмов социальной защиты.

Преодоление сложившейся ситуации требует отказа от попыток механически вписать платформенных работников в устаревшие законодательные рамки. Признание их независимыми подрядчиками игнорирует фактическую экономическую зависимость и жесткий цифровой надзор, которому они подвергаются. Вместе с тем автоматическое приравнивание их к штатным сотрудникам также не решает всех проблем, поскольку нивелирует ту самую гибкость графика, которую многие исполнители действительно ценят. Назревает необходимость разработки промежуточного, гибридного правового статуса. Такая категория должна гарантировать базовые социальные стандарты, включая минимальную оплату труда и компенсацию транспортных расходов, одновременно сохраняя определенную степень свободы в планировании рабочего времени. Государство должно обеспечить баланс между коммерческими интересами технологических компаний и базовыми правами граждан.

Не менее важным направлением институциональных реформ является повышение прозрачности алгоритмического управления и обеспечение его соответствия принципу правовой определенности. Сегодня программный код, определяющий распределение заказов, расчет тарифов и применение санкций, остается закрытым для исполнителей. Эта информационная асимметрия лишает

работников возможности защищать свои интересы и оспаривать несправедливые решения. Законодательное регулирование должно обязать платформы раскрывать ключевые принципы работы оценочных систем и механизмов ценообразования. Более того, подразумевается создание независимых экспертных органов, которые могли бы проводить аудит алгоритмов на предмет дискриминации и соблюдения этических норм. Повышение прозрачности механизмов цифрового контроля позволит сделать взаимодействие между платформой и работниками более предсказуемым и снизить односторонний характер управления.

Решение проблемы цифрового прекариата невозможно без переосмысления механизмов коллективного представительства. Атомизация труда и пространственная рассредоточенность исполнителей объективно затрудняют использование классических профсоюзных методов. В ответ на эти вызовы общество и сами работники начинают вырабатывать новые формы солидарности. Поддержка должна оказываться инициативам по созданию цифровых профсоюзов и платформенных кооперативов, которые способны вести равноправный диалог с технологическими корпорациями. Внедрение в программную инфраструктуру сервисов инструментов коллективного представительства интересов работников может снизить уязвимость отдельных работников. В конечном счете, будущее платформенной экономики зависит от того, удастся ли обществу демократизировать цифровые рынки труда и подчинить их логике человеческого развития.

Список литературы

1. Филипова И. А. Алгоритмический менеджмент и цифровое профилирование в сфере труда // Трудовое право в России и за рубежом. 2023. № 1. С. 16–18. DOI: 10.18572/2221-3295-2023-1-16-18.

2. Понукалина О. В. Соотношение труда и досуга в условиях цифровых трансформаций // Logos et Praxis. 2023. Т. 22. № 4. С. 124–132. DOI: 10.15688/lp.jvolsu.2023.4.13.

3. Юдина М. А. Алгоритмический менеджмент в фокусе социологии технологий // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2024. Т. 24. № 3. С. 734–746. DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-3-734-746.

4. Кулагина А. В. Алгоритмическое управление, контроль и оценка работников: проблемы регулирования // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2024. № 1. С. 70–77. DOI: 10.52452/19931778_2024_1_70.

5. Баймурзина Г. Р., Черных Е. А. Особенности платформенной занятости в России: о чем говорят данные цифровых профилей работников // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2024. Т. 17. № 2. С. 202–219. DOI: 10.15838/esc.2024.2.92.11.

6. Черных Е. А., Золотина О. А. Качество занятости на цифровых платформах труда: подходы к измерению и оценки по странам БРИКС // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Т. 20. № 2. С. 211–227. DOI: 10.52180/1999-9836_2024_20_2_6_211_227.

7. Забелина О. В., Анфалова А. В. Основные векторы и результаты исследований международных организаций и зарубежных ученых в сфере платформенной занятости // Экономика труда. 2024. Т. 11. № 6. С. 771–784. DOI: 10.18334/et.11.6.121253.

8. Забелина О. В., Сергеева М. В. Платформенная занятость в Российской Федерации: масштабы, правовые особенности и тенденции развития // Социально-трудовые исследования. 2024. № 4 (57). С. 8–20. DOI: 10.34022/2658-3712-2024-57-4-8-20.

9. Еремичева Г. В., Меньшикова Г. А. Платформенная занятость и алгоритмический менеджмент — новый уровень работы и управления на современном рынке труда // Семиотические исследования. 2025. Т. 5. № 4. С. 82–96. DOI: 10.18287/2782-2966-2025-5-4-82-96.

10. Забелина О. В., Пилипчук Н. В. Алгоритмическое управление трудом в сфере платформенной занятости: проблемы и перспективы регулирования //

Экономика труда. 2025. Т. 12. № 9. С. 1295–1310. DOI: 10.18334/et.12.9.123757.

11. Худякова С. С. Платформенная занятость и статус работников цифровых платформ: трудный путь к решению проблемы // Ex jure. 2025. № 3. С. 153–164. DOI: 10.17072/2619-0648-2025-3-153-164.

12. Duggan J., Carbery R., McDonnell A., Sherman U. Algorithmic HRM control in the gig economy: The app-worker perspective // Human Resource Management. 2023. Vol. 62. No. 6. P. 883–899. DOI: 10.1002/hrm.22168.

13. van Zoonen W., ter Hoeven C., Morgan R. A. Finding meaning in crowdwork: An analysis of algorithmic management, work characteristics, and meaningfulness // The Information Society. 2023. Vol. 39. No. 5. P. 322–336. DOI: 10.1080/01972243.2023.2243262.

14. Zhu J., Zhang B., Wang H. The double-edged sword effects of perceived algorithmic control on platform workers' service performance // Humanities and Social Sciences Communications. 2024. Vol. 11. Article 316. DOI: 10.1057/s41599-024-02812-0.

15. Wang Y., Wang Z., Li J. Does algorithmic control facilitate platform workers' deviant behavior toward customers? The ego depletion perspective // Computers in Human Behavior. 2024. Vol. 156. Article 108242. DOI: 10.1016/j.chb.2024.108242.

16. Mbare B., Perkiö M., Koivusalo M. Algorithmic management, wellbeing and platform work: understanding the psychosocial risks and experiences of food couriers in Finland // Labour & Industry. 2024. Vol. 34. No. 4. P. 386–411. DOI: 10.1080/10301763.2024.2423442.

17. Kadolkar I., Kepes S., Subramony M. Algorithmic management in the gig economy: A systematic review and research integration // Journal of Organizational Behavior. 2025. Vol. 46. No. 7. P. 1057–1080. DOI: 10.1002/job.2831.

18. Guo Y., Cui S., Lu Z., Wang S. Dependence and Precarity in the Gig Economy: A Longitudinal Analysis of Platform Work and Mental Distress // The British Journal of Sociology. 2025. Vol. 76. No. 5. P. 1169–1187. DOI: 10.1111/1468-4446.70028.

19. van Zoonen W., Treem J. W., Sivunen A. E. Algorithmic control and work

frustration in crowdwork: A case of autonomy suppression and connectivity compulsion // European Management Journal. 2025. Advance online publication. DOI: 10.1016/j.emj.2025.05.001.

20. Li Y., Zhao L., Cao C., Yang D. The double-edged sword effect of algorithmic transparency: An empirical study of gig workers' work disengagement under algorithmic management // Information & Management. 2025. Vol. 62. No. 2. Article 104100. DOI: 10.1016/j.im.2025.104100.

21. Robinson A. P., Jarrahi M. H., Keegan A., Meijerink J. Algorithmic Management in Limbo: Task-Driven Interweaving of Hierarchy and Market Management // Human Resource Management. 2026. Vol. 65. No. 1. P. 117–131. DOI: 10.1002/hrm.70019.

22. Zhao J., Syed T. A. Making sense of algorithms: Workers' coping strategies for algorithmic management on digital platforms // Technological Forecasting and Social Change. 2026. Vol. 223. Article 124443. DOI: 10.1016/j.techfore.2025.124443.

23. Williams M., Rani U. Resilience through resistance: the role of worker agency in navigating algorithmic control // Frontiers in Artificial Intelligence. 2026. Vol. 8. Article 1600044. DOI: 10.3389/frai.2025.1600044.

24. Chigbu B. I. Algorithmic management in the global gig economy: an interdisciplinary systematic literature review and critical discourse analysis // Frontiers in Sociology. 2026. Vol. 11. Article 1743445. DOI: 10.3389/fsoc.2026.1743445.

25. Fan Q. Predation, acceleration, and loss of control: a multilevel theoretical framework for algorithmic time politics and the occupational health of platform workers // Frontiers in Public Health. 2026. Vol. 14. Article 1876749. DOI: 10.3389/fpubh.2026.1876749.

26. Zha X., Hu E., Shan H., Huang L., Han M. Algorithmic management and gig worker well-being: unpacking the roles of job autonomy, precarity and union instrumentality // Personnel Review. 2026. Advance online publication. DOI: 10.1108/PR-03-2024-0230.

References

1. Filipova I. A. Algoritmicheskii menedzhment i tsifrovoe profilirovanie v sfere truda

// Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom. 2023. № 1. S. 16–18. DOI: 10.18572/2221-3295-2023-1-16-18.

2. Ponukalina O. V. Sootnoshenie truda i dosuga v usloviyakh tsifrovykh transformatsii // Logos et Praxis. 2023. T. 22. № 4. S. 124–132. DOI: 10.15688/lp.jvolsu.2023.4.13.

3. Yudina M. A. Algoritmicheskii menedzhment v fokuse sotsiologii tekhnologii // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya. 2024. T. 24. № 3. S. 734–746. DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-3-734-746.

4. Kulagina A. V. Algoritmicheskoe upravlenie, kontrol' i otsenka rabotnikov: problemy regulirovaniya // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. 2024. № 1. S. 70–77. DOI: 10.52452/19931778_2024_1_70.

5. Baimurzina G. R., Chernykh E. A. Osobennosti platformennoi zanyatosti v Rossii: o chem govoryat dannye tsifrovykh profilei rabotnikov // Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz. 2024. T. 17. № 2. S. 202–219. DOI: 10.15838/esc.2024.2.92.11.

6. Chernykh E. A., Zolotina O. A. Kachestvo zanyatosti na tsifrovykh platformakh truda: podkhody k izmereniyu i otsenki po stranam BRIKS // Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii. 2024. T. 20. № 2. S. 211–227. DOI: 10.52180/1999-9836_2024_20_2_6_211_227.

7. Zabelina O. V., Anfalova A. V. Osnovnye vektory i rezul'taty issledovanii mezhdunarodnykh organizatsii i zarubezhnykh uchenykh v sfere platformennoi zanyatosti // Ekonomika truda. 2024. T. 11. № 6. S. 771–784. DOI: 10.18334/et.11.6.121253.

8. Zabelina O. V., Sergeeva M. V. Platformennaya zanyatost' v Rossiiskoi Federatsii: masshtaby, pravovye osobennosti i tendentsii razvitiya // Sotsial'no-trudovye issledovaniya. 2024. № 4 (57). S. 8–20. DOI: 10.34022/2658-3712-2024-57-4-8-20.

9. Eremicheva G. V., Men'shikova G. A. Platformennaya zanyatost' i algoritmicheskii menedzhment — novyi uroven' raboty i upravleniya na sovremennom rynke truda // Semioticheskie issledovaniya. 2025. T. 5. № 4. S. 82–96. DOI: 10.18287/2782-2966-2025-5-4-82-96.

10. Zabelina O. V., Pilipchuk N. V. Algoritmicheskoe upravlenie trudom v sfere platformennoi zanyatosti: problemy i perspektivy regulirovaniya // Ekonomika truda. 2025. T. 12. № 9. S. 1295–1310. DOI: 10.18334/et.12.9.123757.

11. Khudyakova S. S. Platformennaya zanyatost' i status rabotnikov tsifrovykh platform: trudnyi put' k resheniyu problemy // Ex jure. 2025. № 3. S. 153–164. DOI: 10.17072/2619-0648-2025-3-153-164.

12. Duggan J., Carbery R., McDonnell A., Sherman U. Algorithmic HRM control in the gig economy: The app-worker perspective // Human Resource Management. 2023. Vol. 62. No. 6. P. 883–899. DOI: 10.1002/hrm.22168.

13. van Zoonen W., ter Hoeven C., Morgan R. A. Finding meaning in crowdwork: An analysis of algorithmic management, work characteristics, and meaningfulness // The Information Society. 2023. Vol. 39. No. 5. P. 322–336. DOI: 10.1080/01972243.2023.2243262.

14. Zhu J., Zhang B., Wang H. The double-edged sword effects of perceived algorithmic control on platform workers' service performance // Humanities and Social Sciences Communications. 2024. Vol. 11. Article 316. DOI: 10.1057/s41599-024-02812-0.

15. Wang Y., Wang Z., Li J. Does algorithmic control facilitate platform workers' deviant behavior toward customers? The ego depletion perspective // Computers in Human Behavior. 2024. Vol. 156. Article 108242. DOI: 10.1016/j.chb.2024.108242.

16. Mbare B., Perkiö M., Koivusalo M. Algorithmic management, wellbeing and platform work: understanding the psychosocial risks and experiences of food couriers in Finland // Labour & Industry. 2024. Vol. 34. No. 4. P. 386–411. DOI: 10.1080/10301763.2024.2423442.

17. Kadolkar I., Kepes S., Subramony M. Algorithmic management in the gig economy: A systematic review and research integration // Journal of Organizational Behavior. 2025. Vol. 46. No. 7. P. 1057–1080. DOI: 10.1002/job.2831.

18. Guo Y., Cui S., Lu Z., Wang S. Dependence and Precarity in the Gig Economy: A Longitudinal Analysis of Platform Work and Mental Distress // The British Journal of

Sociology. 2025. Vol. 76. No. 5. P. 1169–1187. DOI: 10.1111/1468-4446.70028.

19. van Zoonen W., Treem J. W., Sivunen A. E. Algorithmic control and work frustration in crowdwork: A case of autonomy suppression and connectivity compulsion // European Management Journal. 2025. Advance online publication. DOI: 10.1016/j.emj.2025.05.001.

20. Li Y., Zhao L., Cao C., Yang D. The double-edged sword effect of algorithmic transparency: An empirical study of gig workers' work disengagement under algorithmic management // Information & Management. 2025. Vol. 62. No. 2. Article 104100. DOI: 10.1016/j.im.2025.104100.

21. Robinson A. P., Jarrahi M. H., Keegan A., Meijerink J. Algorithmic Management in Limbo: Task-Driven Interweaving of Hierarchy and Market Management // Human Resource Management. 2026. Vol. 65. No. 1. P. 117–131. DOI: 10.1002/hrm.70019.

22. Zhao J., Syed T. A. Making sense of algorithms: Workers' coping strategies for algorithmic management on digital platforms // Technological Forecasting and Social Change. 2026. Vol. 223. Article 124443. DOI: 10.1016/j.techfore.2025.124443.

23. Williams M., Rani U. Resilience through resistance: the role of worker agency in navigating algorithmic control // Frontiers in Artificial Intelligence. 2026. Vol. 8. Article 1600044. DOI: 10.3389/frai.2025.1600044.

24. Chigbu B. I. Algorithmic management in the global gig economy: an interdisciplinary systematic literature review and critical discourse analysis // Frontiers in Sociology. 2026. Vol. 11. Article 1743445. DOI: 10.3389/fsoc.2026.1743445.

25. Fan Q. Predation, acceleration, and loss of control: a multilevel theoretical framework for algorithmic time politics and the occupational health of platform workers // Frontiers in Public Health. 2026. Vol. 14. Article 1876749. DOI: 10.3389/fpubh.2026.1876749.

26. Zha X., Hu E., Shan H., Huang L., Han M. Algorithmic management and gig worker well-being: unpacking the roles of job autonomy, precarity and union instrumentality // Personnel Review. 2026. Advance online publication. DOI: 10.1108/PR-03-2024-0230.

Статья поступила в редакцию 14.04.2026; одобрена после рецензирования 12.05.2026; принята к публикации 31.08.2026.

The article was submitted 14.04.2026; approved after peer review 12.05.2026; accepted for publication 31.08.2026.

Научная статья

УДК 316.33:330.342.2

НЕФОРМАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СДЕЛОК НА ЛОКАЛЬНЫХ РЫНКАХ: РОЛЬ ДОВЕРИЯ, РЕПУТАЦИИ И СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

Смирнова Юлия Александровна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Московский государственный лингвистический университет, Россия, Москва, iuliia.smirnova@yandex.ru

Аннотация. Анализ функционирования локальных рынков в условиях намеренного обхода формальных институтов невозможен без учета механизмов неформальной координации. В работе исследуется, как социальная укорененность экономических действий компенсирует отсутствие государственной защиты прав собственности в полуформальном секторе российской экономики. Опираясь на концепцию структурной укорененности М. Грановеттера и концепцию парадокса сетевых обменов Б. Уззи, авторы используют метод множественного кейс-исследования. Эмпирическую базу составили 42 глубинных интервью с обеими сторонами сделок на рынке мелких строительных подрядов, дополненные картированием эго-центрических сетей участников. Установлено, что межличностное доверие и репутационные механизмы не подменяют собой юридический контракт, а образуют с ним взаимодополняющие конфигурации, позволяющие экономить когнитивные ресурсы и снижать транзакционные издержки. Разработана типология гарантий обеспечения обязательств, отражающая переход от материальных залогов к доверию, основанному на накопленном опыте взаимодействия. В то же время эмпирически выявлены пределы эффективности неформальных институтов: при значительном увеличении размера ущерба репутационные санкции утрачивают эффективность, что приводит к распаду сетевой солидарности. Кроме того, показано, что закрытость локальных сообществ, обеспечивая устойчивость

внутри группы, генерирует издержки для рынка в целом, воспроизводя кумовство и создавая барьеры для новых участников. Полученные данные позволяют рассматривать уход в тень не как хаотичное поведение, а как стратегию, определяемую структурой межличностных связей.

Ключевые слова: экономическая социология; социальная укоренённость; неформальные институты; межличностное доверие; репутационные механизмы; локальные рынки.

Original article

INFORMAL MECHANISMS FOR ENSURING TRANSACTIONS IN LOCAL MARKETS: THE ROLE OF TRUST, REPUTATION, AND SOCIAL NETWORKS

Smirnova Iuliia Aleksandrovna, Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, iuliia.smirnova@yandex.ru

Abstract. Analyzing the functioning of local markets in conditions of deliberate circumvention of formal institutions is impossible without considering informal coordination mechanisms. This paper examines how the social embeddedness of economic actions compensates for the lack of state protection of property rights in the semi-formal sector of the Russian economy. Drawing on M. Granovetter's concepts of structural embeddedness and B. Uzzi's paradox of network exchanges, the authors employ a multiple case study design. The empirical base consists of 42 in-depth interviews with both parties to transactions in the small construction contracting market, supplemented by mapping the participants' ego-centric networks. It is established that interpersonal trust and reputational mechanisms do not replace legal contracts, but rather form complementary configurations with them, allowing for the conservation of cognitive resources and the reduction of transaction costs. A typology of guarantees for securing obligations is developed, documenting the shift from

material collateral to heuristic trust as shared experience accumulates. At the same time, empirical studies have revealed the limits of the effectiveness of informal institutions: when the amount of damage increases critically, reputational sanctions cease to be effective, leading to the collapse of network solidarity. Furthermore, it has been shown that the closed nature of local communities, while ensuring stability within the group, generates costs for the market as a whole, reproducing nepotism and creating barriers for new entrants. The findings allow us to rethink the rationality of going underground not as chaotic behavior, but as a strategy strictly determined by the architecture of interpersonal connections.

Keywords: economic sociology; social embeddedness; informal institutions; interpersonal trust; reputational mechanisms; local markets.

Введение. Классическая экономическая теория традиционно рассматривает рыночный обмен как механизм, функционирующий на основе ценовых сигналов и формальных контрактов. В такой парадигме предполагается, что участники сделок действуют изолированно, а гарантии исполнения обязательств обеспечиваются государственными институтами, прежде всего судебной системой [1-3]. Однако подобный атомизированный взгляд оставляет без ответа ключевой вопрос: как осуществляется координация действий и ограничивается оппортунистическое поведение в условиях, когда формальные правила не действуют или их соблюдение связано со значительными издержками. Когда правовые механизмы защиты собственности и принуждения к исполнению контрактов становятся недоступными, экономическая жизнь не погружается в хаос, описанный Т. Гоббсом [4-6]. Напротив, она перестраивается, опираясь на иные, неформальные основания, превращая рынки в сложные социальные конструкции.

М. Грановеттер убедительно продемонстрировал, что обе крайние позиции - как недосоциализированная модель атомизированного Homo economicus, так и пересоциализированная концепция, сводящая поведение к слепому следованию

усвоенным нормам, - оказываются несостоятельными при анализе реального хозяйствования. Экономисты часто трактуют социальные связи как помеху, создающую трение на пути свободного ценообразования, либо заменяют их абстрактной обобщенной моралью. Однако доверие в деловой среде обычно формируется и поддерживается в рамках устойчивых межличностных связей, а не на основе абстрактных моральных норм. Участники обмена опираются на знание репутации партнеров, накопленный опыт предыдущих взаимодействий и положение контрагентов в общих сетях родства, дружбы или профессионального сообщества [7-9].

Эту теоретическую перспективу развивает Б. Уззи, который на эмпирическом материале межфирменных сетей показал, что тесные, укорененные связи порождают специфическую логику обмена. В условиях, когда суды не могут разрешить спор, а контракт не имеет юридической силы, именно укорененность транзакций в социальной структуре становится основным механизмом координации [10]. Такая логика базируется на эвристическом доверии, позволяющем экономить когнитивные ресурсы и время, отказываясь от тотального контроля и подозрительности. Кроме того, прочные связи обеспечивают передачу сложной, некодифицированной информации и создают условия для совместного решения проблем. Вместо того чтобы разрывать отношения при первой же трудности, что типично для классических рыночных сделок, партнеры начинают искать взаимовыгодные компромиссы, адаптируясь к изменениям среды совместно [11]. Этот механизм особенно востребован в условиях нестабильной внешней среды, когда государственное регулирование отсутствует или имеет ограничительный характер.

Применительно к теневой и полуформальной экономике эти теоретические выводы приобретают особое значение. В подобных секторах уход в неформальность требует выстраивания еще более плотных и надежных сетей, поскольку участники лишены защиты со стороны закона. Локальные рынки в таких условиях функционируют как структурированные сообщества, где

репутация, взаимные обязательства и неформальные санкции заменяют собой нотариальное заверение и судебные иски [12]. Понимание того, как именно конструируются и поддерживаются эти неформальные институты, позволяет преодолеть упрощенные представления о теневой экономике как о зоне тотального криминала и хаоса [13]. В связи с этим данная статья ставит своей целью проанализировать механизмы социальной укорененности локальных рынков, показав, каким образом доверие и сетевые взаимодействия компенсируют слабость формальных институтов и обеспечивают устойчивость хозяйственных связей в полуформальном секторе.

Обзор литературы. Проблема порядка и координации в экономических обменах остается центральной для социологического анализа рынков. Классическая неоклассическая традиция часто рассматривает рыночные взаимодействия как атомизированные сделки, где гарантии исполнения обязательств обеспечиваются исключительно внешними формальными институтами, прежде всего судебной системой [14-16]. Однако в средах, где государственное принуждение слабо, недоступно или намеренно обходится участниками, экономическая жизнь не погружается в хаос. М. Грановеттер в своей фундаментальной работе показал, что обе крайние позиции — как недооценивающая социальный контекст модель атомизированного индивида, так и переоценивающая его концепция слепого следования усвоенным нормам, — оказываются несостоятельными. Экономическое действие всегда укоренено в конкретных, непрерывно воспроизводимых сетях межличностных отношений. Именно эти связи порождают доверие и пресекают оппортунизм [17].

Развивая этот подход, Б. Уззи продемонстрировал, что укорененность выступает особой логикой обмена. В тесных сетях участники экономят время и когнитивные ресурсы, отказываясь от тотального контроля в пользу эвристического доверия. Прочные связи обеспечивают передачу сложной, неформализуемой информации и создают условия для совместного решения проблем. Вместо того чтобы разрывать отношения при первой же трудности, что

типично для классических рыночных сделок, партнеры начинают искать взаимовыгодные компромиссы. Эта теоретическая перспектива приобретает особое значение при анализе теневой и полуформальной экономики. Уход от государственного учета и налогового регулирования не означает отказ от порядка. Напротив, он требует выстраивания более плотных и надежных сетей, поскольку участники лишены защиты со стороны закона [18]. Локальные рынки в таких условиях функционируют как структурированные сообщества, где репутация и неформальные санкции заменяют собой нотариальное заверение и судебные иски.

Несмотря на наличие обширной теоретической базы, эмпирические исследования часто недостаточно учитывают сложное взаимодействие формальных и неформальных механизмов. Эти институты могут дополнять друг друга или вступать в противоречие. Кроме того, сетевая солидарность имеет свои пределы и издержки, формируя закрытые структуры, которые препятствуют инновациям и воспроизводят неравенство. Настоящее исследование ставит своей целью выявить конкретные механизмы обеспечения сделок на локальном рынке и определить условия, при которых участники выбирают формальные или неформальные гарантии [19].

Материалы и методы исследования. Для углубленного анализа был выбран один сегмент — рынок мелких строительных подрядов в одной из крупных городских агломераций Центральной России. Этот рынок характеризуется высокой долей неформальных договоренностей, значительной нестабильностью спроса и слабой защищенностью прав собственности на микроуровне.

В рамках исследования разграничиваются формальные, неформальные и противоправные способы организации строительных подрядных отношений. Формальные практики предполагают определение обязательств сторон в юридически значимой форме и соблюдение применимых требований гражданского и налогового законодательства. Заключение обычного договора

строительного подряда не требует государственной регистрации исключительно по факту оформления соглашения. Необходимость регистрации возникает применительно к отдельным объектам, правам и юридическим действиям в случаях, установленных законодательством. Неформальные практики включают устные договорённости, персональные рекомендации, репутационные гарантии и способы регулирования взаимодействия, не полностью закреплённые в письменной документации. При этом наличие неформальных элементов не означает автоматически незаконности сделки. Противоправные практики рассматриваются как самостоятельная категория, включающая нарушение обязательных требований законодательства либо использование незаконных способов принуждения и извлечения выгоды. Такое разграничение позволяет анализировать социальные механизмы обеспечения исполнения обязательств без отождествления неформальности и противоправности.

Эмпирическую базу составили 18 глубинных интервью. Мы намеренно включили в выборку обе стороны сделок: заказчиков (частных лиц и представителей малого бизнеса) и самих подрядчиков (прорабов, бригадиров, владельцев мелких фирм). Включение в выборку обеих сторон сделок позволило избежать искажений, связанных с рационализацией собственного поведения. Дополнительно был собран и проанализирован массив обезличенных данных: черновики договоров, переписка в мессенджерах, а также истории устных договоренностей [21]. Для изучения сетевой укорененности мы построили эго-центрические сети каждого подрядчика, зафиксировав постоянных партнеров, источники рекомендаций и каналы привлечения новых клиентов.

Результаты исследования и их обсуждение. Анализ полевых данных демонстрирует, что обеспечение сделок на локальном рынке строительных услуг не сводится к простому замещению права обычаем. Участники рынка используют сложный набор механизмов, выбор которых зависит от стоимости проекта, степени неопределенности и длительности отношений (таблица 1).

Таблица 1 - Типология механизмов обеспечения сделок на локальном рынке строительных подрядов

Группа механизмов	Конкретные инструменты	Условия применения и социальная логика
Репутационные	Сарафанное радио, публичное порицание, исключение из профессионального чата	Работают в малых сообществах. Угроза потери лица эффективнее судебного иска, так как лишает подрядчика будущего потока заказов.
Сетевые и посреднические	Рекомендации «по кругу», поручительство знакомого мастера, совместные объекты	Посредник выступает гарантом нового участника, связывая с ним собственную репутацию, что снижает риски для заказчика
Финансово-имущественные	Авансовые платежи, поэтапная оплата, личные гарантии, оставление инструмента в залог	Используются при высоком уровне неопределенности. Материальный залог компенсирует отсутствие юридической ответственности.
Смешанные (сочетающие формальные и неформальные элементы)	Упрощенные расписки, фиксация договоренностей в мессенджерах, «понятийные» договоры	Формальный текст используется не для обращения в суд, а как общая точка отсчета для согласования ожиданий сторон

Источник: разработано автором.

Особого внимания заслуживает структура эго-центрических сетей подрядчиков. Мы выявили, что успешные участники рынка не просто имеют много контактов, но и обладают специфической сетевой архитектурой (таблица 2).

Таблица 2 - Структура эго-центрических сетей и экономические результаты

Тип сетевой архитектуры	Характеристики связей	Экономические последствия для подрядчика
Замкнутая (высокая плотность)	Все контакты знают друг друга, сильные связи, взаимные обязательства.	Высокая скорость мобилизации ресурсов, низкие транзакционные издержки. Риск группового мышления и изоляции от новых технологий.
Открытая (структурные дыры)	Слабые связи с разными кластерами, наличие посредников-«мостов».	Доступ к новой информации и нестандартным заказам. Высокие издержки на проверку надежности новых партнеров.
Интегрированная (оптимальная)	Плотное ядро проверенных партнеров + слабые связи с периферией.	Баланс между надежностью исполнения и адаптивностью к изменениям рынка.

Источник: разработано автором.

Однако неформальные механизмы не всесильны. Исследование конфликтов и срывов сделок позволяет определить пределы эффективности сетевой солидарности. Когда стоимость неисполненных обязательств превышает репутационный капитал подрядчика в данной сети, неформальные санкции перестают работать. В таких случаях заказчики часто сталкиваются с дилеммой: обращаться в суд (что требует времени и денег, а также означает переход в плоскость формальных отношений) или пытаться решить вопрос через общих знакомых (таблица 3).

Таблица 3 - Сценарии разрешения конфликтов и срыва обязательств

Масштаб конфликта	Реакция сети и участников	Итоговый сценарий разрешения
Локальный (недоделки, срыв сроков)	Активация механизма «голоса». Совместный поиск компромисса, пересчет сметы.	Сохранение отношений, корректировка условий сделки.
Средний (крупный брак, присвоение аванса)	Репутационные санкции. Подрядчик исключается из чатов, лишается рекомендаций.	Разрыв отношений. Заказчик фиксирует убытки, сеть «очищается».
Критический (мошенничество, крупные суммы)	Крах доверия. Выход за пределы сети.	Обращение в правоохранительные органы или привлечение неформальных силовых структур (криминал).

Источник: разработано автором.

Важно отметить, что формальные и неформальные институты не просто сосуществуют, но и взаимодействуют. Мы зафиксировали случаи, когда высокий уровень личного доверия позволял сторонам не оформлять письменный договор и ограничиваться устной договоренностью. И наоборот, при работе с новыми, но рекомендованными партнерами, участники часто составляли подробный письменный договор. В этом случае документ служил не инструментом судебного принуждения, а способом зафиксировать технические детали и сократить необходимость в постоянных уточнениях между сторонами. Формальный контракт здесь выступал как инструмент экономии социального капитала.

Вместе с тем, опора на неформальные сети порождает проблему «темной стороны социального капитала». Закрытость рынков, основанных на личных

связях, создает серьезные барьеры для входа (таблица 4).

Таблица 4 - Границы сетевой солидарности и барьеры входа на локальный рынок

Проявление закрытости сети	Социологический механизм	Последствия для рынка в целом
Кумовство и клановость	Передача заказов внутри узкого круга «своих», игнорирование более дешевых или качественных внешних предложений.	Снижение общей конкуренции, завышение цен, стагнация качества услуг.
Непрозрачность рекомендаций	Требование обязательного поручительства от действующего члена сети для новичка.	Невозможность выхода на рынок для талантливых специалистов без нужных социальных связей.
Коллективная защита «своих»	Сокрытие информации о нарушениях или браке со стороны членов сети от внешних заказчиков.	Искажение рыночных сигналов, рост неопределенности для внешних потребителей.

Источник: разработано автором.

Таким образом, неформальные институты, обеспечивая низкий уровень транзакционных издержек внутри группы, одновременно создают издержки для общества в целом и способствуют формированию закрытых сообществ. Рациональность уклонения от формального оформления и налогов, которой руководствуются подрядчики, оборачивается их зависимостью от мнения узкого круга лиц и уязвимостью перед внутренними конфликтами.

Проведенное исследование рынка мелких строительных подрядов позволяет сделать ряд выводов, обладающих научной новизной для экономической социологии. Во-первых, мы разработали типологию механизмов обеспечения сделок, которая показывает, что доверие и репутация не являются прямой заменой юридического контракта. Формальные и неформальные гарантии выступают взаимодополняющими инструментами: формальные документы используются для синхронизации ожиданий и экономии социального капитала, а неформальные связи — для снижения транзакционных издержек и гибкой адаптации к изменениям.

Во-вторых, выявлены условия, определяющие выбор гарантий. При высокой неопределенности и работе с новыми партнерами участники опираются на материальные залоги и посредников. В длительных отношениях доминирует

репутационный механизм и эвристическое доверие. В-третьих, эмпирически подтверждены пределы эффективности неформальных институтов. При превышении определенной суммы ущерба репутационные санкции перестают работать, что ведет к коллапсу сетевой солидарности и переходу конфликта в формальную или криминальную плоскость.

Наконец, анализ «темной стороны» сетевой укорененности демонстрирует, что локальные рынки, функционирующие на основе личных связей, неизбежно воспроизводят практики кумовства и закрытости. Это ограничивает их инновационный потенциал и создает структурные барьеры для аутсайдеров. Дальнейшие исследования в рамках экономической социологии должны быть направлены на изучение того, как макроинституциональные изменения (например, цифровизация государственных услуг или внедрение платформенных решений) трансформируют микросоциальные сети доверия, перестраивая саму архитектуру локальных рынков.

Выводы. Резюмируя результаты исследования, можно утверждать, что локальные рынки российской полуформальной экономики не представляют собой хаотичную среду, лишенную институциональных оснований. Напротив, уход хозяйствующих субъектов из поля зрения государства сопровождается выстраиванием плотных структур межличностных связей. Опираясь на теоретический аппарат М. Грановеттера, мы видим, что экономические действия участников таких сделок глубоко укоренены в конкретных, непрерывно воспроизводимых сетях. Отказ от официального оформления операций диктуется не стремлением к анархии, а рациональным желанием минимизировать транзакционные издержки, связанные с взаимодействием с фискальными и надзорными органами. В этих условиях доверие перестает быть просто моральной категорией и превращается в полноценный механизм координации, заменяющий собой отсутствующую или избыточно бюрократизированную государственную защиту.

Специфика отечественной экономической среды состоит в том, что

формальные и неформальные правила не вытесняют, а взаимно дополняют друг друга. Как показал проведенный анализ, субъекты малого и среднего бизнеса часто используют письменные договоры не для защиты в суде, а в качестве инструмента синхронизации ожиданий и имитации легитимности перед внешними контролерами. Реальное же обеспечение обязательств опирается на репутационные санкции, личные гарантии и механизмы совместного решения проблем, подробно описанные Б. Уззи. Подрядчики и заказчики обмениваются не только ценовыми сигналами, но и детальной, трудноформализуемой информацией о надежности контрагентов. Подобный обмен знаниями возможен исключительно внутри закрытых профессиональных сообществ, где угроза потери репутации и исключения из круга доверенных лиц действует эффективнее судебного иска.

Однако доминирование неформальных институтов порождает серьезные структурные ограничения, которые особенно ярко проявляются в российских реалиях. Чрезмерная замкнутость локальных сетей ведет к парадоксальному последствию: связи, обеспечивающие выживание в условиях нестабильности, одновременно изолируют участников от новой информации и внешних инноваций. В результате усиливается замкнутость сети, а кумовство и клановость начинают вытеснять принципы рыночной конкуренции. Более того, высокая концентрация обмена внутри узкого круга делает бизнес уязвимым перед внешними шоками. Если ключевой игрок такой сети сталкивается с банкротством или административным давлением, кризис мгновенно передается по всем каналам межличностных обязательств, парализуя работу смежных предприятий и лишая их возможности быстро перестроить цепочки поставок.

Следовательно, изучение теневой и полуформальной экономики требует от исследователей отказа от упрощенных представлений о ней как о зоне тотального криминала или, наоборот, исключительно братской взаимопомощи. Экономическая социология должна сосредоточить внимание на том, как именно формируются и поддерживаются неформальные договоренности в обход

официальных процедур. Понимание того, при каких условиях личные связи позволяют снижать институциональные риски, а при каких начинают ограничивать рост, позволяет глубже понять особенности современного российского предпринимательства. Дальнейшие научные изыскания в этой области целесообразно сосредоточить на анализе того, как цифровизация государственных услуг и платформенные решения трансформируют традиционные сети доверия, перестраивая саму архитектуру локальных рынков.

Список литературы

1. Юрасов И. А., Бондаренко В. В., Полутин С. В., Зябликова О. А., Юрасова О. Н. Парадоксальные формы проявления институционального социального доверия в российских регионах: коррупция и теневая занятость как типы социального доверия // Регионология. — 2023. — Т. 31, № 4. — С. 733–753. — DOI: 10.15507/2413-1407.125.031.202304.733-753.
2. Gërxhani K., Cichocki S. Formal and Informal Institutions: Understanding the Shadow Economy in Transition Countries // Journal of Institutional Economics. — 2023. — Vol. 19, No. 5. — P. 656–672. — DOI: 10.1017/S1744137422000522.
3. Куницына Н. Н., Джиоев А. В. Зависимость неформальной занятости от уровня доходов населения российских регионов: уроки пандемии // Экономика региона. — 2023. — Т. 19, № 2. — С. 437–450. — DOI: 10.17059/ekon.reg.2023-2-11.
4. González-Mon B., Bodin Ö., Schlüter M. Small-Scale Fisheries and Agricultural Trade Networks Are Socially Embedded: Emerging Hypotheses About Responses to Environmental Changes // Ecology and Society. — 2023. — Vol. 28, No. 3. — Art. 9. — DOI: 10.5751/ES-14265-280309.
5. Ермолин И., Сволкинас Л., Суворков П. Браконьерство, фиктивное родство, адюльтер: культурные модели социализации в неблагополучных районах низовий Волги // Социологическое обозрение. — 2025. — Т. 24, № 1. — С. 300–331. — DOI: 10.17323/1728-192x-2025-1-300-331.
6. Nason R., Vedula S., Bothello J., Bacq S., Charman A. Sight Unseen: The

Visibility Paradox of Entrepreneurship in an Informal Economy // Journal of Business Venturing. — 2024. — Vol. 39, No. 2. — Art. 106364. — DOI: 10.1016/j.jbusvent.2023.106364.

7. Кузнецова Ю. А. Особенности функционирования неформального рынка в российском городе (по материалам исследования блошиного рынка в Новокузнецке) // Социологические исследования. — 2026. — № 4. — С. 140–147. — DOI: 10.7868/S3034601026040121.

8. Tomy R. E., Wittenberg-Moerman R. Community Membership and Reciprocity in Lending: Evidence from Informal Markets // Journal of Accounting and Economics. — 2024. — Vol. 78, No. 1. — Art. 101697. — DOI: 10.1016/j.jacceco.2024.101697.

9. Horak S., Klein A., Ahlstrom D., Li X. Resilience or Decline of Informal Networks? Examining the Role of Trust Context in Network Societies // International Business Review. — 2024. — Vol. 33, No. 4. — Art. 102301. — DOI: 10.1016/j.ibusrev.2024.102301.

10. Тимошкин Д., Ермаков Т., Иванов К., Тарасов П., Жарков М., Потехин А. Опыт анализа «цифровых следов» процесса структурной интеграции мигрантов в России с помощью нейросети BERT // Социологическое обозрение. — 2025. — Т. 24, № 1. — С. 332–356. — DOI: 10.17323/1728-192x-2025-1-332-356.

11. Tomy R. E., Wittenberg-Moerman R. Information Preference and Credit Allocation in a Bazaar Economy // Management Science. — 2025. — Vol. 71, No. 12. — P. 10642–10670. — DOI: 10.1287/mnsc.2023.04197.

12. Park J., Lee M., Kim H. Y. The Neighborhood Advantage: Exploring the Impact of Negotiation Costs on Transaction Satisfaction in Local Second-Hand Trading Platforms // Fashion and Textiles. — 2024. — Vol. 11. — Art. 22. — DOI: 10.1186/s40691-024-00386-8.

13. Казун А. П. И доверие, и закон: как социальный капитал и формальные институты влияют на соблюдение ковидных ограничений // Вопросы теоретической экономики. — 2025. — № 4. — С. 133–143. — DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_4_133_143.

14. Shepherd D., Parida V., Colquitt J. A., Wincent J. Trust in the Gray: A Qualitative Study of Trust and Repair in Gray Markets // Entrepreneurship Theory and Practice. — 2026. — Опубликовано онлайн 20 августа 2026 г. — DOI: 10.1177/10422587261470049.

15. Tong S., Zhang Y., Burtch G., Lin Z. Individual Sellers' Social Media Participation and Sales Performance in Peer-to-Peer Marketplaces: Evidence from a Quasi-Natural Experiment // Production and Operations Management. — 2025. — Vol. 34, No. 6. — P. 1549–1568. — DOI: 10.1177/10591478241302768.

16. Баймурзина Г. Р., Черных Е. А. Особенности платформенной занятости в России: о чем говорят данные цифровых профилей работников // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2024. — Т. 17, № 2. — С. 202–219. — DOI: 10.15838/esc.2024.2.92.11.

17. Mignot S., Vignes A. Whom Do You Trust? The Determinants of Loyalty in a Market Without Quality Signals // Applied Network Science. — 2025. — Vol. 10. — Art. 27. — DOI: 10.1007/s41109-025-00714-x.

18. Рыжова С. В. Социальный капитал этничности: социологическая перспектива // Социологические исследования. — 2025. — № 10. — С. 92–102.

19. Jackson M. O., Xing Y. The Incentive Complementarity Between Formal and Informal Enforcement // Journal of the European Economic Association. — 2024. — Vol. 22, No. 5. — P. 2294–2328. — DOI: 10.1093/jeea/jvae009.

20. Черных Е. А., Баймурзина Г. Р. Трудовое благополучие платформенных работников: на материалах интервью с работниками Профи.ру // Социологические исследования. — 2026. — № 8. — С. 78–91. — DOI: 10.7868/S3034601026080076.

21. Noordhoff F. How Informal Exchange Persists Under Strong Institutions: A Triadic Model of Informal Governance // Journal of Institutional Economics. — 2026. — Vol. 22. — Art. e31. — DOI: 10.1017/S174413742610068X

References

1. Yurasov I. A., Bondarenko V. V., Polutin S. V., Zyablikova O. A., Yurasova O. N.

Paradoksal'nye formy proyavleniya institutsional'nogo sotsial'nogo doveriya v rossiiskikh regionakh: korruptsiya i tenevaya zanyatost' kak tipy sotsial'nogo doveriya // Regionologiya. — 2023. — T. 31, № 4. — S. 733–753. — DOI: 10.15507/2413-1407.125.031.202304.733-753.

2. Gërxhani K., Cichocki S. Formal and Informal Institutions: Understanding the Shadow Economy in Transition Countries // Journal of Institutional Economics. — 2023. — Vol. 19, No. 5. — P. 656–672. — DOI: 10.1017/S1744137422000522.

3. Kunitsyna N. N., Dzhioev A. V. Zavisimost' neformal'noi zanyatosti ot urovnya dokhodov naseleniya rossiiskikh regionov: uroki pandemii // Ekonomika regiona. — 2023. — T. 19, № 2. — S. 437–450. — DOI: 10.17059/ekon.reg.2023-2-11.

4. González-Mon B., Bodin Ö., Schlüter M. Small-Scale Fisheries and Agricultural Trade Networks Are Socially Embedded: Emerging Hypotheses About Responses to Environmental Changes // Ecology and Society. — 2023. — Vol. 28, No. 3. — Art. 9. — DOI: 10.5751/ES-14265-280309.

5. Ermolin I., Svolkinas L., Suvorkov P. Brakon'erstvo, fiktivnoe rodstvo, adyul'ter: kul'turnye modeli sotsializatsii v neblagopoluchnykh raionakh nizovii Volgi // Sotsiologicheskoe obozrenie. — 2025. — T. 24, № 1. — S. 300–331. — DOI: 10.17323/1728-192x-2025-1-300-331.

6. Nason R., Vedula S., Bothello J., Bacq S., Charman A. Sight Unseen: The Visibility Paradox of Entrepreneurship in an Informal Economy // Journal of Business Venturing. — 2024. — Vol. 39, No. 2. — Art. 106364. — DOI: 10.1016/j.jbusvent.2023.106364.

7. Kuznetsova Yu. A. Osobennosti funktsionirovaniya neformal'nogo rynka v rossiiskom gorode (po materialam issledovaniya bloshinogo rynka v Novokuznetske) // Sotsiologicheskie issledovaniya. — 2026. — № 4. — S. 140–147. — DOI: 10.7868/S3034601026040121.

8. Tomy R. E., Wittenberg-Moerman R. Community Membership and Reciprocity in Lending: Evidence from Informal Markets // Journal of Accounting and Economics. — 2024. — Vol. 78, No. 1. — Art. 101697. — DOI: 10.1016/j.jacceco.2024.101697.

9. Horak S., Klein A., Ahlstrom D., Li X. Resilience or Decline of Informal Networks?

Examining the Role of Trust Context in Network Societies // International Business Review. — 2024. — Vol. 33, No. 4. — Art. 102301. — DOI: 10.1016/j.ibusrev.2024.102301.

10. Timoshkin D., Ermakov T., Ivanov K., Tarasov P., Zharkov M., Potekhin A. Opyt analiza «tsifrovykh sledov» protsessa strukturnoi integratsii migrantov v Rossii s pomoshch'yu neiroseti BERT // Sotsiologicheskoe obozrenie. — 2025. — T. 24, № 1. — S. 332–356. — DOI: 10.17323/1728-192x-2025-1-332-356.

11. Tomy R. E., Wittenberg-Moerman R. Information Preference and Credit Allocation in a Bazaar Economy // Management Science. — 2025. — Vol. 71, No. 12. — P. 10642–10670. — DOI: 10.1287/mnsc.2023.04197.

12. Park J., Lee M., Kim H. Y. The Neighborhood Advantage: Exploring the Impact of Negotiation Costs on Transaction Satisfaction in Local Second-Hand Trading Platforms // Fashion and Textiles. — 2024. — Vol. 11. — Art. 22. — DOI: 10.1186/s40691-024-00386-8.

13. Kazun A. P. I doverie, i zakon: kak sotsial'nyi kapital i formal'nye instituty vliyayut na soblyudenie kovidnykh ogranichenii // Voprosy teoreticheskoi ekonomiki. — 2025. — № 4. — S. 133–143. — DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_4_133_143.

14. Shepherd D., Parida V., Colquitt J. A., Wincent J. Trust in the Gray: A Qualitative Study of Trust and Repair in Gray Markets // Entrepreneurship Theory and Practice. — 2026. — Opublikovano onlain 20 avgusta 2026 g. — DOI: 10.1177/10422587261470049.

15. Tong S., Zhang Y., Burtch G., Lin Z. Individual Sellers' Social Media Participation and Sales Performance in Peer-to-Peer Marketplaces: Evidence from a Quasi-Natural Experiment // Production and Operations Management. — 2025. — Vol. 34, No. 6. — P. 1549–1568. — DOI: 10.1177/10591478241302768.

16. Baimurzina G. R., Chernykh E. A. Osobennosti platformennoi zanyatosti v Rossii: o chem govoryat dannye tsifrovykh profilei rabotnikov // Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz. — 2024. — T. 17, № 2. — S. 202–219. — DOI: 10.15838/esc.2024.2.92.11.

17. Mignot S., Vignes A. Whom Do You Trust? The Determinants of Loyalty in a Market Without Quality Signals // Applied Network Science. — 2025. — Vol. 10. — Art. 27. — DOI: 10.1007/s41109-025-00714-x.

18. Ryzhova S. V. Sotsial'nyi kapital etnichnosti: sotsiologicheskaya perspektiva // Sotsiologicheskie issledovaniya. — 2025. — № 10. — S. 92–102.

19. Jackson M. O., Xing Y. The Incentive Complementarity Between Formal and Informal Enforcement // Journal of the European Economic Association. — 2024. — Vol. 22, No. 5. — P. 2294–2328. — DOI: 10.1093/jeea/jvae009.

20. Chernykh E. A., Baimurzina G. R. Trudovoe blagopoluchie platformennykh rabotnikov: na materialakh interv'yu s rabotnikami Profi.ru // Sotsiologicheskie issledovaniya. — 2026. — № 8. — S. 78–91. — DOI: 10.7868/S3034601026080076.

21. Noordhoff F. How Informal Exchange Persists Under Strong Institutions: A Triadic Model of Informal Governance // Journal of Institutional Economics. — 2026. — Vol. 22. — Art. e31. — DOI: 10.1017/S174413742610068X

Статья поступила в редакцию 10.12.2025; одобрена после рецензирования 21.01.2026; принята к публикации 31.08.2026.

The article was submitted 10.12.2025; approved after peer review 21.01.2026; accepted for publication 31.08.2026.

Научная статья

УДК 316.334.5:339.138

ЭТИЧНОЕ И СТАТУСНОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ В СТРАТЕГИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ ДИСТИНКЦИИ РОССИЙСКОГО ГОРОДСКОГО СРЕДНЕГО КЛАССА

Филиппова Ксения Владимировна, кандидат социологических наук, доцент, Тихоокеанский государственный университет им. М.П. Даниловского, Россия, Хабаровск, ksenia_filippova@mail.ru;

Аннотация. Статья анализирует трансформацию потребительских стратегий российского городского среднего класса в условиях структурных сдвигов и макроэкономических шоков. Теоретический фундамент исследования опирается на теорию социальной дистинкции П. Бурдье и концепцию «эко-габитуса». Цель работы — раскрыть механизмы, с помощью которых этичное потребление и ориентация на локальную аутентичность становятся инструментами проведения символических границ. Методология включает смешанный дизайн: серию глубинных биографических интервью в Москве, Санкт-Петербурге и городах-миллионниках (N=48) и пилотный количественный опрос (N=412). Построена типология потребительских стратегий, выявляющая, что декларируемая осознанность часто маскирует стремление к статусному закрытию. Научная новизна состоит в опровержении тезиса о деполитизированной природе этичного потребления: в российских реалиях оно функционирует как механизм конвертации культурного капитала в символическое превосходство над «массовым» потребителем. Показано, как происходит гибридизация глобальных трендов устойчивого развития с локальными практиками самообеспечения. Сделан вывод о том, что этичность выступает новым языком классовой иерархии, позволяющим среднему классу легитимировать свой статус в ситуации утраты традиционных индикаторов успеха.

Ключевые слова: городской средний класс; социальная дистинкция; этичное потребление; статусное потребление; символические границы; культурный капитал.

Original article

ETHICAL AND STATUS CONSUMPTION IN THE STRATEGIES OF SOCIAL DIFFERENTIATION OF THE RUSSIAN URBAN MIDDLE CLASS

Filippova Kseniia Vladimirovna, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Pacific National University named after M.P. Danilovsky, Khabarovsk, Russia, ksenia_filippova@mail.ru;

Abstract. This article analyzes the transformation of consumer strategies among the Russian urban middle class in the context of structural shifts and macroeconomic shocks. The theoretical foundation of the study is based on Pierre Bourdieu's theory of social distinction and the concept of "eco-habitus." The aim of the study is to uncover the mechanisms by which ethical consumption and a focus on local authenticity become instruments for drawing symbolic boundaries. The methodology includes a mixed design: a series of in-depth biographical interviews in Moscow, St. Petersburg, and cities with over a million inhabitants (N=48) and a pilot quantitative survey (N=412). A typology of consumer strategies is constructed, revealing that declared awareness often masks a desire for status closure. The scientific novelty lies in refuting the thesis about the depoliticized nature of ethical consumption: in Russian realities, it functions as a mechanism for converting cultural capital into symbolic superiority over the "mass" consumer. The hybridization of global sustainable development trends with local self-sufficiency practices is demonstrated. It is concluded that ethics acts as a new language of class hierarchy, allowing the middle class to legitimize its status in a situation of loss of traditional indicators of success.

Keywords: urban middle class; social distinction; ethical consumption; status consumption; symbolic boundaries; cultural capital.

Актуальность и значимость исследования. Потребительское поведение давно вышло за рамки утилитарного удовлетворения базовых потребностей и приобрело важное символическое значение. Вещи, услуги и повседневные практики выступают не просто объектами рыночного обмена, а знаковыми системами, через которые индивиды артикулируют свое место в социальной иерархии [1]. Выбор определённых потребительских практик связан с проведением символических границ: принадлежность к одной социальной группе одновременно предполагает дистанцирование от других групп [2]. Таким образом, потребительские практики выполняют коммуникативную функцию, а приобретаемые товары могут восприниматься окружающими как маркеры социальных различий.

Фундаментальное осмысление этой динамики было заложено в работах Пьера Бурдьё, который продемонстрировал, что эстетические предпочтения и вкусы не являются врожденными свойствами личности. Напротив, они формируются под воздействием специфических условий существования и усвоенного габитуса [3]. Объём культурного и экономического капитала влияет на выбор потребительских стратегий: доминирующие классы используют «чистый» вкус как инструмент легитимации своего превосходства, переводя структурное неравенство в плоскость личных качеств и природной одаренности [4]. В этой логике статусное потребление может рассматриваться как форма символического насилия: критерии «хорошего вкуса», формируемые доминирующими группами, оказываются труднодоступными для групп, не располагающих соответствующими ресурсами [5].

Однако классические схемы классовой дистинкции не остаются статичными. Макроэкономические потрясения, институциональные сдвиги и кризисные явления неизбежно влекут за собой девальвацию привычных символов престижа [6]. То, что вчера служило надежным индикатором успеха, сегодня может утратить свою различительную способность из-за массового распространения или изменения общественного климата. В периоды

турбулентности доминирующие группы вынуждены искать новые способы поддержания символической дистанции [7]. Происходит постоянное обновление статусных критериев: доминирующие группы стремятся сохранить свои позиции, а группы с повышающимся социальным статусом осваивают новые способы символического различения.

Ярким свидетельством такой адаптации служит трансформация репертуаров обладателей высокого культурного капитала. Если ранее элитарный вкус ассоциировался с космополитизмом, отстраненностью от материальности и поиском экзотического, то сегодня на первый план выходит так называемый «эко-габитус» [8]. Этичное потребление, ориентированное на локальность, экологичность и ручное производство, перестает быть просто моральным выбором. Оно становится одной из стратегий социального различения. Возвращение к «земному», материальному и ручному труду в рамках практик осознанного потребления позволяет городским элитам дистанцироваться как от вульгарной роскоши нуворишей, так и от массового индустриального стандарта [9]. Забота об окружающей среде и поддержка локальных производителей становятся средствами статусного различения, при котором значение приобретает не только цена товара, но и осведомлённость потребителя о его происхождении и условиях производства.

В российских реалиях городскому среднему классу приходится выстраивать свои потребительские траектории в условиях перманентной экономической нестабильности и резкой смены ценностных парадигм. Российский городской средний класс, обладающий значительным культурным капиталом, но нередко ограниченным экономическим капиталом, активно использует механизмы символической адаптации. Формирование новых статусных маркеров — от отказа от демонстративной роскоши в пользу «интеллектуального» и «этичного» потребления до поиска аутентичности в локальных практиках — отражает глобальные тенденции, но преломляется через специфику национального габитуса [10]. Понимание того, как именно

трансформируется язык потребительской коммуникации в ответ на внешние вызовы, позволяет выявить скрытые механизмы воспроизводства социальной структуры современного российского общества, что и определяет актуальность данного исследования.

Степень разработанности проблемы исследования. Трансформация потребительских паттернов городского среднего класса выступает одним из наиболее чувствительных индикаторов сдвигов в стратификационной структуре современного общества. Классическая теория П. Бурдье, постулирующая, что вкусы и практики присвоения благ являются инструментами символического насилия и проведения границ между классами, долгое время опиралась на дихотомию «необходимость» и «роскошь» [11]. Однако усложнение социальной реальности потребовало ревизии жестких таксономий. Концепция культурной «всеядности», разработанная Р. Петерсоном, продемонстрировала, что современные элиты и средний класс дистанцируются от масс не через элитарный снобизм, а через эклектичное, всеядное потребление, где граница проводится между «аутентичным» и «неаутентичным» [12].

В западной социологии потребления этот сдвиг был концептуализирован через понятие «эко-габитуса». Исследования Л. Карфаньи и коллег показывают, что носители высокого культурного капитала перестраивают свои стратегии различения, смещая фокус с глобального и идеального на локальное, материальное и ручное, при этом сохраняя саму логику статусного исключения [13]. Этичное и экологичное потребление перестает быть просто моральным выбором, превращаясь в коллективную стратегию конструирования классового превосходства.

В российском контексте данная проблема остаётся недостаточно изученной. Репрезентативные количественные срезы, в частности масштабные исследования М.А. Шабановой (2025), убедительно фиксируют факт распространения этичных практик среди россиян, доказывая, что осознанное потребление перестало быть уделом маргинальных субкультур. Вместе с тем,

отечественная литература зачастую описывает этичное потребление либо как следствие неолиберальной индивидуализации ответственности, либо как изолированный феномен «зеленого» активизма. Ключевой пробел заключается в недостаточном осмыслении того, как именно этико-нормативная мотивация вплетается в механизмы классовой дистинкции в условиях российской стратификации, особенно на фоне беспрецедентных макроэкономических шоков, разрушивших привычные рынки статусных благ. Научная новизна данного исследования состоит в доказательстве того, что этичное потребление в России не противопоставляется статусному, а выступает его новой, замаскированной формой, обеспечивающей символическое закрытие групп.

Материалы и методы исследования. Чтобы не рассматривать средний класс как однородную группу, в работе используется операциональный критерий, включающий четыре измерения: наличие высшего образования; занятие профессионально-статусных позиций (руководители, специалисты с высшим образованием, владельцы малого бизнеса); доход, превышающий медианный по региону более чем в 1,5 раза; и субъективная самоидентификация.

География исследования учитывает различия между потребительскими средами: выборка стратифицирована на столичные агломерации (Москва, Санкт-Петербург) с их доступом к глобальным и нишевым рынкам, и города-миллионники (Екатеринбург, Казань), где рынки статусного присвоения имеют выраженную региональную специфику.

Основу исследовательского дизайна составляет качественный биографический подход к анализу потребительских стратегий городского среднего класса. Для сравнительного анализа выделены две группы мотивов: статусно-демонстрационные, связанные со стремлением к социальному признанию и символическому различению, и этико-нормативные, предполагающие ориентацию на экологические, социальные и моральные характеристики потребления. Дополнительно в исследовательской схеме предусмотрено пилотное анкетирование 412 респондентов.

Результаты исследования. Анализ нарративного материала показал необходимость разграничить понятия, которые в обыденном восприятии нередко смешиваются. Покупка локального бренда, отказ от масс-маркета или интерес к «аутентичности» не тождественны этичному потреблению. Мотивами могут выступать эстетический дизайн, ценовая доступность, дефицит альтернатив или стремление к статусной уникальности [14]. Для систематизации этих практик была построена аналитическая матрица, опирающаяся на две независимые оси: выраженность статусной демонстрации и выраженность этико-нормативной мотивации.

Таблица 1 - Аналитическая матрица потребительских стратегий среднего класса

Тип стратегии	Статусная демонстрация	Этико-нормативная мотивация	Характерные практики и маркеры
1. Демонстративный мейнстрим	Высокая	Низкая	Логотипированные товары, масс-маркет премиум-сегмента, потребление как прямое доказательство финансового успеха.
2. Аскетическая убежденность	Низкая	Высокая	Радикальный минимализм, zero waste, отказ от брендов в пользу утилитарности. Устойчивая этическая мотивация, отсутствие ориентации на статусное различение.
3. Омниворная аутентичность	Высокая (скрытая)	Высокая	«Охота» на локальных ремесленников, фермерские продукты, винтажные вещи. Статус доказывается не ценой, а «знанием» и «доступом».
4. Ностальгический локал-патриотизм	Средняя	Специфическая (ситуативная)	Потребление советского/локального наследия как реакция на шок. Сочетание этики «поддержки своего» с эстетикой дефицита.

Источник: разработано автором.

Сопоставление потребительских нарративов позволяет выделить четыре аналитических типа стратегий, различающихся сочетанием статусных и этико-нормативных мотивов. Стратегия «омниворной аутентичности» характеризуется ориентацией на разнообразие культурных форм потребления, интересом к

локальным производителям и возможным стремлением к символической дифференциации. Таким образом, выделенная типология описывает возможные сочетания мотивов, но не позволяет без самостоятельного количественного распределения респондентов по категориям установить доминирование определённого типа в столичных агломерациях или городах-миллионниках.

Макроэкономические шоки 2022–2024 годов (уход глобальных брендов, разрыв логистических цепочек) не устранили механизмы дистинкции, а привели к их трансформации. Биографическое сравнение «до/после» показывает, как менялся символический капитал.

Таблица 2 - Трансформация статусных маркеров в биографических траекториях респондентов (сравнительный срез)

Сфера потребления	Практики «До» (Глобализированный средний класс)	Практики «После» (Адаптация к макрошокам)	Смысловой сдвиг (Механизм дистинкции)
Гастрономия	Импортные органические бренды, рестораны с мишленовской эстетикой.	Локальные фермерские кооперативы, «новая русская кухня», крафтовые производства.	Переход от ориентации на глобальные экологические бренды к экспертному выбору локальных производителей. Статусным маркером становится не сам товар, а знание о его производителе
Одежда и эстетика	Fast-fashion люкс, нишевые европейские дизайнеры.	Российские дизайнеры, винтаж, секонд-хенды, кастомизация.	Этичность «спасения вещей» и поддержка «своего» становятся новым эстетическим кодом, заменяющим недоступный люкс.
Досуг и впечатления	Европейский туризм, глобальные культурные события.	Локальный этно-туризм, ретриты, «настоящий» опыт в российской глубинке.	Романтизация локального опыта как маркера интеллектуальной и культурной компетентности

Источник: разработано автором.

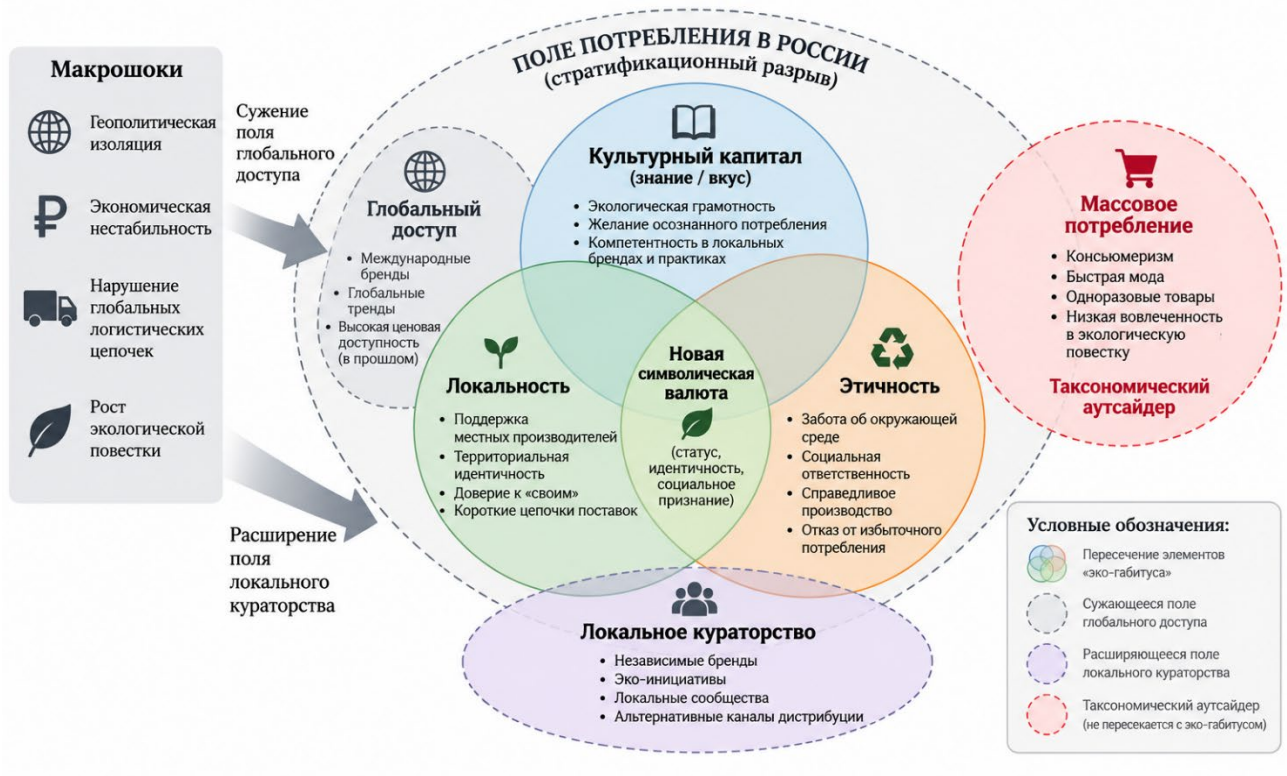

Рисунок 1 - Концептуальная модель «Российского эко-габитуса» в условиях стратификационного разрыва (источник: разработано автором)

Интерпретация данных (Рисунок 1) показывает, что этичное потребление в России жестко структурировано. Отказ от масс-маркета или выбор локального бренда не всегда продиктован заботой об экологии. Зачастую это способ проведения символических границ: «продвинутая» интеллигенция и верхний сегмент среднего класса используют дискурс осознанности, чтобы отделить себя от «массового» среднего класса, который продолжает ориентироваться на демонстративное потребление (Тип 1) или вынужденно потребляет то, что доступно.

Обсуждение результатов исследования. Полученные данные позволяют отказаться от жесткой дихотомии, предполагающей, что демонстративное потребление является «старым» и «плохим», а этичное — «новым» и «прогрессивным». В логике П. Бурдье, любое потребление есть присвоение и различение. Российский городской средний класс, обладающий высоким культурным капиталом, но сталкивающийся с ограниченностью экономических ресурсов и геополитическими изменениями, использует этичное потребление

как инструмент преобразования культурного капитала в символический статус.

Концепция «всеедности» Р. Петерсона находит в России специфическое преломление. Российский «омнивор» не просто сочетает высокое и низкое; он сочетает глобальное (в прошлом) и гипер-локальное (в настоящем), но делает это с позиции эксперта-куратора. Покупка сыра у локального фермера или одежды у российского дизайнера, использующего переработанные материалы, является актом не столько экологической добродетели, сколько демонстрации «правильного» вкуса и социальной чуткости. В данном случае этичность используется для легитимации статусного различения: значение приобретают не только свойства самой вещи, но также её происхождение, аутентичность и условия производства.

Изменение макроэкономических условий может сопровождаться переоценкой потребительских ориентиров и трансформацией символического значения привычных товаров и практик. В отдельных биографических описаниях переход от международных потребительских маркеров к локальным брендам, отечественным культурным продуктам и региональным формам досуга может интерпретироваться как переосмысление представлений о качестве, подлинности и социальной принадлежности. Вместе с тем подобные изменения не следует рассматривать как универсальную характеристику всего российского городского среднего класса. Сохранение прежних предпочтений, вынужденная замена недоступных товаров и осознанный выбор локальных альтернатив представляют собой разные механизмы потребительской адаптации. В этой связи предложенная сравнительная матрица «до/после» характеризует возможные направления изменения индивидуальных стратегий.

Важно подчеркнуть, что, в отличие от западных критиков, видящих в этичном потреблении лишь неолиберальную деполитизацию [3], в российских реалиях этика потребления остается глубоко политизированной и классово окрашенной. Она служит механизмом адаптации к травме утраты глобального статуса и одновременно инструментом сохранения внутреннего иерархического

порядка внутри самого среднего класса. Те, кто не обладает достаточным культурным капиталом для интерпретации кодов «локальной аутентичности» и «экологичности», занимают менее выгодную позицию в системе символических различий, чье потребление маркируется как «вульгарное» или «неосознанное».

Таким образом, этичное потребление в стратегиях российского городского среднего класса не отменяет логику дистинкции, а предоставляет ей новый, более изощренный и социально одобряемый язык. Символические границы сегодня проводятся не столько по линии «богатый/бедный», сколько по линии «осознанный куратор / пассивный массовый потребитель», где этика выступает главным критерием легитимности и классового превосходства.

Выводы. Формирующийся в современной России репертуар осознанного потребления нельзя рассматривать исключительно как кальку с западных моделей или как прямое следствие неолиберальной индивидуализации ответственности. Современные изменения представляют собой процесс символической трансформации, при котором глобальные тенденции сочетаются с исторически сложившимися практиками повседневной жизни. Российский городской средний класс формирует новую систему статусного различения, сочетающую глобальные практики экологически ориентированного потребления с культурными установками, сформировавшимися в советский и постсоветский периоды.

Советское наследие, долгое время ассоциировавшееся с дефицитом, вынужденной экономией и практиками самообеспечения, сегодня получает новое осмысление. То, что в прошлом было маркером материальной нужды или бытовой неустроенности, обретает статус морального императива и эстетического выбора. Дачное земледелие, ручная сборка мебели, бережное отношение к вещам или практика их ремонта перестают быть стигматизированными признаками «выживания». Напротив, они интегрируются в дискурс устойчивого развития и этичного отношения к ресурсам. Подобная символическая реабилитация ручного труда и близости к земле позволяет

избежать травмы, связанной с тотальным дефицитом прошлого, и одновременно создает надежный барьер против вульгарного расточительства, которое доминировало в массовом сознании в период первоначального накопления капитала.

Западная концепция «эко-габитуса», предполагающая изначальный космополитизм и ориентацию на глобальные стандарты, в российских реалиях претерпевает существенную и вынужденную локализацию. Макроэкономические потрясения, уход международных корпораций и разрыв логистических цепочек ускорили переориентацию на локальные рынки. Однако этот поворот к локальному не имеет ничего общего с провинциальной замкнутостью или экономическим прагматизмом низших страт. Он опирается на высокий культурный капитал, позволяющий распознавать подлинную аутентичность в продуктах местных ремесленников, независимых дизайнеров или фермерских кооперативов. Потребитель с высоким статусом выбирает отечественный товар не только из-за его доступности, но и как способ поддержки локальных производителей и демонстрации своей связи с локальным сообществом и социальной ответственности.

В логике классического анализа социальных различий подобные стратегии служат тонким инструментом символического закрытия. Через дискурс этичности, осознанности и поддержки локального производителя проводится жесткая, хотя и не всегда вербализуемая, граница. С одной стороны, она отделяет носителей нового габитуса от «массового» потребителя, чьи практики по-прежнему определяются ориентацией на доступные тренды и массовый рынок. С другой стороны, этот же дискурс позволяет легитимировать собственный статус в условиях, когда традиционные индикаторы успеха — демонстративная роскошь или обладание международными брендами — утратили прежнюю символическую силу. Более того, открытая демонстрация богатства сегодня все чаще начинает ассоциироваться с элитными группами, чей вкус подвергается скрытой, но вполне считываемой критике со стороны образованного среднего

класса.

Таким образом, российский городской средний класс активно вырабатывает новые языки социального позиционирования. Сочетание глобальных практик этичного потребления и отечественных культурных установок, связанных с самообеспечением, недоверием к массовому рынку и повышенной ценностью ручного труда, формирует особую систему статусных различий. Этичность в этом контексте выступает как важнейший ресурс символической власти. Именно он позволяет удерживать привилегированную позицию в стратификационной иерархии, превращая вынужденные ограничения и историческую память в добродетель, недоступную для тех, кто не обладает соответствующим культурным капиталом и чувством вкуса.

Список литературы

1. Шабанова М. А. Этичное потребление как сфера гражданского общества в России: факторы и потенциал развития рыночных практик // Экономическая социология. 2023. Т. 24. № 1. С. 13–54. DOI: 10.17323/1726-3247-2023-1-13-54.
2. Schenk P., Hashinaga M., Rössel J. The Classness of Ethical Consumption in Context: How Social Class Structures Buycotting in Japan and Switzerland // The Sociological Quarterly. 2026. P. 1–25. DOI: 10.1080/00380253.2026.2703098.
3. Мареева С. В., Слободенюк Е. Д. Статус и статусное потребление: восприятие и практики высокодоходных россиян // Вопросы экономики. 2026. № 5. С. 115–130. DOI: 10.32609/0042-8736-2026-5-115-130.
4. Gladstone J. J., Bellezza S. Sustainability Across the Status Spectrum: The S-Shaped Relationship Between Social Status and Green Consumption // Social Psychological and Personality Science. 2025. Vol. 16. No. 7. P. 743–757. DOI: 10.1177/19485506241295406.
5. Лебедева Д. Р. Бойкоты и покупки: профили экологически ответственных потребителей среди жителей городов России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 3. С. 108–133. DOI: 10.14515/monitoring.2025.3.2777.

6. Mapes G., Kalbermatter N., Lüthi S. Elite Authenticity and Ethical Consumerism // Signs and Society. 2026. First View. P. 1–23. DOI: 10.1017/sas.2026.10068.
7. Пишняк А. И., Халина Н. В., Назарбаева Е. А. Потребительские стандарты в восприятии населения России: основные характеристики и границы // Экономическая социология. 2025. Т. 26. № 2. С. 53–81. DOI: 10.17323/1726-3247-2025-2-53-81.
8. Kristóf L., Megyesi B. G. Hip and Practical: Cultural Capital and the Two Faces of Sustainable Food Consumption // Corvinus Journal of Sociology and Social Policy. 2024. Vol. 15. No. 1. DOI: 10.14267/CJSSP.2024.1.1.
9. Шабанова М. А. Этичное потребление: теоретическое представление и вклад в дискуссию // Вопросы экономики. 2024. № 7. С. 53–80. DOI: 10.32609/0042-8736-2024-7-53-80.
10. Sassatelli R. The Political Life of Everyday Sustainability. Conspicuous Sustainable Consumption and Normative Resistance // Sociologica. 2026. Vol. 20. No. 2. P. 5–21. DOI: 10.60923/issn.1971-8853/24203.
11. Пишняк А. И., Халина Н. В., Назарбаева Е. А. Городской средний класс: основные черты и особенности потребительского поведения // НЭП: Новости экономического поведения. М.: НИУ ВШЭ, 2025. Вып. 1.
12. Hopkins E. Cardinal Sins? Conspicuous Consumption, Cardinal Status and Inequality // Journal of the European Economic Association. 2024. Vol. 22. No. 5. P. 2374–2413. DOI: 10.1093/jeea/jvae025.
13. Шабанова М. А. Этичное потребление как индикатор и ресурс трансформации гражданского общества в России // Экономическая социология. 2025. Т. 26. № 2. С. 14–52. DOI: 10.17323/1726-3247-2025-2-14-52.
14. Dhanda J. Move towards Ethical Consumption — A Reflection of Moral Responsibility or Distinction? // ACADEMICIA: An International Multidisciplinary Research Journal. 2023. Vol. 13. No. 8. P. 64–69. DOI: 10.5958/2249-7137.2023.00080.0.
15. Kutaula S., Gillani A., Gregory-Smith D., Bartikowski B. et al. Ethical

Consumerism in Emerging Markets: Opportunities and Challenges // Journal of Business Ethics. 2024. Vol. 191. P. 651–673. DOI: 10.1007/s10551-024-05657-4.

16. Magaudda P., Sassatelli R. Quiet Luxury. Simplicity, Sustainability, and the Rearticulation of Status in Consumer Culture // Sociologica. 2026. Vol. 20. No. 2. P. 105–129. DOI: 10.60923/issn.1971-8853/23734.

17. Karimzadeh S., Boström M. Ethical Consumption in Three Stages: A Focus on Sufficiency and Care // Environmental Sociology. 2024. Vol. 10. No. 1. P. 1–11. DOI: 10.1080/23251042.2023.2277971.

References

1. Shabanova M. A. E`tichnoe potreblenie kak sfera grazhdanskogo obshhestva v Rossii: faktory` i potencial razvitiya ry`nochny`x praktik // E`konomicheskaya sociologiya. 2023. T. 24. № 1. S. 13–54. DOI: 10.17323/1726-3247-2023-1-13-54.

2. Schenk P., Hashinaga M., Rössel J. The Classness of Ethical Consumption in Context: How Social Class Structures Buycotting in Japan and Switzerland // The Sociological Quarterly. 2026. P. 1–25. DOI: 10.1080/00380253.2026.2703098.

3. Mareeva S. V., Slobodenyuk E. D. Status i statusnoe potreblenie: vospriyatie i praktiki vy`sokodoxodny`x rossiyan // Voprosy` e`konomiki. 2026. № 5. S. 115–130. DOI: 10.32609/0042-8736-2026-5-115-130.

4. Gladstone J. J., Bellezza S. Sustainability Across the Status Spectrum: The S-Shaped Relationship Between Social Status and Green Consumption // Social Psychological and Personality Science. 2025. Vol. 16. No. 7. P. 743–757. DOI: 10.1177/19485506241295406.

5. Lebedeva D. R. Bojkoty` i pokupki: profili e`kologicheski otvetstvenny`x potrebitelej sredi zhitelej gorodov Rossii // Monitoring obshhestvennogo mneniya: e`konomicheskie i social`ny`e peremeny`. 2025. № 3. S. 108–133. DOI: 10.14515/monitoring.2025.3.2777.

6. Mapes G., Kalbermatter N., Lüthi S. Elite Authenticity and Ethical Consumerism // Signs and Society. 2026. First View. P. 1–23. DOI: 10.1017/sas.2026.10068.

7. Pishnyak A. I., Xalina N. V., Nazarbaeva E. A. Potrebitel`skie standarty` v

vospriyatii naseleniya Rossii: osnovny`e xarakteristiki i granicy // E`konomicheskaya sociologiya. 2025. T. 26. № 2. S. 53–81. DOI: 10.17323/1726-3247-2025-2-53-81.

8. Kristóf L., Megyesi B. G. Hip and Practical: Cultural Capital and the Two Faces of Sustainable Food Consumption // Corvinus Journal of Sociology and Social Policy. 2024. Vol. 15. No. 1. DOI: 10.14267/CJSSP.2024.1.1.

9. Shabanova M. A. E`tichnoe potreblenie: teoreticheskoe predstavlenie i vklad v diskussiyu // Voprosy` e`konomiki. 2024. № 7. S. 53–80. DOI: 10.32609/0042-8736-2024-7-53-80.

10. Sassatelli R. The Political Life of Everyday Sustainability. Conspicuous Sustainable Consumption and Normative Resistance // Sociologica. 2026. Vol. 20. No. 2. P. 5–21. DOI: 10.60923/issn.1971-8853/24203.

11. Pishnyak A. I., Xalina N. V., Nazarbaeva E. A. Gorodskoj srednij klass: osnovny`e cherty` i osobennosti potrebitel`skogo povedeniya // NE`P: Novosti e`konomicheskogo povedeniya. M.: NIU VShE`, 2025. Vy`p. 1.

12. Hopkins E. Cardinal Sins? Conspicuous Consumption, Cardinal Status and Inequality // Journal of the European Economic Association. 2024. Vol. 22. No. 5. P. 2374–2413. DOI: 10.1093/jeea/jvae025.

13. Shabanova M. A. E`tichnoe potreblenie kak indikator i resurs transformacii grazhdanskogo obshhestva v Rossii // E`konomicheskaya sociologiya. 2025. T. 26. № 2. S. 14–52. DOI: 10.17323/1726-3247-2025-2-14-52.

14. Dhanda J. Move towards Ethical Consumption — A Reflection of Moral Responsibility or Distinction? // ACADEMICIA: An International Multidisciplinary Research Journal. 2023. Vol. 13. No. 8. P. 64–69. DOI: 10.5958/2249-7137.2023.00080.0.

15. Kutaula S., Gillani A., Gregory-Smith D., Bartikowski B. et al. Ethical Consumerism in Emerging Markets: Opportunities and Challenges // Journal of Business Ethics. 2024. Vol. 191. P. 651–673. DOI: 10.1007/s10551-024-05657-4.

16. Magaudda P., Sassatelli R. Quiet Luxury. Simplicity, Sustainability, and the Rearticulation of Status in Consumer Culture // Sociologica. 2026. Vol. 20. No. 2. P.

105–129. DOI: 10.60923/issn.1971-8853/23734.

17. Karimzadeh S., Boström M. Ethical Consumption in Three Stages: A Focus on Sufficiency and Care // Environmental Sociology. 2024. Vol. 10. No. 1. P. 1–11. DOI: 10.1080/23251042.2023.2277971.

Статья поступила в редакцию 05.02.2026; одобрена после рецензирования 26.03.2026; принята к публикации 31.08.2026.

The article was submitted 05.02.2026; approved after peer review 26.03.2026; accepted for publication 31.08.2026.

Научная статья
УДК 316.33

СОЦИОЛОГИЯ БЫТОВОГО ДОЛГА: МОРАЛЬНЫЕ ЭКОНОМИКИ ЗАИМСТВОВАНИЯ И СТИГМАТИЗАЦИЯ БАНКРОТСТВА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Шекунова Юлия Олеговна, кандидат социологических наук, Самарский национальный исследовательский университет им. акад. С.П. Королева, Россия, Самара, i.shekunova@mail.ru

Аннотация. Феномен бытового долга в современной России анализируется как сложное социальное отношение, пронизанное культурными смыслами и моральными оценками. Опираясь на концепцию особых денег, исследователь показывает, как заемные средства маркируются обществом в зависимости от их целевого назначения и социального статуса заемщика. Эмпирическую базу составили данные общероссийских опросов финансовой грамотности и серия нарративных интервью с лицами, имеющими опыт просроченной задолженности и судебного банкротства. Используемая теоретическая рамка позволяет выйти за пределы утилитарного редукционизма, свойственного классическим экономическим моделям, и раскрыть механизмы формирования доверия к институту заимствования в условиях изменения ценностно-нормативных установок российского общества. Установлено: моральная экономика заимствований ранжирует обязательства на социально одобряемые и стигматизируемые, что диктует стратегии взаимодействия должников с кредиторами. В работе также систематизированы различия в оправдательных техниках между клиентами микрофинансовых организаций и банковскими заемщиками. Процедура банкротства физических лиц, часто интерпретируемая в массовом сознании как индикатор личного нравственного падения, требует отдельного осмысления. Показано, что стигматизация статуса банкрота оказывает разрушительное воздействие на социальный капитал

индивида, ограничивая его возможности на рынке труда, несмотря на формальное юридическое освобождение от обязательств. Полученные данные указывают на необходимость гуманизации финансовых институтов и совершенствования подходов к финансовой социализации, учитывающих психологические и социокультурные детерминанты экономического поведения.

Ключевые слова: бытовой долг; моральная экономика; социальная стигматизация; банкротство физических лиц; финансовая социализация; долговые нарративы.

Original article

THE SOCIOLOGY OF HOUSEHOLD DEBT: MORAL ECONOMIES OF BORROWING AND THE STIGMATIZATION OF BANKRUPTCY IN RUSSIAN SOCIETY

Shekunova Iuliia Olegovna, Candidate of Sociological Sciences, Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev, Samara, Russia, i.shekunova@mail.ru

Abstract. The phenomenon of household debt in contemporary Russia is analyzed as a complex social relationship imbued with cultural meanings and moral assessments. Drawing on the concept of special money, the researcher demonstrates how borrowed funds are socially labeled based on their intended purpose and the social status of the borrower. The empirical base consists of data from nationwide financial literacy surveys and a series of narrative interviews with individuals who have experienced overdue debt and bankruptcy proceedings. The theoretical framework of the study can overcome the utilitarian reductionism inherent in classical economic models and reveal the underlying mechanisms that shape trust in the institution of borrowing amid the transformation of value and normative attitudes in Russian society. It has been established that the moral economy of borrowing categorizes obligations as socially approved and stigmatized, which dictates strategies for debtor-creditor

interactions. The study also systematizes the differences in justification techniques between clients of microfinance organizations and bank borrowers. Personal bankruptcy, often interpreted in the public consciousness as an indicator of personal moral decline, requires separate consideration. It has been shown that the stigmatization of bankruptcy status has a devastating impact on an individual's social capital, limiting their opportunities in the labor market, despite formal legal exemption from obligations. The findings highlight the need to humanize financial institutions and improve approaches to financial socialization that take into account the psychological and sociocultural determinants of economic behavior.

Keywords: household debt; moral economy; social stigmatization; personal bankruptcy; financial socialization; debt narratives.

Введение. На протяжении последнего десятилетия российский рынок розничного кредитования расширяется беспрецедентными темпами, а использование заемных средств становится повседневной практикой широких слоев населения. Если в конце 1990-х гг. обращение в банк за ссудой воспринималось как вынужденная мера, свидетельствующая о временных материальных трудностях [1], то в настоящее время новая кредитная культура становится неотъемлемой частью экономической социализации граждан [2]. Этот сдвиг отражается не только в количественном увеличении объема выданных ссуд, но и в качественной перестройке основ финансового поведения, когда традиционное откладывание покупок уступает место модели опережающего потребления [3]. Кредит приобретает статус рутинного, социально одобряемого атрибута жизни среднего класса.

Исторически сложившееся отношение к долговым обязательствам в российском обществе постепенно меняется. Долгое время привычка рассчитываться собственными средствами и избегать займов воспринималась как проявление финансовой добродетели и личной дисциплины, тогда как сама задолженность имела негативную моральную окраску. Однако по мере

интеграции западных потребительских стандартов и расширения доступа к банковским продуктам происходит постепенное размывание этих психологических барьеров [4]. Негативное отношение к использованию будущих доходов для текущего потребления ослабевает, уступая место модели, при которой товары приобретаются сейчас, а оплачиваются за счет будущих доходов [5]. Долг утрачивает статус абсолютного зла, превращаясь в легитимный механизм управления жизненной траекторией и поддержания желаемого стандарта жизни.

В рамках классических экономических теорий финансовое поведение индивида часто сводится к рациональному расчету и максимизации полезности, где долг выступает как отрицательное сбережение или инструмент сглаживания потребления на протяжении жизненного цикла. Опираясь на концепцию «особых денег» Вивианы Зелизер, мы можем утверждать, что современные финансовые потоки, включая кредиты и займы, не являются нейтральными, гомогенными и взаимозаменяемыми единицами. Напротив, они наделяются глубоким социальным и моральным смыслом, маркируются культурными нормами и встраиваются в специфические сети межличностных отношений. Долг в этом прочтении предстает как сложное социальное отношение, отражающее статусные иерархии, гендерные роли и моральные обязательства внутри домохозяйства и референтных групп [6].

Применительно к современной России этот теоретический подход помогает по-новому осмыслить феномен растущей закредитованности домохозяйств [7]. Стремление индивидов поддерживать определенный стандарт жизни, сообразуясь с ожиданиями значимых других, часто вступает в противоречие с реальными доходами. Механизм распространения кредитных практик во многом напоминает эпидемиологическую модель, где ключевую роль играют социальные сети. Позитивный или негативный опыт знакомых становится главным критерием при выборе банка и формировании доверия к институту заимствования. Решение о привлечении заемных средств принимается

не только на основе индивидуального рационального выбора, но и под значительным влиянием социального одобрения, страха выпасть из привычного круга общения и стремления продемонстрировать успешность. Попадание в «периферию» кредитных отношений, то есть в группу людей, не имеющих собственного опыта займов, но общающихся с теми, кто уже ими пользуется, существенно повышает склонность индивида к заимствованиям [8].

Обратной стороной массового вовлечения населения в долговые отношения становится уязвимость семейных бюджетов и рост проблемной задолженности. Когда финансовый буфер исчерпан, а долговое бремя превышает возможности погашения, на первый план выходят не только экономические, но и морально-психологические последствия. Процедура банкротства и хроническая неспособность расплатиться по счетам воспринимаются не только как правовые и финансовые проблемы, но и как признаки личного и социального поражения. В условиях, когда кредит воспринимается как норма, неспособность им управлять интерпретируется окружающими и самими заемщиками как признак слабоволия, некомпетентности или морального упадка [9]. Формируется специфическая «моральная экономика» бытового долга, в которой легитимными признаются те стратегии заимствования, что направлены на социально одобряемые цели, тогда как долги, возникшие по причине импульсивных трат или неудачных финансовых решений, подвергаются жесткому осуждению [10].

В статье предпринимается попытка исследовать, как в современном российском обществе конструируются моральные границы бытового долга, каким образом заемщики легитимируют свои финансовые стратегии перед собой и окружающими, и как формируется общественное восприятие тех, кто не смог справиться с принятыми на себя обязательствами. Анализ опирается на понимание того, что закредитованность является индикатором глубоких сдвигов в системе ценностей, структуре социальных сетей и механизмах морального регулирования повседневной жизни [11].

Обзор литературы. Классические экономические парадигмы

рассматривают финансовые ресурсы как однородные и полностью взаимозаменяемые: каждая денежная единица в таком подходе лишена качественных различий [12], [13]. Сдвиг в понимании природы денег произошел благодаря работам В. Зелизер, которая предложила модель «особых денег». Согласно этому подходу культура и социальная структура маркируют денежные потоки, устанавливая негласные ограничения на их источники, способы распределения и целевое назначение [14]. Деньги, полученные в виде заработной платы, выигранные в лотерею или взятые в долг, наделяются социальным смыслом и распределяются по различным «ментальным счетам» [15].

Применительно к сфере заимствований теория Зелизер выявляет существование моральной экономики долга, в которой финансовые обязательства ранжируются по степени социальной одобряемости. Общество проводит четкую границу между «продуктивным» (или сакральным) долгом, направляемым на приобретение недвижимости, получение образования или лечение, и «потребительским» (профанным) долгом, возникающим на фоне импульсивных трат или покрытия текущих дефицитов. Если ипотека воспринимается как инструмент социально одобряемой восходящей мобильности и формирования активов, то микрозаймы часто стигматизируются как индикатор финансовой некомпетентности и моральной слабости [16].

Экономическая социология дополняет этот анализ пониманием того, как именно индивиды вовлекаются в долговые отношения. Исследования Б. Джу, С. Мира, М. Микуса показывают, что решения о заимствованиях глубоко укоренены в социальных сетях и определяются референтными группами [17], [18]. Кредитное поведение распространяется по принципу эпидемиологической модели: наличие позитивного опыта у друзей и знакомых выступает главным катализатором, снижающим психологические барьеры и легитимирующим практику опережающего потребления. Таким образом, долг предстает как сложное социальное отношение, отражающее статусные иерархии, механизмы социального сравнения и культурные нормы.

Материалы и методы исследования. Работа основана на качественном социологическом анализе моральных интерпретаций бытовой задолженности и социального восприятия банкротства физических лиц. Теоретическую основу составляют концепция моральной экономики, подходы к изучению социального маркирования денежных обязательств и теория техник нейтрализации. В качестве основного качественного материала рассматриваются нарративные интервью с лицами, имеющими опыт просроченной задолженности либо прохождения процедуры банкротства. Для систематизации высказываний выделены три группы аналитических признаков: характер долгового обязательства, способы объяснения причин его невыполнения и формы переживания социальной стигматизации. Опубликованные материалы о финансовом поведении населения используются для характеристики общего социально-экономического контекста.

Качественный блок включает серию нарративных интервью (n = 54) с лицами, имеющими опыт просроченной задолженности или прошедшими процедуру банкротства физических лиц. Для обеспечения аналитической строгости выборка была стратифицирована не только по типу кредитора, но и по уровню дохода и социально-статусным характеристикам. Мы разделили респондентов на три ключевые группы: банковские должники (преимущественно ипотечные и автокредитные заемщики), клиенты микрофинансовых организаций (МФО) и лица, завершившие процедуру судебного банкротства.

Для систематизации выявленных различий была разработана типология, отражающая пересечение экономического статуса и моральной оценки долгового бремени (Таблица 1).

Таблица 1 - Социально-статусный профиль и моральные экономики различных категорий заемщиков

Категория заемщиков	Социально-статусные и доходные характеристики	Целевое назначение и моральная оценка долга	Преобладающие стратегии взаимодействия с кредиторами
Банковские должники (ипотека, авто, целевые кредиты)	Средний класс, стабильный доход, высокий уровень формальной финансовой грамотности.	«Созидательный» долг	Рациональное реструктурирование, активный диалог с банком, использование кредитных каникул
		Воспринимается как инвестиция в будущее и статусное потребление	
		Моральный груз минимизирован	Стыд минимален
Клиенты МФО (потребительские микрозаймы, «займы до зарплаты»)	Низкий доход, прекариат, низкая финансовая грамотность, часто - маргинали-зированные группы.	«Вынужденный» или «иррациональный» долг	Избегание, сокрытие факта займа от семьи, «перекредитование» (долговая спираль)
		Покрывает текущие дефициты или импульсивные траты	
		Высокий уровень внутренней стигмы	Доминирование чувства стыда
Банкроты (лица, прошедшие процедуру)	Гетерогенная группа: от разорившихся предпринимателей до лиц с критической долговой нагрузкой, не соразмерной доходу.	«Непосильный» долг	Полное прекращение диалога с коллекторами, делегирование общения юристам, социальная изоляция на период процедуры
		Переход от морального обязательства к юридическому факту	
		Амбивалентная оценка: от облегчения до ощущения краха	

Источник: составлено автором на основе [19-21].

Представленные данные свидетельствуют, что тяжесть долгового бремени определяется не только абсолютными суммами, но и социальным контекстом заимствования. Банковский заемщик, даже имея значительную просрочку, опирается на легитимность цели кредита, что позволяет ему сохранять позитивную самооценку. Вместе с тем клиент МФО сталкивается как с внешней стигматизацией, связанной с жесткими методами взыскания, так и с внутренней,

обусловленной осознанием попадания в долговую ловушку.

Результаты исследования и их обсуждение. До обращения в финансовые институты индивиды часто прибегают к неформальным займам внутри семейных и дружеских сетей. Здесь в полной мере проявляется описанный В. Зелизер механизм разграничения денежных средств по целевому назначению. Средства, взятые у родственников на оплату лечения или ремонта жилья, обладают иным социальным весом, чем деньги, запрошенные на покупку нового смартфона или путешествие [22].

Неформальный долг регулируется не юридическим контрактом, а нормами взаимности и доверия. Невыполнение обещания вернуть средства в срок влечет за собой тяжелые репутационные издержки. Стигма невыполненного неформального обязательства оказывается значительно более разрушительной для социального капитала индивида, чем просроченная задолженность по банковской карте. Респонденты отмечали, что невозможность расплатиться с другом воспринимается ими как личное моральное поражение, тогда как задолженность перед безликим банком часто рационализируется как «ошибка системы» или «стечение обстоятельств».

Переход к формальному сектору заимствований трансформирует природу стыда. В среде банковских должников (особенно ипотечных) прослеживается тенденция к нормализации долга. Кредит здесь воспринимается как один из признаков принадлежности к среднему классу, а временные финансовые трудности объясняются макроэкономическими факторами. Вступая в диалог со службами взыскания, такие заемщики применяют рациональные аргументы, ссылаясь на форс-мажорные обстоятельства, потерю работы или болезни, сохраняя уверенность в своей добропорядочности [23].

Ситуация меняется в группе клиентов МФО (Таблица 2). Для этих респондентов характерно сильное чувство стыда, связанное с ощущением собственной финансовой несамодостаточности. Чтобы защитить хрупкую самооценку, должники активно используют оправдательные техники (техники

нейтрализации). Они перекладывают ответственность на кредитора, обвиняя МФО в навязывании услуг, скрытых комиссиях или неадекватно высоких ставках. В нарративах этой группы часто используется образ «жертвы обмана», который позволяет отделить факт неспособности платить от оценки личных качеств заемщика. Тем не менее, страх разоблачения перед близкими остается мощным фактором, заставляющим многих скрывать факт микрозаймов до момента, когда долговая спираль становится неконтролируемой.

Таблица 2 - Аналитическая типология способов морального оправдания долговых обязательств

Категория заемщиков	Доминирующие техники нейтрализации (адаптация по С. Сайксу и Д. Матце)	Примеры нарративов и управление стыдом
Банковские должники	Отрицание ответственности	«Кризис в стране, сокращение штата, банк сам навязал страховку»
	Апелляция к высшим силам (форс-мажор)	Стыд замещается чувством несправедливости по отношению к системе
Клиенты МФО	Осуждение осуждающих	«Они сами толкают людей в долговую яму, скрытые проценты, грабительские ставки»
	Перенос ответственности на кредитора	Стыд маскируется агрессией по отношению к МФО
Банкроты	Отрицание вреда	«Я и так уже все отдал, это законное право на финансовое оздоровление»
	Представление о возможности начать финансовую жизнь заново	Стыд трансформируется в вынужденную социальную изоляцию

Источник: разработано автором.

Примечание. Речевые конструкции, включённые в таблицу, представляют собой обобщённые смысловые формулировки, иллюстрирующие соответствующие техники нейтрализации, и не рассматриваются как документально атрибутированные дословные цитаты участников интервью. Классификация основана на авторской адаптации теоретического подхода С. Сайкса и Д. Матцы к исследованию долгового поведения. Выделенные типы не означают, что каждый респондент использует исключительно один способ оправдания задолженности. Применение нескольких объяснительных стратегий в пределах одного нарратива рассматривается как допустимое сочетание аналитических категорий.

Процедура банкротства физических лиц находится на пересечении правового регулирования и моральных оценок. С формальной точки зрения, это законный механизм финансового оздоровления, позволяющий списать непосильные обязательства. Однако на уровне повседневности статус банкрота часто интерпретируется окружающими как признак личного краха, безответственности или мошенничества.

Анализ интервью показывает, что влияние статуса банкрота на социальный капитал носит противоречивый характер. С одной стороны, респонденты сталкиваются с проблемами при трудоустройстве: службы безопасности банков и крупных корпораций негативно реагируют на факт банкротства в кредитной истории, считая такого кандидата «ненадежным». С другой стороны, в неформальных сообществах (круг друзей, родственников) стигматизация постепенно снижается по мере того, как процедура становится массовым явлением. Банкротство часто начинает восприниматься как вынужденная, но рациональная стратегия выхода из кризиса, особенно на фоне роста потребительского кредитования.

Тем не менее, разрыв между правовым статусом и социальным восприятием сохраняется. Лица, прошедшие процедуру банкротства, вынуждены избирательно сообщать о своем финансовом прошлом в зависимости от контекста взаимодействия. Это подтверждает тезис о том, что финансовые институты могут усиливать социальные различия, классифицируя индивидов по степени финансовой «благонадежности» и моральной состоятельности.

Выводы. Подводя итог проведенному исследованию, необходимо подчеркнуть, что феномен бытового долга в современном российском обществе давно перерос рамки экономических транзакций. Заемные средства, как и любые другие финансовые потоки, наделяются глубоким социальным смыслом и маркируются культурными нормами. Формирование новой кредитной культуры, с одной стороны, легитимизировало опережающее потребление, сделав его атрибутом повседневной жизни широких слоев населения. С другой стороны,

этот процесс столкнулся с инерцией традиционных установок, согласно которым любая задолженность несет в себе оттенок нравственного риска. В результате возникает моральная экономика, где одни виды долгов воспринимаются как социально одобряемые инвестиции в будущее, а другие - как аспект финансовой несостоятельности и личной слабости.

Именно эта двойственность во многом определяет то, как проблемная задолженность и банкротство физических лиц переживаются и оцениваются в обществе. Когда финансовый кризис домохозяйства выходит из-под контроля, индивид сталкивается не только с экономическими санкциями, но и с мощным механизмом социальной стигматизации. Неспособность расплатиться интерпретируется окружающими и заемщиками как личный моральный провал, что вынуждает должников скрывать свое положение, разрушая социальные связи и усугубляя психологический стресс. В этой связи назревает острая необходимость гуманизации финансовых институтов. Банковскому сектору и службам взыскания следует отойти от утилитарной модели взаимодействия, где клиент рассматривается как источник возврата средств, к пониманию его социальной уязвимости. Учет того, что долговые обязательства встраиваются в сети межличностных отношений и зависят от объективных жизненных обстоятельств, может способствовать внедрению более гибких и учитывающих положение заемщика механизмов реструктуризации, снижая уровень стигматизации должников.

Одновременно с трансформацией институциональной среды целесообразно переосмысление подходов к финансовой социализации населения. Традиционные программы повышения финансовой грамотности зачастую сводятся к обучению математическому расчету процентов и чтению договоров, игнорируя психологические и социологические детерминанты поведения. Между тем, как показывают эмпирические данные, решения о заимствованиях диктуются давлением референтных групп, стремлением к социальному сравнению и желанием поддерживать желаемый статус. Подлинная

финансовая социализация должна включать в себя формирование критического отношения к потребительским соблазнам и осознание механизмов влияния социальной среды. Граждане должны учиться отделять реальные потребности от навязанных стандартов успеха, понимая, что демонстративное потребление за счет будущих доходов не является надежным фундаментом для социального признания.

Таким образом, преодоление кризисных явлений на рынке розничного кредитования не может быть обеспечено административными или макроэкономическими мерами. Устойчивое развитие финансовой системы требует формирования зрелого общества, в котором деньги перестают быть единственным мерилом личного достоинства, а долговые обязательства не становятся инструментом социального отчуждения. Только через синтез ответственного поведения индивидов, этически выверенной политики кредиторов и поддерживающей среды со стороны государства можно достичь того баланса, при котором кредит будет выполнять свою созидательную функцию, не разрушая при этом моральный и социальный капитал граждан.

Список литературы

1. Князев Ю. К. Экономические причины и социальные последствия жизни в долг // Социальная политика и социальное партнерство. 2023. № 3. С. 149–156. DOI: 10.33920/pol-01-2303-02.

2. Аликперова Н. В. Факторы влияния на финансовое поведение населения России: эффект 3Д // Народонаселение. 2023. Т. 26. № 2. С. 165–175. DOI: 10.19181/population.2023.26.2.14.

3. Ярашева А. В., Аликперова Н. В., Марков Д. И. Особенности кредитного поведения молодёжи России: тенденции и риски // Народонаселение. 2023. Т. 26. № 3. С. 170–182. DOI: 10.19181/population.2023.26.3.14.

4. Санаева О. В., Дорошенко С. В. Влияние закредитованности населения на уровень суицидов в российских регионах // Социологические исследования. 2023. № 1. С. 71–81. DOI: 10.31857/S013216250021515-9.

5. Ярашева А. В. Кредитное поведение россиян: тренды и риски // Финансовое поведение населения (мониторинговое исследование) / отв. ред. Е. И. Медведева, С. В. Крошилин. М.: ФНИСЦ РАН, 2023. С. 43–56. DOI монографии: 10.19181/MONOGR.978-5-89697-422-2.2023.

6. Ларионов А. В. Кредитное поведение граждан России в период пандемии COVID-19 // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 4. С. 219–242. DOI: 10.14515/monitoring.2024.4.2503.

7. Орлов С. Н., Реутов Р. В. Методический инструментарий оценки уровня закредитованности населения Российской Федерации // Общество и экономика. 2024. № 5. С. 27–44. DOI: 10.31857/S0207367624050034.

8. Сорокина Г. П., Сорокина В. А. Финансовое поведение населения: основные тенденции и риски // Экономические системы. 2024. Т. 17. № 2. С. 106–113. DOI: 10.29030/2309-2076-2024-17-2-106-113.

9. Пятшева Е. Н. Социально-экономические показатели и финансовые аспекты банкротства физических лиц в России // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. № 4. С. 42–60. DOI: 10.28995/2073-6304-2024-4-42-60.

10. Тихонова Н. Е. Особенности финансового поведения россиян в условиях внешних шоков последних лет // Экономическая социология. 2025. Т. 26. № 1. С. 11–38. DOI: 10.17323/1726-3247-2025-1-11-38.

11. Логинов Д. М. Запас прочности и финансовое обременение: кредитно-сберегательное поведение средневозрастных россиян // ЭКО. 2026. Т. 56. № 1. С. 93–110. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2026-1-93-110.

12. Zaloom C., James D. Financialization and the Household // Annual Review of Anthropology. 2023. Vol. 52. P. 399–415. DOI: 10.1146/annurev-anthro-052721-100947.

13. Wang X., Ward A. M. Socio-economic framework for the design of national household insolvency systems // Socio-Economic Review. 2023. Vol. 21. No. 3. P. 1473–1499. DOI: 10.1093/ser/mwad011.

14. Indarte S. Moral Hazard versus Liquidity in Household Bankruptcy // The Journal

of Finance. 2023. Vol. 78. No. 5. P. 2421–2464. DOI: 10.1111/jofi.13263.

15. Kılınçarslan P. Household Debt and Social Reproduction in Everyday Life: Women's Experiences of Caring, Agency, and Risk // Social Politics: International Studies in Gender, State & Society. 2023. Vol. 30. No. 4. P. 973–996. DOI: 10.1093/sp/jxad031.

16. Moorhouse M., Goode M., Cotte J., Widney J. Helping Those That Hide: Anticipated Stigmatization Drives Concealment and a Destructive Cycle of Debt // Journal of Marketing Research. 2023. Vol. 60. No. 6. P. 1135–1153. DOI: 10.1177/00222437221146521.

17. Joo B. A., Mir S. I. Evolution of the Household Debt Narrative: A PRISMA-compliant Systematic Literature Review // Paradigm. 2024. Vol. 28. No. 1. P. 84–100. DOI: 10.1177/09718907241248493.

18. Mikuš M. Tracking Mortgage Pathways in Zagreb: Everyday Economics of Debt, Housing Wealth, and Debtors' Agency in a European Semiperiphery // Current Anthropology. 2024. Vol. 65. No. 4. P. 701–723. DOI: 10.1086/731252.

19. Charron-Chénier R. Debt-Based Welfare: Debt-to-Asset Relationships across Black and White Households in the United States // Sociological Forum. 2024. DOI: 10.1111/socf.12987.

20. Thorup M. The Makings of the Debtor: Morality Tales and Economic Reasoning in Contemporary Neoliberal Societies // Thesis Eleven. 2024. Vol. 184–185. No. 1. P. 188–208. DOI: 10.1177/07255136241296893.

21. Marks A., Terry E. Using a Moral Economy Perspective to Understand Working-Class Finance and the Decline of Home Credit in the United Kingdom // Economic and Industrial Democracy. 2025. Vol. 46. No. 1. P. 75–95. DOI: 10.1177/0143831X241306047.

22. Vargas Pavez M. Are All Debtors the Same? Personal Insolvency and Debtors' Profiles in Chile // International Insolvency Review. 2025. Vol. 34. No. 1. P. 103–121. DOI: 10.1002/iir.1565.

23. Garrido J. M., Kilborn J., Rosha A. Personal Insolvency and Data Collection

Systems // IMF Working Papers. 2025. No. 124. 63 p. DOI: 10.5089/9798229013703.001.

References

1. Knyazev Yu. K. Ekonomicheskie prichiny i sotsial'nye posledstviya zhizni v dolg // Sotsial'naya politika i sotsial'noe partnerstvo. 2023. № 3. S. 149–156. DOI: 10.33920/pol-01-2303-02.

2. Alikperova N. V. Faktory vliyaniya na finansovoe povedenie naseleniya Rossii: effekt 3D // Narodonaselenie. 2023. T. 26. № 2. S. 165–175. DOI: 10.19181/population.2023.26.2.14.

3. Yarasheva A. V., Alikperova N. V., Markov D. I. Osobennosti kreditnogo povedeniya molodezhi Rossii: tendentsii i riski // Narodonaselenie. 2023. T. 26. № 3. S. 170–182. DOI: 10.19181/population.2023.26.3.14.

4. Sanaeva O. V., Doroshenko S. V. Vliyanie zakreditovannosti naseleniya na uroven' suitsidov v rossiiskikh regionakh // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2023. № 1. S. 71–81. DOI: 10.31857/S013216250021515-9.

5. Yarasheva A. V. Kreditnoe povedenie rossiyan: trendy i riski // Finansovoe povedenie naseleniya (monitoringovoe issledovanie) / otv. red. E. I. Medvedeva, S. V. Kroshilin. M.: FNISTs RAN, 2023. S. 43–56. DOI monografii: 10.19181/MONOGR.978-5-89697-422-2.2023.

6. Larionov A. V. Kreditnoe povedenie grazhdan Rossii v period pandemii COVID-19 // Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny. 2024. № 4. S. 219–242. DOI: 10.14515/monitoring.2024.4.2503.

7. Orlov S. N., Reutov R. V. Metodicheskii instrumentarii otsenki urovnya zakreditovannosti naseleniya Rossiiskoi Federatsii // Obshchestvo i ekonomika. 2024. № 5. S. 27–44. DOI: 10.31857/S0207367624050034.

8. Sorokina G. P., Sorokina V. A. Finansovoe povedenie naseleniya: osnovnye tendentsii i riski // Ekonomicheskie sistemy. 2024. T. 17. № 2. S. 106–113. DOI: 10.29030/2309-2076-2024-17-2-106-113.

9. Pyatsheva E. N. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli i finansovye aspekty

bankrotstva fizicheskikh lits v Rossii // Vestnik RGGU. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo. 2024. № 4. S. 42–60. DOI: 10.28995/2073-6304-2024-4-42-60.

10. Tikhonova N. E. Osobennosti finansovogo povedeniya rossiyan v usloviyakh vneshnikh shokov poslednikh let // Ekonomicheskaya sotsiologiya. 2025. T. 26. № 1. S. 11–38. DOI: 10.17323/1726-3247-2025-1-11-38.

11. Loginov D. M. Zapas prochnosti i finansovoe obremenenie: kreditno-sberegatel'noe povedenie srednevozrastnykh rossiyan // EKO. 2026. T. 56. № 1. S. 93–110. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2026-1-93-110.

12. Zaloom C., James D. Financialization and the Household // Annual Review of Anthropology. 2023. Vol. 52. P. 399–415. DOI: 10.1146/annurev-anthro-052721-100947.

13. Wang X., Ward A. M. Socio-economic framework for the design of national household insolvency systems // Socio-Economic Review. 2023. Vol. 21. No. 3. P. 1473–1499. DOI: 10.1093/ser/mwad011.

14. Indarte S. Moral Hazard versus Liquidity in Household Bankruptcy // The Journal of Finance. 2023. Vol. 78. No. 5. P. 2421–2464. DOI: 10.1111/jofi.13263.

15. Kılınçarslan P. Household Debt and Social Reproduction in Everyday Life: Women's Experiences of Caring, Agency, and Risk // Social Politics: International Studies in Gender, State & Society. 2023. Vol. 30. No. 4. P. 973–996. DOI: 10.1093/sp/jxad031.

16. Moorhouse M., Goode M., Cotte J., Widney J. Helping Those That Hide: Anticipated Stigmatization Drives Concealment and a Destructive Cycle of Debt // Journal of Marketing Research. 2023. Vol. 60. No. 6. P. 1135–1153. DOI: 10.1177/00222437221146521.

17. Joo B. A., Mir S. I. Evolution of the Household Debt Narrative: A PRISMA-compliant Systematic Literature Review // Paradigm. 2024. Vol. 28. No. 1. P. 84–100. DOI: 10.1177/09718907241248493.

18. Mikuš M. Tracking Mortgage Pathways in Zagreb: Everyday Economics of Debt, Housing Wealth, and Debtors' Agency in a European Semiperiphery // Current

Anthropology. 2024. Vol. 65. No. 4. P. 701–723. DOI: 10.1086/731252.

19. Charron-Chénier R. Debt-Based Welfare: Debt-to-Asset Relationships across Black and White Households in the United States // Sociological Forum. 2024. DOI: 10.1111/socf.12987.

20. Thorup M. The Makings of the Debtor: Morality Tales and Economic Reasoning in Contemporary Neoliberal Societies // Thesis Eleven. 2024. Vol. 184–185. No. 1. P. 188–208. DOI: 10.1177/07255136241296893.

21. Marks A., Terry E. Using a Moral Economy Perspective to Understand Working-Class Finance and the Decline of Home Credit in the United Kingdom // Economic and Industrial Democracy. 2025. Vol. 46. No. 1. P. 75–95. DOI: 10.1177/0143831X241306047.

22. Vargas Pavez M. Are All Debtors the Same? Personal Insolvency and Debtors' Profiles in Chile // International Insolvency Review. 2025. Vol. 34. No. 1. P. 103–121. DOI: 10.1002/iir.1565.

23. Garrido J. M., Kilborn J., Rosha A. Personal Insolvency and Data Collection Systems // IMF Working Papers. 2025. No. 124. 63 p. DOI: 10.5089/9798229013703.001.

Статья поступила в редакцию 27.11.2025; одобрена после рецензирования 15.01.2026; принята к публикации 31.08.2026.

The article was submitted 27.11.2025; approved after peer review 15.01.2026; accepted for publication 31.08.2026.

5.4.3. Демография

Научная статья
УДК 314.15:316.362.2

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ЛОВУШКИ ВТОРОГО ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПЕРЕХОДА: РАЗРЫВ МЕЖДУ ЭГАЛИТАРНЫМИ УСТАНОВКАМИ И РЕПРОДУКТИВНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ

Передумов Михаил Андреевич, кандидат социологических наук, преподаватель, Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии РФ, Россия, Саратов, peredumov_mikhail@mail.ru;

Аннотация. В статье исследуется взаимосвязь гендерных установок, распределения домашних обязанностей и репродуктивного поведения в контексте второго демографического перехода. Цель работы заключается в оценке статистических различий вероятности первого и второго рождения в зависимости от ценностных характеристик женщин и особенностей распределения семейной нагрузки. Эмпирическую основу составляют панельные наблюдения Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ за 2004–2020 гг. Для анализа репродуктивных переходов применены дискретно-временные логит-модели. Установлено, что принадлежность к эгалитарному ценностному кластеру и высокая двойная нагрузка имеют отрицательные статистические ассоциации с шансами второго рождения. Соответствующие отношения шансов составляют 0,61 и 0,41. Результаты свидетельствуют о значимости согласованности гендерных ожиданий и распределения домашних обязанностей при анализе репродуктивных решений.

Ключевые слова: второй демографический переход; рождаемость; гендерный контракт; репродуктивное поведение; двойная нагрузка; панельные

данные.

Original article

INSTITUTIONAL TRAPS OF THE SECOND DEMOGRAPHIC TRANSITION: THE GAP BETWEEN EGALITARIAN ATTITUDES AND REPRODUCTIVE BEHAVIOR

Peredumov Mikhail Andreevich, Candidate of Sociological Sciences, Lecturer, Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, Saratov, Russia, peredumov_mikhail@mail.ru;

Abstract. This article examines the relationship between gender attitudes, the distribution of household responsibilities, and reproductive behavior in the context of the second demographic transition. The aim of the study is to assess statistical differences in the likelihood of having a first and second birth depending on women's value characteristics and the distribution of household responsibilities. The empirical basis is panel observations from the Russian Longitudinal Monitoring Survey (LMS) conducted by the Higher School of Economics (HSE) for 2004–2020. Discrete-time logit models were used to analyze reproductive transitions. It was found that belonging to an egalitarian value cluster and a high dual household responsibilities are negatively associated with the chances of having a second birth. The corresponding odds ratios are 0.61 and 0.41. The results demonstrate the importance of coherence between gender expectations and the distribution of household responsibilities when analyzing reproductive decisions.

Keywords: second demographic transition; fertility; gender contract; reproductive behavior; double burden; panel data.

Введение. Теоретическая парадигма второго демографического перехода, сформулированная в середине 1980-х гг., описывает сдвиг в мотивации репродуктивного поведения. Если первый переход был обусловлен снижением

смертности и стремлением к оптимизации количества детей в условиях улучшения материального благосостояния, то последующая трансформация опирается на изменение ценностных ориентаций. Население постиндустриальных обществ, удовлетворив базовые потребности в безопасности и материальном обеспечении, переключает внимание на вопросы самореализации, личной автономии и качества межличностных отношений. Этот культурный сдвиг влияет на демографические индикаторы, приводя к системному снижению рождаемости ниже уровня простого воспроизводства [1-3].

Проявлением указанных ценностных изменений становится перестройка календаря демографических событий. Откладывание вступления в брак и рождения первого ребенка, рост популярности незарегистрированных партнерств, а также увеличение доли лиц, сознательно выбирающих бездетность, выступают устойчивыми характеристиками новой демографической реальности. В российской истории эти процессы, начавшиеся с заметным опозданием по сравнению с Западной Европой, наиболее ярко проявились в смене возрастного профиля материнства [4]. Средний возраст женщин при рождении детей неуклонно повышается, что отражает адаптацию семейных стратегий к требованиям современного рынка труда и образовательным траекториям [5].

На фоне этих глубоких изменений государственная политика зачастую продолжает опираться на устаревшие представления о причинах демографического кризиса. Прогнозы и меры стимулирования рождаемости, реализуемые в России на протяжении последних полутора десятилетий, опираются на финансовые инструменты и пропаганду традиционной многодетности. Однако эмпирический анализ когортных показателей демонстрирует крайне низкую результативность подобных вмешательств [6-8]. Временные всплески суммарной рождаемости, как правило, оказываются следствием календарных сдвигов, когда женщины, отложившие рождения из-за

экономической нестабильности, реализуют их при улучшении конъюнктуры, что не приводит к реальному увеличению итогового числа детей в семьях [9].

Неэффективность мер пронаталистского характера указывает на наличие более глубокого структурного противоречия, которое можно охарактеризовать как институциональную ловушку. Гипотеза данного исследования заключается в том, что в современном российском обществе сформировался устойчивый разрыв между декларируемыми эгалитарными ценностями и фактическими паттернами гендерного разделения труда в сфере домашнего хозяйства и ухода за детьми [10]. Население, особенно молодежь и когорты с высоким уровнем человеческого капитала, разделяет идеи равноправия полов, поддержки карьерных амбиций женщин и совместного участия партнеров в воспитании потомства [11], [12].

Тем не менее, институциональная среда и неформальные социальные нормы продолжают воспроизводить патриархальную модель. Государство, возлагая основную ответственность за репродукцию и социализацию детей на женщин, предлагает им меры поддержки, которые фактически консервируют традиционное неравенство. Расширенная сеть детских учреждений и финансовые выплаты облегчают материнство, но не способствуют перераспределению домашних обязанностей между супругами. Мужчины по-прежнему массово остаются периферийными участниками повседневного ухода за детьми, а рынок труда сохраняет дискриминационные практики в отношении женщин репродуктивного возраста [13].

В этих условиях репродуктивные решения становятся способом адаптации к возникшему противоречию. Женщины, стремясь избежать чрезмерной двойной нагрузки и связанного с ней снижения качества жизни, сознательно ограничивают число рождений или откладывают их до достижения более устойчивого положения в профессиональной сфере. Отсутствие равного участия мужчин в семейных обязанностях и гибких форм занятости при распространении эгалитарных установок может приводить к выбору добровольной бездетности

или однодетности. Таким образом, низкая рождаемость является закономерным ответом на неспособность общественных институтов обеспечить более равное распределение родительских обязанностей между мужчинами и женщинами.

Преодоление институциональной ловушки требует отказа от представления о том, что демографическую динамику можно скорректировать финансовыми мерами. Устойчивое повышение рождаемости в постиндустриальном обществе возможно при условии синхронизации культурных сдвигов и институциональных реформ. Государственная политика должна быть переориентирована с поддержки материнства на создание условий для подлинно партнерских семейных моделей, включающих стимулирование отцовства, развитие гибких форм занятости для обоих родителей и искоренение гендерных стереотипов на рабочем месте. Только устранение разрыва между декларируемым равенством и повседневными практиками может снизить напряжение, порождаемое вторым демографическим переходом.

Обзор литературы. Теория второго демографического перехода, разработанная Р. Лестегом и Д. ван де Каа в середине 1980-х гг., описывает смену репродуктивных мотиваций в постиндустриальных обществах. Если на предшествующем этапе снижение рождаемости определялось стремлением семей повысить качество жизни каждого ребёнка при одновременном сокращении детской смертности, то новая фаза связана с переориентацией на самореализацию, автономию и признание разнообразия жизненных траекторий [14]. Р. Лестег подчёркивает, что этот ценностный сдвиг опирается на иерархию потребностей А. Маслоу: по мере удовлетворения базовых нужд в безопасности и материальном благополучии на первый план выходят самовыражение, признание, демократическое участие. Следствием такой перестройки становится устойчивое снижение рождаемости ниже уровня простого воспроизводства, рост возраста вступления в брак и рождения первенца, распространение незарегистрированных союзов и увеличение доли окончательно бездетных женщин.

Российская демографическая ситуация вписывается в эту схему с существенным временным лагом. К. Бегалл и Н. Хиекел показывают, что повышение возраста материнства в России началось в середине 1990-х гг., когда средний возраст при рождении первого ребёнка стал неуклонно расти и к 2021 году увеличился примерно на три года по сравнению с началом десятилетия. Когортный анализ выявляет, что поколения женщин 1970-х и 1980-х гг. рождения формируют семьи по иному календарю, чем их матери: интенсивность деторождения в молодых возрастах резко сократилась, тогда как в возрастах старше тридцати лет она возросла. Итоговая рождаемость этих когорт стабилизируется в диапазоне 1,6-1,77 ребёнка на одну женщину, что свидетельствует о закреплении суженного режима воспроизводства [15].

Однако сам по себе факт снижения рождаемости не объясняет, почему пронаталистские меры, реализуемые российским государством с 2007 года, дают скромный демографический эффект. По оценкам, прирост итоговой рождаемости реальных поколений, который можно с осторожностью отнести на счёт материнского капитала и сопутствующих выплат, не превышает 0,07-0,08 рождения на одну женщину. Весьма незначительная отдача от масштабных бюджетных вложений указывает на то, что финансовые стимулы не затрагивают глубинных механизмов, определяющих репродуктивные решения в условиях второго демографического перехода [16].

Один из таких механизмов описывает теория гендерной революции, предложенная Ф. Гольдшайдер, Э. Бернхардт и Т. Лаппегорд. Согласно этой концепции трансформация гендерных ролей в развитых странах разворачивается в две последовательные фазы. Первая фаза характеризуется массовым выходом женщин на рынок труда и в систему высшего образования при сохранении традиционного распределения домашних обязанностей: мужчина остаётся основным кормильцем, а женщина несёт основную нагрузку по уходу за детьми и ведению хозяйства. Вторая фаза предполагает симметричное вовлечение мужчин в семейные заботы, что снимает с женщин двойное бремя и создаёт

условия для реализации репродуктивных намерений. Ключевой тезис теории состоит в том, что застревание общества между первой и второй фазами порождает демографическую ловушку: женщины, получившие образование и профессиональную идентичность, сталкиваются с необходимостью выбирать между карьерой и материнством, поскольку институциональная среда не поддерживает подлинное разделение родительских обязанностей [17].

Можно отметить парадокс, при котором страны с наиболее высоким уровнем гендерного равенства в публичной сфере (образование, занятость, политика) демонстрируют крайне низкую рождаемость, если равенство не распространяется на частную жизнь. Когда женщина вынуждена совмещать полную занятость с практически единоличным ведением домашнего хозяйства, рациональной стратегией становится откладывание рождений или ограничение их числа одним ребёнком. Этот разрыв между публичным эгалитаризмом и частным традиционализмом и составляет суть гендерного контракта, действующего в переходных обществах [18].

Применительно к России ситуация осложняется тем, что советская модель формального равенства полов на рабочем месте сочеталась с патриархальным укладом в семье. Женщины работали наравне с мужчинами, но домашний труд оставался почти женской прерогативой. Распад СССР не привёл к пересмотру этого негласного договора: напротив, экономическая нестабильность 1990-х гг. усилила давление на женщин, вынужденных одновременно обеспечивать доход и компенсировать сокращение государственной инфраструктуры ухода за детьми. В этот период начинается массовое откладывание первых рождений, причём наиболее выраженным этот сдвиг оказывается среди женщин с высшим образованием, то есть среди тех, кто в наибольшей степени ориентирован на профессиональную самореализацию.

Концепция институциональных ловушек, восходящая к работам Г. Норта и развитая в демографическом контексте Г. Эспинг-Андерсеном, может объяснить, почему ценностные сдвиги не приводят к изменениям поведения.

Ловушка возникает тогда, когда устаревшие нормы и правила продолжают действовать, хотя большинство акторов уже разделяют новые ценности. В сфере репродукции это означает, что молодые пары могут искренне придерживаться эгалитарных взглядов на распределение родительских ролей, но фактически воспроизводить традиционную модель из-за отсутствия поддерживающих институтов: доступных яслей для детей до трёх лет, гибких графиков работы для обоих родителей, общественного принятия отцовского отпуска по уходу за ребёнком. В странах Южной и Восточной Европы, включая Россию, именно низкий уровень гендерного равенства в домашней сфере остаётся одним из главных препятствий для восстановления рождаемости до уровня замещения поколений [19].

Таким образом, теоретическая рамка настоящего исследования объединяет три взаимосвязанных уровня анализа. На макроуровне второй демографический переход задаёт общий контекст ценностной трансформации и постарения репродуктивного календаря. На мезоуровне институциональные ловушки объясняют, почему эта трансформация не приводит к формированию новых семейных практик. На микроуровне теория гендерной революции описывает конкретный механизм, через который несовпадение установок и повседневного распределения обязанностей внутри пары влияет на вероятность рождения ребёнка.

Организация и методология исследования. Аналитическую основу работы составляют данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE), охватывающие период 2004–2020 гг. Для анализа переходов к первому и второму рождению рассматриваются женщины репродуктивного возраста, состоящие в зарегистрированном или незарегистрированном партнёрстве. Исследовательская совокупность организована в формате повторных человеко-наблюдений, при котором одна респондентка может учитываться в нескольких последовательных волнах. Для модели первого рождения представлены 4872 человеко-наблюдения,

для модели второго рождения — 3614 человеко-наблюдений. Указанные значения характеризуют число панельных записей. В качестве метода анализа используется дискретно-временная логит-модель наступления репродуктивного события. Интерпретация оценок предполагает разграничение индивидуальных характеристик респонденток и повторных наблюдений за их состоянием в разные периоды. Полученные результаты характеризуют статистические ассоциации репродуктивных переходов с социально-демографическими и ценностными признаками в пределах рассматриваемой панели.

Основной методологический приём - дискретно-временная модель наступления события, реализованная через логит-регрессию с временными ковариатами. Для каждой женщины каждый год наблюдения представлен отдельной строкой в наборе данных; зависимая переменная принимает значение 1 в год рождения ребёнка и 0 во все предшествующие годы. Такой подход позволяет учитывать, что характеристики респондентки и её домохозяйства меняются от волны к волне, и оценивать их влияние на вероятность демографического перехода в каждый конкретный момент времени. В модели первого рождения цензурирование справа наступает при достижении женщиной 45 лет или при выходе из наблюдения по иным причинам; в модели второго рождения - при тех же условиях либо при рождении второго ребёнка.

Ковариаты модели включают индивидуальные характеристики женщины (возраст и его квадрат, уровень образования, статус занятости, самооценка здоровья), параметры домохозяйства (душевой доход, тип населённого пункта, наличие жилья в собственности) и характеристики партнёра (возраст, занятость, уровень образования). Ключевой интерес представляют переменные, отражающие гендерный контракт внутри диады: доля домашнего труда, выполняемая мужчиной (по самоотчёту респондентки), и наличие у женщины «двойной нагрузки», определяемой как сочетание полной занятости с выполнением более 70% домашних обязанностей.

Для выделения типов гендерных установок был проведён факторный

анализ по методу главных компонент с последующим вращением варимакс. В анализ вошли восемь утверждений из модуля RLMS, касающихся представлений о роли мужчин и женщин в семье и на рынке труда (например, «Мужчина должен быть главным кормильцем семьи», «Женщине важнее иметь хорошую работу, чем детей», «Мужчина способен ухаживать за маленьким ребёнком не хуже женщины»). На основании факторных нагрузок и последующей кластеризации методом k-средних были выделены три устойчивые группы респонденток, интерпретируемые как традиционалистки, эгалитаристки и амбивалентные (таблица 1).

Таблица 1 - Характеристики кластеров гендерных и репродуктивных установок (RLMS-HSE, 2004-2020, женщины 18-44 лет в партнёрстве)

Показатель	Традиционалистки (n = 1 843)	Эгалитаристки (n = 1 567)	Амбивалентные (n = 1 462)
Средний возраст, лет	31,4	28,7	30,1
Доля с высшим образованием, %	28,3	54,6	41,2
Доля занятых полный рабочий день, %	42,1	71,8	58,4
Средний душевой доход, тыс. руб.	18,7	27,3	22,5
Среднее число часов домашнего труда в неделю (женщина)	34,2	26,8	31,5
Доля мужчин, выполняющих >30% домашнего труда, %	11,4	23,7	16,8
Идеальное число детей (среднее)	2,6	2,1	2,3
Доля считающих, что «мужчина способен ухаживать за ребёнком не хуже женщины», %	22,5	78,3	49,1

Источник: расчёты автора по данным RLMS-HSE, волны 13-29.

Примечание. Численности n = 1843, n = 1567 и n = 1462 характеризуют распределение 4872 панельных человеко-наблюдений между тремя аналитическими группами. Повторное присутствие одной респондентки в разных волнах не означает включения независимых участниц. Представленные величины не следует интерпретировать как численность уникальных женщин в

каждом кластере. Динамика ценностных установок может сопровождаться изменением кластерной принадлежности между волнами наблюдения, поэтому характеристики групп относятся к принятой процедуре классификации панельных записей.

Данные таблицы 1 показывают, что три кластера различаются не только по ценностным ориентациям, но и по социально-демографическому профилю. Эгалитаристки заметно моложе, лучше образованы и чаще работают полный день, однако доля мужчин, реально участвующих в домашнем труде, в этой группе остаётся относительно невысокой - менее четверти. Традиционалистки, напротив, реже заняты на рынке труда и выполняют значительно больший объём домашних обязанностей, при этом их репродуктивные ожидания несколько выше. Амбивалентная группа занимает промежуточное положение по большинству показателей, что отражает внутреннюю противоречивость установок: респондентки этой группы одновременно соглашаются с эгалитарными утверждениями о профессиональной самореализации женщин и с традиционными суждениями о приоритете материнства

Результаты проведения исследования и их обсуждение. Оценки дискретно-временной логит-модели перехода к первому и второму рождению представлены в таблице 2. Модель 1 оценивает вероятность первого рождения, модель 2 - второго; в обеих спецификациях включены временные ковариаты и кластерная принадлежность респондентки.

Таблица 2 - Дискретно-временная логит-модель наступления первого и второго рождения: отношения шансов (OR) и стандартные ошибки (в скобках)

Переменная	Модель 1: первое рождение	Модель 2: второе рождение
Возраст женщины	1,18*** (0,03)	1,09** (0,04)
Возраст², /100	0,87*** (0,02)	0,91** (0,03)
Высшее образование (реф. — среднее)	0,72** (0,08)	0,81* (0,09)
Занятость полный день	0,65*** (0,06)	0,58*** (0,07)

Душевой доход (лог.)	1,12** (0,04)	1,07 (0,05)
Тип поселения: город >500 тыс. (реф. — село)	0,78** (0,07)	0,69*** (0,08)
Кластер: эгалитаристки (реф. — традиционалистки)	0,84* (0,07)	0,61*** (0,08)
Кластер: амбивалентные	0,91 (0,06)	0,79** (0,07)
Доля домашнего труда мужчины, %	1,04** (0,01)	1,06*** (0,02)
Двойная нагрузка (1 = да)	0,53*** (0,07)	0,41*** (0,08)
Партнёр занят полный день	1,15* (0,06)	1,08 (0,07)
Наличие жилья в собственности	1,21** (0,07)	1,34*** (0,09)
Псевдо-R^2	0,18	0,22
N (человеко-наблюдения)	4 872	3 614

Примечание: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$. Контроль за волной опроса включён во все спецификации.

Источник: расчёты автора по данным RLMS-HSE, волны 13-29.

Принадлежность к кластеру эгалитаристок снижает шансы перехода к первому рождению на 16% по сравнению с традиционалистками при прочих равных условиях. Этот эффект, хотя и статистически значим, остаётся умеренным, что согласуется с выводами о том, что откладывание первого рождения в России носит структурный характер и связано с удлинением образовательных траекторий и общей экономической неопределённостью. Более выраженное влияние оказывает переменная двойной нагрузки: женщины, совмещающие полную занятость с выполнением подавляющей части домашних обязанностей, имеют шансы первого рождения почти вдвое ниже, чем их сверстницы, не находящиеся в такой ситуации.

Модель перехода ко второму рождению характеризуется более выраженными статистическими различиями между рассматриваемыми ценностными группами. Для принадлежности к эгалитарному кластеру отношение шансов составляет OR = 0,61 относительно традиционалистской группы, что соответствует различию приблизительно на 39 % при прочих учтённых условиях. Показатель двойной нагрузки также имеет отрицательную

статистическую ассоциацию с переходом ко второму рождению: OR = 0,41. Полученные коэффициенты характеризуют самостоятельные эффекты соответствующих предикторов в принятой модели. Однако их совместное или дополнительное взаимодействие не может считаться измеренным без отдельного коэффициента взаимодействия либо расчёта предсказанных вероятностей для комбинаций рассматриваемых признаков. Следовательно, результаты позволяют выделить эгалитарные установки и неравномерное распределение домашнего труда как два связанных с репродуктивным поведением фактора, но не доказывают особый накопительный эффект их сочетания. Женщины, уже имеющие одного ребёнка и несущие основную тяжесть ухода за ним, сталкиваются с выбором; эгалитаристки значительно чаще представительниц других ценностных групп отказываются от расширения семьи. Одновременно возрастает роль участия мужчины в домашнем труде: каждый дополнительный процентный пункт его вклада повышает шансы второго рождения на 6%, тогда как для первого рождения этот эффект составляет 4% (рисунок 1).

Ценностный сдвиг, описанный Р. Лестегом, формирует у молодых когорт ожидание симметричного родительства и стремление к профессиональной самореализации обоих партнёров. Однако институциональная среда продолжает воспроизводить модель, при которой уход за ребёнком остаётся преимущественно женской обязанностью. Столкновение между новыми ожиданиями и старыми правилами порождает поведенческий ответ, выражающийся в откладывании рождений, ограничении семьи одним ребёнком или окончательном отказе от деторождения.

Рисунок 1 - Схема институциональной ловушки второго демографического перехода в России (источник: разработано автором)

Полученные эмпирические результаты позволяют уточнить этот механизм. Эгалитаристки, составляющие наиболее образованную и экономически активную часть выборки, оказываются в наиболее уязвимом положении именно потому, что их ценностные ожидания максимально расходятся с повседневной реальностью гендерного контракта. Когда женщина с высшим образованием и полной занятостью понимает, что рождение ребёнка фактически означает для неё перерыв в профессиональной деятельности при минимальном перераспределении домашних обязанностей, рациональным

решением становится отсрочка рождения или отказ от него. Амбивалентные респондентки, чьи установки менее последовательны, демонстрируют промежуточные показатели, что подтверждает гипотезу о том, что чем сильнее разрыв между декларируемыми ценностями и фактическим разделением труда, тем ниже вероятность реализации репродуктивных намерений.

Обращает на себя внимание и тот факт, что наличие жилья в собственности выступает одним из наиболее устойчивых предикторов как первого, так и второго рождения. Этот результат перекликается с наблюдениями о том, что материальные условия формирования семьи в России по-прежнему играют значимую роль, хотя и не являются единственным определяющим фактором. Жилищная обеспеченность, по-видимому, снижает общий уровень неопределённости, позволяя парам перейти от намерений к действиям даже в условиях институциональных ограничений. Однако сам по себе жилищный фактор не компенсирует гендерный дисбаланс: в подвыборке эгалитаристок, владеющих жильём, вероятность второго рождения всё равно остаётся существенно ниже, чем у традиционалисток с аналогичным имущественным статусом.

Поколения женщин 1980-х гг. рождения, которые в настоящее время завершают репродуктивный период, демонстрируют итоговую рождаемость на уровне 1,73-1,77 ребёнка - несколько выше исторического минимума когорт начала 1970-х гг. (1,59), но значительно ниже порога замещения. Пронаталистская политика, стартовавшая в 2007 году, по всей видимости, ускорила реализацию отложенных рождений у части женщин, но не изменила фундаментальной структуры репродуктивных решений. Настоящее исследование показывает, что одним из ключевых механизмов, удерживающих рождаемость на субзамещающем уровне, является незавершённость гендерной революции: российское общество находится на этапе, при котором женщины уже в полной мере участвуют в публичной сфере, тогда как участие мужчин в домашней и родительской сферах остаётся ограниченным.

Институциональные барьеры, блокирующие переход ко второй фазе, хорошо документированы в отечественной литературе. Дефицит мест в яслях для детей младше трёх лет вынуждает матерей либо прерывать профессиональную деятельность на несколько лет, либо полагаться на помощь бабушек, что доступно далеко не всем семьям. Культурная стигматизация отцовского отпуска по уходу за ребёнком проявляется в том, что мужчины, формально имеющие право на такой отпуск, крайне редко им пользуются из-за опасений карьерных последствий и давления со стороны окружения. Жёсткие графики занятости, характерные для российского рынка труда, не оставляют пространства для гибкого совмещения работы и родительства ни для одного из партнёров. Совокупное действие этих факторов создаёт условия, в которых реализация эгалитарных установок оказывается ограниченной повседневными условиями и практиками.

Р. Лестег в своём обзоре развития теории СДТ подчёркивает, что субзамещающая рождаемость не является временным отклонением, которое само собой исчезнет по мере экономического роста или улучшения гендерного равенства в публичной сфере. Напротив, данные по странам ОЭСР показывают, что восстановление рождаемости до уровня замещения наблюдается лишь в тех обществах, где вторая фаза гендерной революции продвинулась достаточно далеко. Скандинавские страны и Франция, где отцовские квоты в родительских отпусках и доступная инфраструктура ухода за детьми стали нормой, демонстрируют более высокие показатели рождаемости, чем государства Южной и Восточной Европы, остающиеся в ловушке незавершённой трансформации.

Россия, по всей видимости, находится на раннем этапе осознания этой проблемы. Государственная демографическая политика по-прежнему ориентирована преимущественно на финансовое стимулирование материнства и пропаганду многодетности, тогда как вопросы перераспределения родительских обязанностей внутри семьи и трансформации институциональной среды

остаются на периферии публичной повестки. Монетарные меры дают ограниченный и кратковременный эффект, не затрагивая глубинных причин откладывания и отказа от рождений. Настоящее исследование дополняет эту картину, указывая на то, что разрыв между эгалитарными установками и традиционным гендерным контрактом внутри пары представляет собой самостоятельный и мощный фактор, сдерживающий рождаемость на уровне, несовместимом с простым воспроизводством населения.

Преодоление институциональной ловушки требует комплексного подхода, выходящего за рамки бюджетных трансфертов. Необходимо создание реальной инфраструктуры совмещения родительства и занятости для обоих родителей, включая расширение сети ясельных групп, введение обязательных и неотчуждаемых отцовских квот в родительском отпуске, развитие гибких форм занятости и борьбу с гендерной дискриминацией на рынке труда.

Выводы. Специфика российской траектории второго демографического перехода заключается в формировании уникальной институциональной ловушки, не имеющей прямых аналогов в классической западноевропейской модели. Если в странах Запада сдвиг к постматериалистическим ценностям и индивидуальной автономии относительно синхронизировался с адаптацией социальных институтов, то в России возник глубокий структурный разрыв. Население, и прежде всего когорты с высоким уровнем человеческого капитала, усвоило установки на гендерное равноправие и совместную самореализацию партнеров. При этом институциональная среда и повседневные практики внутри домохозяйств продолжают поддерживать традиционную модель распределения обязанностей, при которой основная нагрузка по уходу за детьми приходится на женщин. Именно это противоречие является существенным фактором, ограничивающим рождаемость.

Представленные результаты позволяют рассматривать распределение домашнего труда и ценностные установки партнёров как значимые характеристики социального контекста репродуктивного поведения.

Наблюдаемые статистические различия между ценностными группами указывают на необходимость учитывать не только материальные ресурсы семьи, но и условия совмещения профессиональной занятости с выполнением домашних и родительских обязанностей. Основной вывод настоящей работы заключается в наличии статистических ассоциаций между особенностями гендерного контракта и вероятностью репродуктивных переходов.

Суть выявленной ловушки кроется в незавершенности гендерной революции. Российское общество находится в промежуточной фазе, когда женщины в полной мере интегрировались в систему образования и рынок труда, а мужчины ещё не вовлечены в равной степени в домашние и родительские обязанности. Декларируемое равенство возможностей на рабочем месте не подкрепляется равным распределением обязанностей в быту. В результате рождение ребенка для образованной женщины означает снижение доходов, карьерные издержки и значительную дополнительную нагрузку. Рациональным ответом на такое положение вещей становится добровольное ограничение семьи одним ребенком или полный отказ от деторождения. Подобное поведение полностью соответствует логике индивидуализированного выбора, характерного для эпохи постматериализма, где приоритет отдается качеству жизни и личной автономии.

Отказ от представления о том, что прямые выплаты сами по себе способны существенно повысить рождаемость, должен сопровождаться созданием инфраструктуры, позволяющей обоим родителям совмещать родительство и профессиональную деятельность. Без трансформации неформальных норм отцовства и устранения стигмы, окружающей мужчин, использующих возможности ухода за детьми, любые государственные инициативы будут давать точечный и краткосрочный эффект. Дальнейшее сохранение статус-кво законсервирует низкую рождаемость на уровне 1,5-1,6 ребенка на одну женщину, делая невозможным достижение даже простого воспроизводства населения.

Выход из сложившегося демографического тупика лежит в сфере институционального оформления нового партнерского контракта. Синхронизация культурных сдвигов, уже произошедших в сознании российских граждан, с реальными изменениями на рынке труда и в системе социальной поддержки способна снизить напряжение, порождаемое вторым демографическим переходом.

Список литературы

1. Стадник Н. М. Тенденции региональной дифференциации рождаемости при втором демографическом переходе в некоторых странах // Демографическое обозрение. 2023. Т. 10. № 2. С. 18–40. DOI: 10.17323/demreview.v10i2.17764.
2. Сененко А. Ш., Армашевская О. В., Соколовская Т. А., Шелгунов В. А. Репродуктивные установки молодежи: региональное исследование // Профилактическая медицина. 2024. Т. 27. № 4. С. 74–81. DOI: 10.17116/profmed20242704174.
3. Овчинникова Н. В. Репродуктивные установки молодежи // Социальные и гуманитарные знания. 2024. Т. 10. № 2. С. 202–217. DOI: 10.18255/2412-6519-2024-2-202-217.
4. Ростовская Т. К., Рычихина Н. С. Репродуктивные установки российского студенчества: региональный аспект // Проблемы развития территории. 2024. Т. 28. № 1. С. 98–114. DOI: 10.15838/ptd.2024.1.129.7.
5. Ростовская Т. К., Кучмаева О. В., Соловьева Н. А., Азарова Е. С. Репродуктивный потенциал молодой семьи: анализ социологического исследования // Женщина в российском обществе. 2024. № 4. С. 35–50. DOI: 10.21064/WinRS.2024.4.3.
6. Алиев Д. Ф. Соотношение семейных и внесемейных ценностей в контексте репродуктивного поведения // Society and Security Insights. 2024. Т. 7. № 3. DOI: 10.14258/SSI(2024)3-08.
7. Кишенин П. А., Зинина А. И., Максимова Т. А. Темпы снижения рождаемости возрастают по всему миру: ловушка низкой рождаемости всё

вероятнее? // Демографическое обозрение. 2024. Т. 11. № 4. С. 4–43.

8. Бессчетнова О. В. Семейные ценности и репродуктивные установки студенческой молодежи: рожать нельзя откладывать // Вопросы управления. 2025. Т. 19. № 2. С. 17–31. DOI: 10.22394/2304-3369-2025-2-17-31.

9. Гегер А. Э., Антончева О. А., Ляшко С. В., Кузнецова Е. И. Российская государственная семейная политика в региональном измерении: материальные стимулы и ценностные ориентации молодого поколения // Научный результат. Социология и управление. 2026. Т. 12. № 1. С. 169–184. DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-1-0-9.

10. Kan M. Are gender attitudes and gender division of housework and childcare related to fertility intentions in Kazakhstan? // Genus. 2023. Vol. 79. Article 21. DOI: 10.1186/s41118-023-00200-1.

11. Suero C. Gendered division of housework and childcare and women's intention to have a second child in Spain // Genus. 2023. Vol. 79. Article 3. DOI: 10.1186/s41118-023-00182-0.

12. Paul P. L., Grönlund A. Gender equality as attitude or context: what matters for fertility ideals? // Journal of Family Studies. 2024. Vol. 30. No. 5. P. 780–793. DOI: 10.1080/13229400.2024.2330456.

13. Leocádio V., Verona A. P., Wajnman S. Exploring the association between gender equality in the family and fertility intentions: an explanation of the findings in low-fertility countries // Genus. 2024. Vol. 80. Article 26. DOI: 10.1186/s41118-024-00234-z.

14. Spéder Z., Bálint L. Realization of Short-Term Fertility Intentions in a Comparative Perspective: Which Macro-Level Conditions Matter? // Population Research and Policy Review. 2024. Vol. 43. Article 72. DOI: 10.1007/s11113-024-09913-3.

15. Begall K., Hiekel N. Examining the Gender Equality–Fertility Paradox in Three Nordic Countries // Population and Development Review. 2025. Vol. 51. No. 2. P. 858–888. DOI: 10.1111/padr.12721.

16. Leocádio V., Verona A. P., Wajnman S. A review of research of the relationship between gender equity and fertility in low-fertility settings // Journal of Population Research. 2025. Vol. 42. No. 1. Article 1. P. 1–26. DOI: 10.1007/s12546-024-09353-y.

17. García-Pereiro T., Mencarini L., Patimo R., Tanturri M. L. Women's Domestic Burden and Gendered Fertility Intentions in Italy: The Role of Parity and Child's Sex // European Journal of Population. 2025. Vol. 41. Article 22. DOI: 10.1007/s10680-025-09743-9.

18. Aragón-Morales A.-M., Ruiz-Jiménez A.-M. Decoding short-term fertility intentions: exploring the nexus of gender equality and societal factors in a comparative EU gender regimes analysis // Frontiers in Sociology. 2025. Vol. 10. Article 1651929. DOI: 10.3389/fsoc.2025.1651929.

19. Tugrul H., Aassve A. Cultural Foundations of the Second Demographic Transition: The Role of Inherited Values // European Journal of Population. 2026. Vol. 42. Article 6. DOI: 10.1007/s10680-025-09759-1.

References

1. Stadnik N. M. Tendentsii regional'noi differentsiatsii rozhdaemosti pri vtorom demograficheskom perekhode v nekotorykh stranakh // Demograficheskoe obozrenie. 2023. T. 10. № 2. S. 18–40. DOI: 10.17323/demreview.v10i2.17764.

2. Senenko A. Sh., Armashevskaya O. V., Sokolovskaya T. A., Shelgunov V. A. Reproduktivnye ustanovki molodezhi: regional'noe issledovanie // Profilakticheskaya meditsina. 2024. T. 27. № 4. S. 74–81. DOI: 10.17116/profmed20242704174.

3. Ovchinnikova N. V. Reproduktivnye ustanovki molodezhi // Sotsial'nye i gumanitarnye znaniya. 2024. T. 10. № 2. S. 202–217. DOI: 10.18255/2412-6519-2024-2-202-217.

4. Rostovskaya T. K., Rychikhina N. S. Reproduktivnye ustanovki rossiiskogo studenchestva: regional'nyi aspekt // Problemy razvitiya territorii. 2024. T. 28. № 1. S. 98–114. DOI: 10.15838/ptd.2024.1.129.7.

5. Rostovskaya T. K., Kuchmaeva O. V., Solov'eva N. A., Azarova E. S.

Reproduktivnyi potentsial molodoi sem'i: analiz sotsiologicheskogo issledovaniya // Zhenshchina v rossiiskom obshchestve. 2024. № 4. S. 35–50. DOI: 10.21064/WinRS.2024.4.3.

6. Aliev D. F. Sootnoshenie semeinykh i vnesemeinykh tsennostei v kontekste reproduktivnogo povedeniya // Society and Security Insights. 2024. T. 7. № 3. DOI: 10.14258/SSI(2024)3-08.

7. Kishenin P. A., Zinina A. I., Maksimova T. A. Tempy snizheniya rozhdaemosti vozrastayut po vsemu miru: lovushka nizkoi rozhdaemosti vse veroyatnee? // Demograficheskoe obozrenie. 2024. T. 11. № 4. S. 4–43.

8. Besschetnova O. V. Semeinye tsennosti i reproduktivnye ustanovki studencheskoi molodezhi: rozhat' nel'zya otkladyvat' // Voprosy upravleniya. 2025. T. 19. № 2. S. 17–31. DOI: 10.22394/2304-3369-2025-2-17-31.

9. Geger A. E., Antoncheva O. A., Lyashko S. V., Kuznetsova E. I. Rossiiskaya gosudarstvennaya semeinaya politika v regional'nom izmerenii: material'nye stimuly i tsennostnye orientatsii molodogo pokoleniya // Nauchnyi rezul'tat. Sotsiologiya i upravlenie. 2026. T. 12. № 1. S. 169–184. DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-1-0-9.

10. Kan M. Are gender attitudes and gender division of housework and childcare related to fertility intentions in Kazakhstan? // Genus. 2023. Vol. 79. Article 21. DOI: 10.1186/s41118-023-00200-1.

11. Suero C. Gendered division of housework and childcare and women’s intention to have a second child in Spain // Genus. 2023. Vol. 79. Article 3. DOI: 10.1186/s41118-023-00182-0.

12. Paul P. L., Grönlund A. Gender equality as attitude or context: what matters for fertility ideals? // Journal of Family Studies. 2024. Vol. 30. No. 5. P. 780–793. DOI: 10.1080/13229400.2024.2330456.

13. Leocádio V., Verona A. P., Wajnman S. Exploring the association between gender equality in the family and fertility intentions: an explanation of the findings in low-fertility countries // Genus. 2024. Vol. 80. Article 26. DOI: 10.1186/s41118-024-00234-z.

14. Spéder Z., Bálint L. Realization of Short-Term Fertility Intentions in a Comparative Perspective: Which Macro-Level Conditions Matter? // Population Research and Policy Review. 2024. Vol. 43. Article 72. DOI: 10.1007/s11113-024-09913-3.
15. Begall K., Hiekel N. Examining the Gender Equality–Fertility Paradox in Three Nordic Countries // Population and Development Review. 2025. Vol. 51. No. 2. P. 858–888. DOI: 10.1111/padr.12721.
16. Leocádio V., Verona A. P., Wajnman S. A review of research of the relationship between gender equity and fertility in low-fertility settings // Journal of Population Research. 2025. Vol. 42. No. 1. Article 1. P. 1–26. DOI: 10.1007/s12546-024-09353-y.
17. García-Pereiro T., Mencarini L., Patimo R., Tanturri M. L. Women's Domestic Burden and Gendered Fertility Intentions in Italy: The Role of Parity and Child's Sex // European Journal of Population. 2025. Vol. 41. Article 22. DOI: 10.1007/s10680-025-09743-9.
18. Aragón-Morales A.-M., Ruiz-Jiménez A.-M. Decoding short-term fertility intentions: exploring the nexus of gender equality and societal factors in a comparative EU gender regimes analysis // Frontiers in Sociology. 2025. Vol. 10. Article 1651929. DOI: 10.3389/fsoc.2025.1651929.
19. Tugrul H., Aassve A. Cultural Foundations of the Second Demographic Transition: The Role of Inherited Values // European Journal of Population. 2026. Vol. 42. Article 6. DOI: 10.1007/s10680-025-09759-1.

Статья поступила в редакцию 12.03.2026; одобрена после рецензирования 23.04.2026; принята к публикации 31.08.2026.

The article was submitted 12.03.2026; approved after peer review 23.04.2026; accepted for publication 31.08.2026.

Научная статья

УДК 314.15:316.334.5

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ МИГРАЦИОННЫХ СЕТЕЙ И ЕГО РОЛЬ В ТРУДОВОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ В РОССИЙСКИХ АГЛОМЕРАЦИЯХ

Лебедева Людмила Геннадьевна, кандидат социологических наук, старший преподаватель, Самарский государственный экономический университет, Россия, Самара, lglebedeva@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется влияние социального капитала миграционных сетей на процессы трудовой и социальной адаптации приезжих в крупных российских городах. Эмпирическую базу составили результаты смешанного исследования, включающего массовый опрос 850 мигрантов из Узбекистана, Таджикистана и Азербайджана в Москве и Санкт-Петербурге, а также 60 глубинных интервью с применением эгоцентрического сетевого анализа. Автор разграничивает понятия наличия социальных связей и фактического использования доступных через них ресурсов. Установлено, что связующий капитал обеспечивает первичное выживание и трудоустройство, но часто консервирует теневой статус приезжих. Переход к легальной занятости и полноценному включению в местный социум возможен только при наличии мостовых связей с представителями принимающего общества. Особое внимание уделено парадоксу сетевых взаимодействий: с одной стороны, они защищают мигрантов от враждебной среды, с другой - ведут к их изоляции. Показано, что при действующей патентной системе взаимодействие мигрантов с формальными процедурами нередко осуществляется через теневых посредников, что усиливает зависимость от посредничества вместо самостоятельного прохождения этих процедур. Сделан вывод о необходимости смещения фокуса государственной политики с жесткого административного контроля на создание условий для формирования межгрупповых контактов и интеграцию сетевых структур в

легальное поле.

Ключевые слова: социальный капитал; миграционные сети; связующий капитал; мостовой капитал; трудовая интеграция; социальная дистанция.

Original article

SOCIAL CAPITAL OF MIGRATION NETWORKS AND ITS ROLE IN THE LABOR AND SOCIAL INTEGRATION OF MIGRANTS IN RUSSIAN AGGLOMERATIONS

Lebedeva Liudmila Gennadevna, Candidate of Sociological Sciences, Senior Lecturer, Samara State University of Economics, Samara, Russia, lglebedeva@mail.ru

Abstract. This article analyzes the influence of social capital within migration networks on the labor and social adaptation of newcomers in major Russian cities. The empirical basis is based on the results of a mixed-methods study, including a mass survey of 850 migrants from Uzbekistan, Tajikistan, and Azerbaijan in Moscow and St. Petersburg, as well as 60 in-depth interviews using egocentric network analysis. The authors distinguish between the concepts of social connections and the actual mobilization of resources. It is established that bridging capital ensures initial survival and employment, but often perpetuates the informal status of newcomers. The transition to legal employment and full inclusion in local society is possible only with bridging ties with representatives of the host society. Particular attention is paid to the paradox of network interactions: on the one hand, they protect migrants from a hostile environment, on the other, they lead to their isolation. It is shown how the current patent system is informally mediated through shadow intermediaries, replacing direct integration. A conclusion is made about the need to shift the focus of state policy from strict administrative control to the creation of conditions for the formation of intergroup contacts and the integration of network structures into the legal field.

Keywords: social capital; migration networks; bonding capital; bridging capital;

labor integration; social distance.

Введение. В современной демографической и социологической литературе устойчиво закрепилось понимание миграции как сложного многомерного социального процесса [1], [2]. Если неоклассические экономические модели сводят мотивацию переселенцев к максимизации дохода и сокращению различий в заработной плате, то реалии современных российских агломераций демонстрируют несостоятельность исключительно утилитарного подхода [3-5]. Приток населения в крупные городские центры определяется не только состоянием локальных рынков труда, но и глубокими социальными сдвигами, культурными установками и спецификой межличностных взаимодействий. Именно социальное измерение позволяет адекватно оценить масштабы и направления миграционных потоков, а также объяснить, почему люди продолжают переезжать даже в условиях ужесточения миграционной политики и роста ксенофобских настроений в принимающем обществе [6-8].

На этом фоне особую аналитическую ценность приобретает теория миграционных сетей, которая смещает фокус с изолированного индивида на коллективные стратегии домохозяйств и социальные связи. Переезд в чужую страну или регион никогда не происходит в социальном вакууме. Опираясь на классические работы Д. Масси и его коллег, можно утверждать, что межличностные узы, связывающие мигрантов, бывших переселенцев и немигрантов в местах исхода и назначения, формируют специфический ресурс — социальный капитал. Этот капитал является фактором, влияющим на миграционное поведение. В условиях российских мегаполисов, где институциональные барьеры и адаптационные сложности особенно высоки, именно сети берут на себя функцию основного навигатора для приезжих, компенсируя дефицит формальных институтов поддержки [9], [10].

Ключевым механизмом влияния социальных связей на миграционную мобильность выступает существенное снижение транзакционных издержек и минимизация рисков, сопряженных с переездом. С точки зрения «новой

экономики миграции», домохозяйства используют переселение как стратегию диверсификации рисков и преодоления ограничений локальных рынков [11]. Однако реализация этой стратегии невозможна без устойчивых доверительных связей. Миграционные сети предоставляют приезжим доступ к неформальной информации о вакансиях, помогают с поиском жилья и решением бытовых вопросов, фактически заменяя собой отсутствующие или труднодоступные институты страхования и кредитования [12]. Для мигрантов в российских агломерациях, сталкивающихся с проблемами легализации и высокой вероятностью эксплуатации, опора на земляков или родственников становится вопросом выживания. Каждая новая волна переселенцев, опираясь на сложившиеся диаспоральные структуры, облегчает последующую миграцию, запуская механизм кумулятивной причинности, при котором миграционные потоки поддерживают собственное воспроизводство [13].

Тем не менее, роль социального капитала не ограничивается лишь этапом принятия решения о переезде и первичного устройства на новом месте. По мере закрепления мигрантов в принимающем обществе функции сетей трансформируются, напрямую влияя на траектории их трудовой и социальной интеграции. Как показывают эмпирические исследования, в том числе проведенные Институтом социологии РАН, успешность включения приезжих в локальный социум критически зависит от того, как их собственные сети взаимодействуют с интеграционным потенциалом принимающего сообщества [14-16]. При этом важно разграничивать понятия адаптации, предполагающей зачастую одностороннее и поверхностное приспособление приезжих к местным нормам, и интеграции, требующей встречных шагов и формирования атмосферы доброжелательности. Замкнутость этнических сетей может способствовать сегрегации и формированию закрытых анклавов, тогда как их способность выстраивать мосты с местным населением создает базу для подлинной социальной сплоченности [17]. В связи с этим целью настоящей статьи является анализ того, как социальный капитал миграционных сетей влияет на процессы

адаптации приезжих в российских агломерациях и какие барьеры со стороны принимающего общества препятствуют использованию сетевых ресурсов для устойчивой интеграции.

Обзор литературы. Неоклассические модели миграции, рассматривающие перемещение населения исключительно как реакцию на различия в уровнях заработной платы, уступили место более сложным социологическим подходам. Фундаментальный вклад в это смещение внесла теория миграционных сетей, разработанная Д. Масси и его коллегами. Согласно этому подходу, миграция представляет собой кумулятивный социальный процесс, где межличностные узы, связывающие мигрантов с их окружением в странах исхода и назначения, выступают самостоятельным фактором, снижающим транзакционные издержки и минимизирующим риски переезда. Сети обеспечивают воспроизводство потоков, трансформируя индивидуальный выбор в коллективную стратегию домохозяйств [18].

В российском научном дискурсе проблемы адаптации и интеграции мигрантов все чаще анализируются через призму взаимодействия принимающего общества и приезжих. Исследования, в том числе проведенные под руководством В.И. Мукомеля, демонстрируют, что интеграция не является односторонним приспособлением новоприбывших. Это встречный процесс, эффективность которого напрямую зависит от интеграционного потенциала принимающих сообществ, уровня межэтнического доверия и институциональной среды [19]. Однако в условиях сохраняющейся настороженности части местного населения и наличия специфических этнофобий, мигранты вынуждены опираться на внутренние ресурсы.

Здесь на первый план выходит концепция социального капитала, который в контексте миграции традиционно разделяется на связующий и мостовой. Связующий капитал формируется за счет плотных внутригрупповых связей с земляками и родственниками, обеспечивая базовую поддержку и выживание. Мостовой капитал представляет собой слабые межгрупповые связи с

представителями принимающего общества или иных этнических групп, открывая доступ к новым ресурсам и информации [20].

Несмотря на обилие публикаций, в отечественной демографии и социологии остается недостаточно разработанным вопрос о разграничении трех принципиально разных состояний: наличия миграционных связей, доступности ресурсов через эти связи и фактического использования данных ресурсов. Наличие десятков земляков в агломерации не тождественно наличию полезного социального капитала, если вся когорта сосредоточена в теневом секторе и не обладает легальным статусом. Настоящее исследование направлено на заполнение этого пробела. Мы выдвигаем гипотезу: связующий капитал обеспечивает первичное трудоустройство и базовую адаптацию, однако именно мостовой капитал определяет возможности глубокой социальной интеграции, повышения языковой компетенции и перехода в формальную экономику.

Материалы и методы исследования. Эмпирическую базу исследования составили данные, собранные в Московской и Санкт-Петербургской агломерациях. Выбор данных мегаполисов обусловлен их ролью главных центров притяжения трудовой миграции в России. Генеральную совокупность составили трудовые мигранты из трех ключевых стран исхода — Узбекистана, Таджикистана и Азербайджана, различающихся по культурным особенностям и внешнему облику, что позволяет учитывать влияние стигматизации, описанное в исследованиях принимающего общества.

Для исследования социального капитала миграционных сетей используется смешанный аналитический подход, предусматривающий разграничение качественного и количественного компонентов. Количественный компонент представлен анкетной совокупностью из 850 респондентов, качественный — 60 глубинными интервью. В рамках интервью участники составляли эгоцентрические схемы социальных контактов, включавшие до пяти значимых участников персональной сети. Для каждого контакта учитывались характер связи, частота взаимодействия и предоставляемые ресурсы. Указанная

процедура позволяет интерпретировать особенности ближайшего социального окружения, однако карты, сформированные в качественном компоненте, не следует автоматически отождествлять с сетевыми переменными количественной регрессионной модели. При сравнительном анализе связующего и мостового капитала необходимо разграничивать показатели внутригрупповой плотности связей и наличие межгрупповых контактов. Результаты регрессионного анализа интерпретируются применительно к количественной совокупности наблюдений, тогда как интервью используются для содержательного объяснения возможных механизмов взаимодействия.

Операционализация переменных строилась следующим образом. Зависимые переменные (показатели интеграции) были разделены на четыре блока:

1) языковая компетенция (самооценка и результаты короткого тестирования);

2) характеристики занятости (сектор экономики, легальность оформления, уровень дохода);

3) доступ к социальным услугам (обращаемость в государственные клиники, использование полиса ДМС);

4) социальное взаимодействие с принимающим обществом (доля местных жителей в ближнем круге общения).

Независимыми переменными выступали показатели связующего и мостового капитала, измеренные через состав контактов и характер мобилизуемых ресурсов. В качестве контрольных переменных, позволяющих изолировать эффект сетей от иных факторов, учитывались: продолжительность проживания в РФ, уровень образования, текущий правовой статус (наличие патента/РВП), исходные языковые навыки и предыдущий миграционный опыт.

Результаты исследования и их обсуждение. Анализ эго-сетей показал, что миграционные сети в российских агломерациях имеют ярко выраженную сегментированную структуру. Землячества и родственные кластеры выступают

каркасом для формирования «этнических ниш» на рынке труда. Мигранты из Таджикистана и Узбекистана преимущественно концентрируются в сфере строительства, ЖКХ и розничной торговли, тогда как выходцы из Азербайджана чаще задействованы в сфере услуг, общественном питании и мелком предпринимательстве.

Однако структурный анализ выявил парадокс доступности ресурсов. Наличие обширной сети земляков (высокий показатель связующего капитала) не гарантирует доступа к легальной занятости. Более того, в когортах с высокой долей теневой занятости сильные внутригрупповые связи работают как механизм удержания индивида в нелегальном поле. Социальный контроль со стороны земляков предотвращает переход мигранта в легальный сектор, так как это требует дополнительных издержек (налоги, патент), которые не компенсируются сетью (таблица 1).

Таблица 1 - Типология миграционных сетей по характеру мобилизуемых ресурсов

Тип сети / Характер связей	Доминирующий состав контактов	Ключевые мобилизуемые ресурсы	Ограничения и риски
Связующая	Родственники, земляки, соотечественники	Первичное жилье, неформальное трудоустройство, экстренные займы, защита от внешних угроз	Высокий социальный контроль, ограничение мобильности, воспроизводство теневого статуса
Мостовая	Местные жители, представители иных диаспор, сотрудники НКО, юристы	Информация о легальных вакансиях, помощь в оформлении патентов, языковая практика, доступ к медицине	Высокие транзакционные издержки при установлении связей, низкий уровень доверия
Институционально-посредническая	Теневые брокеры, «бригадиры», посредники по патентам	Гарантированное (но часто фиктивное) оформление документов, решение проблем с миграционной полицией	Финансовая эксплуатация, правовая уязвимость, шантаж

Источник: разработано автором.

Эмпирические данные подтвердили выдвинутую гипотезу о различии функций внутригрупповых и межгрупповых связей. Связующий капитал

критически важен на первом этапе (до 1-2 лет пребывания). Он снижает издержки поиска работы и жилья. Респонденты отмечали, что без рекомендации земляка попасть на стройку или в клининговую компанию практически невозможно.

Однако при переходе к показателям глубокой интеграции картина меняется. Регрессионный анализ (с учетом контрольных переменных) продемонстрировал, что плотность связующих сетей имеет слабую отрицательную или нулевую корреляцию с уровнем владения русским языком и частотой обращений в государственные медицинские учреждения. Мигранты, чьи эго-сети состоят исключительно из земляков, реже узнают о своих правах и льготах.

Напротив, наличие даже небольшого количества мостовых связей (2-3 контакта среди местных жителей или русскоязычных профессионалов) статистически значимо повышает вероятность легализации занятости и улучшения языковых навыков. Мостовой капитал служит каналом передачи информации о нормах принимающего общества, что помогает мигрантам преодолевать стереотипные барьеры и снижать влияние этнофобных установок, описанных в исследованиях принимающего населения (рисунок 1).

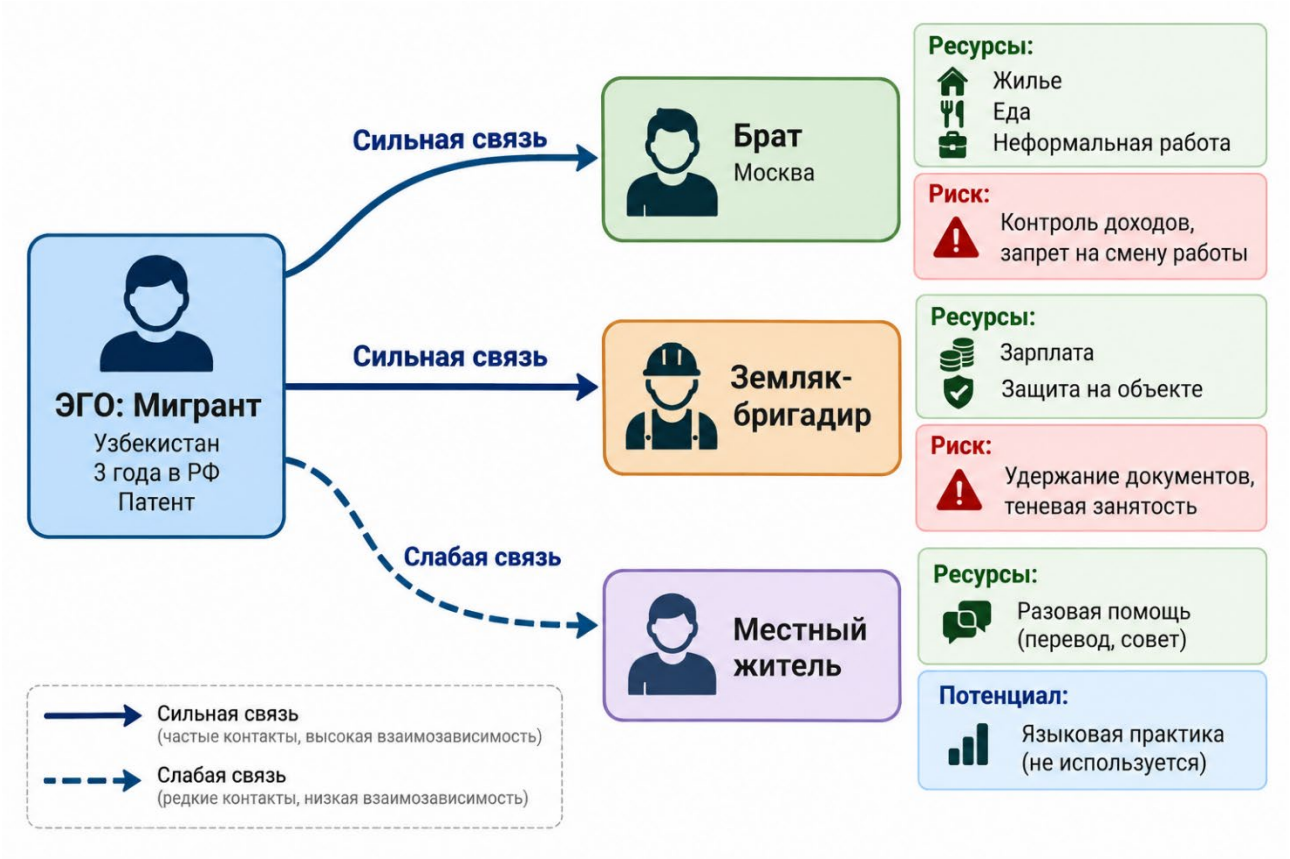

Рисунок 1 - Эгоцентрическая карта ресурсов типичного мигранта с преобладанием связующего капитала (источник: разработано автором)

Несмотря на наличие контакта с местным жителем, институциональные и языковые барьеры, а также социальный контроль со стороны связующей сети препятствуют использованию этого контакта как ресурса глубокой социальной интеграции.

Анализ показал, что миграционное законодательство (в частности, патентная система и квотирование) не отменяет роль сетей, а видоизменяет ее. Формальные институты часто оказываются недоступными для мигрантов из-за бюрократических барьеров и незнания языка. В результате возникает специфический сегмент сетей — институционально-посреднический.

Теневые брокеры и «бригадиры» монополизируют доступ к процедурам оформления легального статуса. Они не просто помогают оформить патент, но и выступают гарантами перед работодателями. Однако эта услуга имеет высокую цену: мигрант вынужден отдавать часть дохода или соглашаться на ухудшение условий труда. Таким образом, неформальные сетевые практики формируют

теневой аналог официальных процедур, при котором интеграция подменяется зависимостью от посредника (таблица 2).

Таблица 2 - Влияние типов социального капитала на показатели интеграции (стандартизированные коэффициенты регрессии)

Показатель интеграции	Связующий капитал (плотность земляческих связей)	Мостовой капитал (доля местных/иногрупповых контактов)	Контрольные переменные (значимые)
Легальность занятости	- 0,12 (незнач.)	+ 0,34 (p<0,01)	Правовой статус (+0,41), Срок пребывания (+0,15)
Уровень владения русским языком	- 0,08 (незнач.)	+ 0,45 (p<0,001)	Исходные навыки (+0,52), Образование (+0,22)
Доступ к мед. услугам (гос. клиники)	- 0,15 (p<0,05)	+ 0,28 (p<0,05)	Наличие полиса ДМС (+0,60)
Уровень социальной дистанции	+ 0,22 (p<0,01)	- 0,38 (p<0,001)	Длительность проживания (+0,30)

Источник: разработано автором.

Примечание: Показатель социальной дистанции используется в прямой кодировке: более высокие значения соответствуют большей социальной дистанции, а более низкие - её сокращению. Поэтому положительный коэффициент связующего капитала (+0,22) характеризует прямую статистическую связь с уровнем социальной дистанции, а отрицательный коэффициент мостового капитала (−0,38) - обратную связь. Коэффициент продолжительности проживания (+0,30), приведённый среди контрольных переменных, интерпретируется в соответствии с той же кодировкой.

Качественный анализ позволил выявить двойственную природу миграционных сетей. С одной стороны, они обеспечивают психологическую защиту и материальную поддержку в условиях враждебной или настороженной среды принимающего общества. Мигранты, сталкивающиеся с бытовым национализмом или несправедливым отношением со стороны работодателей, находят убежище и поддержку внутри землячеств.

С другой стороны, эта же защитная функция ведет к социальной изоляции. Высокая плотность связующих сетей формирует замкнутые анклавы, где

воспроизводятся собственные нормы, ограничивается языковая практика и сужается кругозор. Мигрант оказывается «защищенным» от внешнего мира, но лишенным возможностей для социальной мобильности внутри принимающей страны (рисунок 2).

Рисунок 2 - Матрица конфигураций сетей и траекторий интеграции (источник: разработано автором)

Матрица наглядно демонстрирует, что связующий капитал сам по себе не ведет к интеграции. Только в комбинации с мостовым капиталом он позволяет мигранту сохранить поддержку «своих», одновременно интегрируясь в экономику и социум принимающей страны.

Проведенное исследование позволило не только подтвердить, но и существенно детализировать представления о роли социального капитала в миграционных процессах. Научная новизна работы заключается в разработке типологии миграционных сетей по характеру доступных ресурсов и эмпирическом доказательстве того, что наличие связей не тождественно их полезности.

Результаты анализа свидетельствуют о различиях в характере связей социального капитала мигрантов с показателями трудовой и социальной интеграции. Связующий капитал, формируемый посредством родственных, земляческих и иных устойчивых внутригрупповых контактов, может обеспечивать первоначальную информационную и материальную поддержку. При этом высокая концентрация взаимодействий внутри ограниченного социального окружения в отдельных условиях может сочетаться с меньшей интенсивностью контактов с принимающим обществом. Мостовой капитал, включающий межгрупповые связи, статистически ассоциирован с отдельными показателями интеграции, в том числе с легальностью занятости и языковой компетенцией.

Институциональный контекст, в частности патентная система, в российских реалиях подталкивает мигрантов к зависимости от теневых сетевых посредников. Это создает порочный круг, где формальная легализация достигается ценой усиления неформальной, теневой зависимости.

Результаты исследования имеют важное значение для разработки миграционной политики. Усилия по интеграции не должны сводиться исключительно к адаптации самих мигрантов (языковые курсы, тестирование). Одним из основных направлений государственной и муниципальной политики должно стать создание институциональных условий, облегчающих формирование мостовых связей. Это может включать развитие сети юридических клиник, программ наставничества, создание пространств для межкультурного взаимодействия, которые позволяли бы мигрантам выходить за рамки замкнутых этнических анклавов и легитимно интегрироваться в социально-экономическую структуру российских агломераций.

Выводы. Результаты проведенного исследования позволяют по-новому взглянуть на механизмы включения приезжих в структуру российских мегаполисов. Мы исходили из того, что миграционные сети не только облегчают первоначальный переезд, но и выступают самостоятельным фактором

дальнейшей адаптации. Эмпирические данные подтвердили: наличие обширных родственных и земляческих связей действительно снижает транзакционные издержки на стартовом этапе. Однако эта же плотная внутренняя структура часто препятствует переходу мигранта к легальной занятости. Замыкаясь в рамках этнических ниш, переселенцы вынуждены опираться на теневых посредников, что консервирует их уязвимый правовой статус и препятствует формированию мостовых связей с принимающим обществом.

Сложившаяся в России модель миграционного регулирования вступает в противоречие с реальными механизмами миграционных процессов. Патентная система и квотирование, будучи ориентированными исключительно на формальный контроль, фактически игнорируют неформальные институты, через которые мигранты решают свои повседневные задачи. Как показал анализ, ужесточение административных барьеров не останавливает приток рабочей силы, но лишь увеличивает долю теневого сетевого посредничества. В таких условиях государственные институты оказываются вытеснены неформальными брокерами, которые монополизируют доступ к легализации, извлекая из этого ренту и усиливая зависимость приезжих. Подобная ситуация ведет к тому, что интеграция подменяется вынужденной адаптацией к правилам теневых сетей, а не к нормам принимающего социума.

Для выхода из этого замкнутого круга миграционная политика должна перейти от жесткого административного контроля к подходу, учитывающему роль социального капитала. Ключевым вектором здесь становится работа не только с самими мигрантами, но и с принимающим обществом. Интеграция не может быть односторонним процессом ассимиляции. Как демонстрируют исследования межнациональных отношений, высокий уровень ксенофобии и мигрантофобии среди местного населения разрушает потенциал для создания мостовых связей. Если местные жители воспринимают приезжих исключительно как угрозу культурной идентичности или конкурентов за рабочие места, любые языковые курсы и тестирования на знание истории окажутся

малоэффективными. Следовательно, просветительские кампании и программы межкультурного диалога должны быть направлены на снижение социальной дистанции и разрушение стереотипов, формируя более благоприятную среду для повседневных взаимодействий.

Параллельно необходимо создать легальные формы взаимодействия с сетевыми структурами и включить их в механизмы государственной миграционной политики. Привлечение авторитетных представителей мигрантских сообществ к распространению правовой информации, консультированию по вопросам трудового законодательства и содействию в оформлении документов позволит снизить зависимость приезжих от криминальных посредников. Сетевой ресурс должен быть перенаправлен из тени в легальное поле. Муниципальным властям в крупных агломерациях стоит развивать практики сетевого партнерства, создавая на базе общественных пространств или некоммерческих организаций пункты комплексной поддержки, где мигранты могли бы получать услуги не через посредников, а напрямую, опираясь при этом на доверие к своим землякам.

Наконец, решение проблем трудовой интеграции требует пересмотра подходов к использованию иностранной рабочей силы. Отказ от жесткой привязки мигранта к одному работодателю и создание прозрачных механизмов найма позволят устранить сложившуюся практику эксплуатации, которая сегодня часто маскируется под сетевую взаимопомощь. Только при условии сочетания гибкого трудового законодательства, снижения уровня этнофобии в принимающем обществе и признания сетевых ресурсов как фактора развития, а не угрозы, можно достичь подлинной социальной сплоченности. В противном случае миграционные сети будут и далее воспроизводить изолированные анклавы, что в долгосрочной перспективе несет серьезные риски для демографической и социальной безопасности российских агломераций.

Список литературы

1. Бразевич С. С. Социальные сети мигрантов как новая коммуникативная

локальность, квазиинституты этничности и логика виртуализации социального капитала // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. — 2023. — № 1. — С. 38–47. — DOI: 10.24412/1994-3776-2023-1-38-47.

2. Tuominen M., Kilpi-Jakonen E., García Velázquez R., Castaneda A., Kuusio H. Building Social Capital in a New Home Country. A Closer Look into the Predictors of Bonding and Bridging Relationships of Migrant Populations at Different Education Levels // Migration Studies. — 2023. — Vol. 11, No. 4. — P. 598–630. — DOI: 10.1093/migration/mnad022.

3. Осадчая Г. И., Юдина Т. Н., Волкова О. А., Киреев Е. Ю. Migrants From Central Asia in the Moscow Agglomeration: Social Well-Being and Demographic Attitudes // Changing Societies & Personalities. — 2024. — Vol. 8, No. 2. — P. 375–398. — DOI: 10.15826/csp.2024.8.2.279.

4. Zhang Y., You C., Pundir P., Meijering L. Migrants' Community Participation and Social Integration in Urban Areas: A Scoping Review // Cities. — 2023. — Vol. 141. — Art. 104447. — DOI: 10.1016/j.cities.2023.104447.

5. Мамедов А. К., Мясникова О. Ю. Социальный капитал как стратегический механизм аккультурации трудовых мигрантов // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. — 2024. — № 1. — С. 49–63. — DOI: 10.28995/2073-6304-2024-1-49-63.

6. Rüdel J., Steinmann J.-P. “With a Little Help from My Educated Friends”: Revisiting the Role of Social Capital for Immigrants’ Labour Market Integration in Germany // Comparative Migration Studies. — 2024. — Vol. 12. — Art. 7. — DOI: 10.1186/s40878-024-00366-3.

7. Шекера Е. А. Адаптационный потенциал мигрантской молодёжи в мегаполисе: ресурсообеспеченность и возможность развития (на примере дагестанцев, проживающих в Санкт-Петербурге) // Социологическая наука и социальная практика. — 2024. — Т. 12, № 2. — С. 122–146. — DOI: 10.19181/snsp.2024.12.2.6.

8. Wessendorf S., Gembus M. The Social Front Door: The Role of Social

Infrastructures for Migrant Arrival // Journal of Ethnic and Migration Studies. — 2024. — Vol. 50, No. 12. — P. 2822–2838. — DOI: 10.1080/1369183X.2024.

9. Эндрюшко А. А. Образовательные и трудовые мигранты из постсоветских стран: адаптация в российском обществе и установки на интеграцию // Социологические исследования. — 2024. — № 12. — С. 60–73. — DOI: 10.31857/S0132162524120069.

10. Jochim V., Macková L. “I Found Everything in Them”: Formation of Migrant Networks and Social Capital // International Migration. — 2024. — Vol. 62, No. 6. — P. 140–157. — DOI: 10.1111/imig.13318.

11. Бабкин Р. А., Махрова А. Г., Медведникова Д. М. Иностранные мигранты в Московской агломерации: пространственно-временной анализ на основе данных сотовых операторов // Известия Российской академии наук. Серия географическая. — 2024. — Т. 88, № 2. — С. 105–118. — DOI: 10.31857/S2587556624020014.

12. Zhang X., Lu X., Huang C., Liu W., Wang G. The Impact of Social Capital on Migrants’ Social Integration: Evidence from China // Sustainability. — 2024. — Vol. 16, No. 13. — Art. 5564. — DOI: 10.3390/su16135564.

13. Варшавская Е. Я., Денисенко М. Б. Мигранты на рынке труда Москвы // Вопросы экономики. — 2025. — № 1. — С. 44–70. — DOI: 10.32609/0042-8736-2025-1-44-70.

14. Matsuyama H., Okamoto C., Sato Y. Social Integration of Immigrants in Cities: Theory and Evidence from the European Social Survey // The Japanese Economic Review. — 2025. — Vol. 76. — P. 957–986. — DOI: 10.1007/s42973-025-00215-7.

15. Тимошкин Д., Ермаков Т., Иванов К., Тарасов П., Жарков М., Потехин А. Опыт анализа «цифровых следов» процесса структурной интеграции мигрантов в России с помощью нейросети BERT // Социологическое обозрение. — 2025. — Т. 24, № 1. — С. 332–356. — DOI: 10.17323/1728-192x-2025-1-332-356.

16. Liao L., Cai X., Liu L., Sun Z. Exploring Heterogeneous Paths of Social Integration of the Floating Population in the Communities in Guangdong, China // Cities. — 2025.

— Vol. 163. — Art. 106024. — DOI: 10.1016/j.cities.2025.106024.

17. Нам И. В. Интеграционные стратегии и практики мигрантов: от локальных инфраструктур до транснациональных сценариев. Введение к специальной теме номера // Сибирские исторические исследования. — 2025. — № 4. — С. 34–46. — DOI: 10.17223/2312461X/50/2.

18. Мокин К. С. Виртуализация территориальной идентичности как основание формирования цифровых анклавов мигрантов в мегаполисе (на примере Москвы) // Мир России. — 2026. — Т. 35, № 1. — С. 6–27. — DOI: 10.17323/1811-038X-2026-35-1-6-27.

19. Hernández Gomes E., Kılınç N. “The Library Experience Goes Far Beyond Books”: Latin American Women’s Narratives of Transcultural Embedding and Social Integration Through Using Public Libraries in Helsinki // Migration Studies. — 2026. — Vol. 14, No. 1. — P. 1–20. — Art. mnaf064. — DOI: 10.1093/migration/mnaf064.

20. Леденева В. Ю., Юдина Т. Н., Комарова В. Г. Критерии и показатели социологической оценки адаптации и интеграции мигрантов: методологическая модель мониторинга // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2026. — Т. 19, № 9. — С. 1940–1952.

References

1. Brazevich S. S. Social`ny`e seti migrantov kak novaya kommunikativnaya lokal`nost`, kvaziinstituty` e`tnichnosti i logika virtualizacii social`nogo kapitala // Teleskop: zhurnal sociologicheskix i marketingovy`x issledovanij. — 2023. — № 1. — S. 38–47. — DOI: 10.24412/1994-3776-2023-1-38-47.

2. Tuominen M., Kilpi-Jakonen E., García Velázquez R., Castaneda A., Kuusio H. Building Social Capital in a New Home Country. A Closer Look into the Predictors of Bonding and Bridging Relationships of Migrant Populations at Different Education Levels // Migration Studies. — 2023. — Vol. 11, No. 4. — P. 598–630. — DOI: 10.1093/migration/mnad022.

3. Osadchaya G. I., Yudina T. N., Volkova O. A., Kireev E. Yu. Migrants From Central Asia in the Moscow Agglomeration: Social Well-Being and Demographic

Attitudes // Changing Societies & Personalities. — 2024. — Vol. 8, No. 2. — P. 375–398. — DOI: 10.15826/csp.2024.8.2.279.

4. Zhang Y., You C., Pundir P., Meijering L. Migrants' Community Participation and Social Integration in Urban Areas: A Scoping Review // Cities. — 2023. — Vol. 141. — Art. 104447. — DOI: 10.1016/j.cities.2023.104447.

5. Mamedov A. K., Myasnikova O. Yu. Social`ny`j kapital kak strategicheskij mexanizm akkul`turacii trudovy`x migrantov // Vestnik RGGU. Seriya: E`konomika. Upravlenie. Pravo. — 2024. — № 1. — S. 49–63. — DOI: 10.28995/2073-6304-2024-1-49-63.

6. Rüdel J., Steinmann J.-P. “With a Little Help from My Educated Friends”: Revisiting the Role of Social Capital for Immigrants’ Labour Market Integration in Germany // Comparative Migration Studies. — 2024. — Vol. 12. — Art. 7. — DOI: 10.1186/s40878-024-00366-3.

7. Shekera E. A. Adaptacionny`j potencial migrantskoj molodyozhi v megapolise: resursoobespechennost` i vozmozhnost` razvitiya (na primere dagestancev, prozhivayushhix v Sankt-Peterburge) // Sociologicheskaya nauka i social`naya praktika. — 2024. — T. 12, № 2. — S. 122–146. — DOI: 10.19181/snsp.2024.12.2.6.

8. Wessendorf S., Gembus M. The Social Front Door: The Role of Social Infrastructures for Migrant Arrival // Journal of Ethnic and Migration Studies. — 2024. — Vol. 50, No. 12. — P. 2822–2838. — DOI: 10.1080/1369183X.2024.

9. E`ndryushko A. A. Obrazovatel`ny`e i trudovy`e migranty` iz postsovetskix stran: adaptaciya v rossijskom obshhestve i ustanovki na integraciyu // Sociologicheskie issledovaniya. — 2024. — № 12. — S. 60–73. — DOI: 10.31857/S0132162524120069.

10. Jochim V., Macková L. “I Found Everything in Them”: Formation of Migrant Networks and Social Capital // International Migration. — 2024. — Vol. 62, No. 6. — P. 140–157. — DOI: 10.1111/imig.13318.

11. Babkin R. A., Maxrova A. G., Medvednikova D. M. Inostranny`e migranty` v Moskovskoj aglomeracii: prostranstvenno-vremennoj analiz na osnove danny`x

sotovy`x operatorov // Izvestiya Rossijskoj akademii nauk. Seriya geograficheskaya. — 2024. — T. 88, № 2. — S. 105–118. — DOI: 10.31857/S2587556624020014.

12. Zhang X., Lu X., Huang C., Liu W., Wang G. The Impact of Social Capital on Migrants' Social Integration: Evidence from China // Sustainability. — 2024. — Vol. 16, No. 13. — Art. 5564. — DOI: 10.3390/su16135564.

13. Varshavskaya E. Ya., Denisenko M. B. Migranty` na ry`nke truda Moskvy` // Voprosy` e`konomiki. — 2025. — № 1. — S. 44–70. — DOI: 10.32609/0042-8736-2025-1-44-70.

14. Matsuyama H., Okamoto C., Sato Y. Social Integration of Immigrants in Cities: Theory and Evidence from the European Social Survey // The Japanese Economic Review. — 2025. — Vol. 76. — P. 957–986. — DOI: 10.1007/s42973-025-00215-7.

15. Timoshkin D., Ermakov T., Ivanov K., Tarasov P., Zharkov M., Potexin A. Opy`t analiza «cifrovy`x sledov» processa strukturnoj integracii migrantov v Rossii s pomoshh`yu nejroseti BERT // Sociologicheskoe obozrenie. — 2025. — T. 24, № 1. — S. 332–356. — DOI: 10.17323/1728-192x-2025-1-332-356.

16. Liao L., Cai X., Liu L., Sun Z. Exploring Heterogeneous Paths of Social Integration of the Floating Population in the Communities in Guangdong, China // Cities. — 2025. — Vol. 163. — Art. 106024. — DOI: 10.1016/j.cities.2025.106024.

17. Nam I. V. Integracionny`e strategii i praktiki migrantov: ot lokal`ny`x infrastruktur do transnacional`ny`x scenariev. Vvedenie k special`noj teme nomera // Sibirskie istoricheskie issledovaniya. — 2025. — № 4. — S. 34–46. — DOI: 10.17223/2312461X/50/2.

18. Mokin K. S. Virtualizaciya territorial`noj identichnosti kak osnovanie formirovaniya cifrovy`x anklavov migrantov v megapolise (na primere Moskvy`) // Mir Rossii. — 2026. — T. 35, № 1. — S. 6–27. — DOI: 10.17323/1811-038X-2026-35-1-6-27.

19. Hernández Gomes E., Kılınç N. "The Library Experience Goes Far Beyond Books": Latin American Women's Narratives of Transcultural Embedding and Social Integration Through Using Public Libraries in Helsinki // Migration Studies. — 2026.

— Vol. 14, No. 1. — P. 1–20. — Art. mnaf064. — DOI: 10.1093/migration/mnaf064.
20. Ledeneva V. Yu., Yudina T. N., Komarova V. G. Kriterii i pokazateli sociologicheskoj ocenki adaptacii i integracii migrantov: metodologicheskaya model` monitoringa // Zhurnal Sibirskogo federal`nogo universiteta. Seriya: Gumanitarny`e nauki. — 2026. — T. 19, № 9. — S. 1940–1952.

Статья поступила в редакцию 09.04.2026; одобрена после рецензирования 08.05.2026; принята к публикации 31.08.2026.

The article was submitted 09.04.2026; approved after peer review 08.05.2026; accepted for publication 31.08.2026.

CONTENTS

5.2.7. State and Municipal administration 11

Smirnov N. N. TRANSFORMATION OF THE SPATIAL STRUCTURE OF THE CITY UNDER THE INFLUENCE OF MIGRATION PROCESSES AND ITS IMPACT ON THE MECHANISMS OF MUNICIPAL MANAGEMENT 11

Kotelnikova E. A., Motkin R. V. INSTITUTIONAL TRANSFORMATION OF THE CIVIL SERVICE IN THE CONTEXT OF CHANGING SOCIAL AND LABOR RELATIONS 29

Shchemeleva I. I. INFLUENCE OF REGIONAL SOCIAL AND CULTURAL FEATURES ON THE PROCESS OF MAKING MANAGERIAL DECISIONS AT THE MUNICIPAL LEVEL 49

Boboshko A. A. TRANSFORMATION OF LOCAL SELF-GOVERNMENT AUTONOMY IN THE TRANSFER OF REGIONAL POWERS 69

Litvintseva S. A. DEVIATIONS IN THE WORK OF EXECUTIVE BODIES IN THE IMPLEMENTATION OF STATE PROGRAMS 90

INTEGRATION OF PUBLIC ASSOCIATIONS IN THE SYSTEM FOR EVALUATING THE EFFECTIVENESS OF REGIONAL MINISTRIES AND DEPARTMENTS..... 112

5.4.2. Economic Sociology..... 133

Kifichak T. Y. SOCIOLOGY OF PLATFORM EMPLOYMENT: ALGORITHMIC CONTROL, LOSS OF AUTONOMY AND FORMATION OF DIGITAL PRECARIAT..... 133

Smirnova Yu. A. INFORMAL MECHANISMS FOR SECURING TRANSACTIONS IN LOCAL MARKETS: THE ROLE OF TRUST, REPUTATION AND SOCIAL NETWORKS 153

Filippova K. V. ETHICAL AND STATUS CONSUMPTION IN SOCIAL DIFFERENTIATION STRATEGIES OF THE RUSSIAN URBAN MIDDLE CLASS..... 171

Shekunova Yu. O. SOCIOLOGY OF HOUSEHOLD DEBT: MORAL ECONOMICS OF BORROWING AND STIGMATIZATION OF BANKRUPTCY IN RUSSIAN SOCIETY 188

5.4.3. Demographics 206

Peredumov M. A. INSTITUTIONAL TRAPS OF THE SECOND DEMOGRAPHIC TRANSITION: THE GAP BETWEEN EGALITARIAN ATTITUDES AND REPRODUCTIVE BEHAVIOR 206

Lebedeva L.G. THE SOCIAL CAPITAL OF MIGRATION NETWORKS AND ITS ROLE IN THE LABOR AND SOCIAL INTEGRATION OF MIGRANTS IN RUSSIAN AGGLOMERATIONS…..…… 229